

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ. АВТОБИОГРАФИИ. П.-Н.И.

В.М. БЕХТЕРЕВ

В.М. БЕХТЕРЕВ
ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

Автобиографии.
Психо-Неврологический Институт.

МИНИСТЕРСТВО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ПСИХИАТРИИ И НЕВРОЛОГИИ ИМ. В.М. БЕХТЕРВА»
МИНИСТЕРСТВА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В.М. БЕХТЕРЕВ

ИЗ НАУЧНОГО
НАСЛЕДИЯ

III том

Автобиографии.
Психо-Неврологический Институт.

Санкт-Петербург
2022

Издание осуществлено по решению Редакционного совета
Федерального государственного бюджетного учреждения
«Национальный медицинский исследовательский центр
психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева»
Министерства здравоохранения Российской Федерации

Рецензент:

з.д.н. РФ, доктор медицинских наук, профессор Н.Г. Незнанов

Редактор-составитель:

доктор медицинских наук, профессор М.А. Акименко

В.М. Бехтерев. Из научного наследия. III том. Автобиографии. Психоневрологический Институт. – СПб.: Прима Локо, 2022. – 356 с., илл.

В 2022 г. исполняется 165 лет со дня рождения В.М. Бехтерева и 115 лет со дня основания великим ученым Психоневрологического института, ставшего всемирно известным в течение прошедшего столетия, а в 2017 г. получившего почетный статус Федерального государственного бюджетного учреждения Санкт-Петербургский «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева» Министерства здравоохранения Российской Федерации. Настоящее издание подготовлено к этим двум датам. В нем представлены биографии В.М. Бехтерева, опубликованные ранее и никогда не публиковавшиеся, написанные рукой самого Владимира Михайловича. Поскольку история Психоневрологического Института подробно изложена в монографии, изданной в 2007 г. (к 100-летию основания Института) в настоящем издании мы публикуем только статью В.М. Бехтерева «Задачи Психоневрологического Института» – речь, произнесенную при открытии курсов института 3 февраля 1908 г., мало известную даже специалистам. Эти материалы дополнены фотодокументами: альбомом «Психоневрологический Институт», подаренным В.М. Бехтереву в 1913 г. его учеником и альбомом «Школа В.М. Бехтерева», который преподнесли ученики В.М. Бехтерева своему Учителю к 25-й годовщине его профессорской деятельности.

Издание предназначено для всех, кого интересуют проблемы психиатрии, неврологии, психологии и смежных с ними наук.

ISBN ____

© НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева, 2022
© ООО «Прима Локо», оформление, 2022

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В 2022 г. исполняется 165 лет со дня рождения В.М. Бехтерева (1857-1927) и 115 лет со дня основания великим ученым Психоневрологического института (1907 г.), завоевавшего всемирную известность в течение прошедшего столетия, а в 2017 г. получившего почетный статус Федерального государственного бюджетного учреждения «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева» Министерства здравоохранения Российской Федерации. После длительных размышлений о том, изданием каких работ основателя Института отметить эти две знаменательные даты, было принято решение подготовить очередной том «В.М. Бехтерев. Из научного наследия», включив в него автобиографии В.М. Бехтерева, написанные им в разные годы и выступление Владимира Михайловича 3 февраля 1908 г. на тему: «Задачи Психоневрологического Института» в связи с открытием учебных курсов во вновь образованном учреждении. Дополняем издание фотокопией двух уникальных альбомов: «Школа В.М. Бехтерева», который преподнесли ученики В.М. Бехтерева своему Учителю к 25-ой годовщине его профессорской деятельности в 1910 г. и «Бехтеревский (Психоневрологический Институт)», подаренным В.М. Бехтереву в 1913 г. одним из его учеников.

Конечно, к настоящему времени опубликовано несколько десятков биографий В.М. Бехтерева, написанных различными авторами (С.А. Венгеров, 1892, Н.И. Афанасьев, 1909, А.Б. Залкинд, 1926, И.В. Козлов, 1928, Н.И. Гращенков, 1947, В. Просецкий, 1952, В.Н. Мясичев, 1957, Тополянский В.Д., 1989 и др.). Среди них выделяется работа А.С. Никифорова «Бехтерев» в серии «Жизнь замечательных людей» (1986 г.), с рецензентами з.д.н., д.м.н., профессором Г.А. Акимовым, з.д.н., д.м.н., профессором М.М. Кабановым и д.м.н. А.М. Шерешевским. Но с биографиями, написанными самим Владимиром Михайловичем, мало кто знаком.

Первой представляется читателям биография В.М. Бехтерева, хранящаяся в фондах (фонд I, ед. хр. 14) мемориального музея В.М. Бехтерева при «НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева» Минздрава РФ. Она не имеет даты написания, но последние фразы ее текста указывают на 1890-91 гг. Эта автобиография не публиковалась ни до революции, ни после нее. В 2012 г. ученый секретарь Института и одновременно главный хранитель фондов музея М.А. Акименко подготовила ее к печати и она была опубликована в журнале «Обзор психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева». Тираж журнала позволил ознакомиться с нею ограниченному числу лиц. Все ссылки сделаны М.А. Акименко, кроме 5-ти ссылок, сделанных самим В.М. Бехтеревым и они отмечены, как «авторские ссылки В.М. Бехтерева»

Следующей публикацией авторского материала В.М. Бехтерева являются корреспонденции с театра военных действий в период русско-турецкой войны, которые посылал 20-летний В.М. Бехтерев в газету «Северный Вестник» под псевдонимом «Санитар». Это очень интересное дополнение к биографии ученого. Студентом четвертого курса Императорской Военно-медицинской академии он в составе санитарного отряда братьев Рыжовых отправился на театр боевых действий русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Отряд был организован на средства состоятельных студентов академии – братьев Рыжовых (их судьбу пока не удалось проследить). В.М. Бехтерев, по предварительной договоренности с газетой «Северный Вестник», кроме непосредственной профессиональной работы в отряде, должен был посылать в газету сведения о происходивших событиях. Всего им было отправлено в газету и опубликовано в ней – 21 сообщение. Последняя корреспонденция датируется 28 сентября 1878 г. Известно, что В.М. Бехтерев там тяжело заболел и был отправлен в Санкт-Петербург. Все ссылки в этой статье сделаны М.А. Акименко.

В 1893 г. В.М. Бехтерев пишет “Curriculum vitae”. В архиве мемориального музея В.М. Бехтерева имеется его подлинник с массой правок и вставок (фонд 1, ед. хр. 24). Можно предположить, что этот документ потребовался в связи с тем, что В.М. Бехтерева готовили к назначению на руководство кафедрой душевных и нервных болезней Императорской Военно-медицинской Академии (ИВМА) вместо «моего учителя проф. И.П. Мержеевского, оставившего службу за выслугой лет».

В начале 20-х годов прошлого века профессор Университета в Halle L.R. Grote (Германия) от имени издательства “Verlag von Felix Meiner in Leipzig” предложил В.М. Бехтереву написать «автоэргографию» – “Die medizin der Gegenwart in selbstdarstellungen”, и изложить в ней свои достижения в науке. На шмуцтитуле издания указано, что первый и второй тома “Die medizin der Gegenwart in selbstdarstellungen” вышли в 1923 г. с автоэргографиями шести немецких ученых: Hoche (Freiburg), Roux (Halle) и др., третий и четвертый тома – в 1924 г. Том с автоэргографией В.М. Бехтерева – 6-ой по счету. В.М. Бехтерев после некоторых размышлений написал ее и она вышла в свет на немецком языке в Лейпциге, вероятно, в конце 1926 г. или в 1927 г., поскольку среди опубликованных работ В.М. Бехтерева, приведенных в списке литературы автоэргографии, одна датируется 1926 г. К сожалению, в монографии нет даты издания. Шестой том издания L.R.Grote поступил в Государственную Публичную библиотеку им. Салтыкова-Щедрина в 1928 г., уже после кончины Владимира Михайловича. В фондах мемориального музея В.М. Бехтерева имеется не только экземпляр этой монографии на немецком языке, но и оригинальный текст ее, написанный В.М. Бехтеревым, на русском языке (фонд I, ед. хр. 19а). Н.А. Агитова – душа, организатор и первый главный хранитель фондов этого музея, по образованию была филологом, владевшая немецким, английским и французским языками. Как выяснилось, из недавно выявленных документов (записка В.Н. Мясищева, фонд VII, ед. хр. 25), именно Н.А. Агитова обнаружила «автоэргографию» в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в 1955 г. Она сличила текст монографии с русским подлинником, хранившимся в архиве музея и подготовила к публикации в 1957 г., к 100-летию со дня рождения В.М. Бехтерева. Но по каким-то причинам текст не был издан. В десятых годах текущего века М.А. Акименко предложила ведущему научному сотруднику отделения гериатрической психиатрии Института Н.М. Залуцкой, сопоставить текст рукописи с изданной в Германии монографией. Н.М. Залуцкая отметила соответствие текстов. Последнюю точку в работе с ними поставил профессор В.Д. Вид, который ознакомился с проделанной работой и одобрил ее. В таком варианте мы и предоставляем его нашим читателям. Следует отметить, что отдельные материалы из рукописи были опубликованы в 1926 г. В.Н. Можайевым в очерке о В.М. Бехтерева, посвященном 40-летию профессорской деятельности Владимира Михайловича и в монографии «Профессор В.М. Бехтерев и наше время» в 2012 г. Полностью эта работа на русском языке никогда не публиковалась.

Несколько позже издательства “Verlag von Felix Meiner in Leipzig” журнал «Огонек» № 33 от 14 августа 1927 г. опубликовал автобиографию В.М. Бехтерева, написанную им по предложению журнала (архив мемориального музея В.М. Бехтерева, фонд I, ед. хр. 88), под рубрикой «Советская страна должна знать своих ученых», но в сокращенном варианте. Только в 1928 г., уже после того, как ученый ушел из жизни, была опубликована полная версия автобиографии, тиражом 25000 экземпляров, представляющая собой брошюру, карманного типа, размером 11,3 на 15 см, которая начиналась словами «В.М. Бехтерев. Автобиография (посмертная)», а заканчивалась – «цена отдельной книжки 15 коп». В подготовке публикации этой автобиографии активную роль играл профессор Психо-Неврологического Института С.О. Грузенберг. Письма В.М. Бехтерева к С.О. Грузенбергу по этому поводу также представлены в монографии. Они хранятся в РГАЛИ, обнаружил их В.Л. Вихнович

(автор монографии «Профессор С.О. Грузенберг») и копии этих писем любезно подарил в архив мемориального музея В.М. Бехтерева в 2017 г. Читатель, несомненно, заметит, как отличается автобиография, изданная редакцией журнала «Огонек» от научной «автоэргографии», поскольку, выполняя задание журнала, В.М. Бехтерев делал акцент на бытовой и социальной обстановке, в которой протекала его научная деятельность. Но и автобиография издательства «Огонек» стала в настоящее время библиографической редкостью.

Даже читателям, хорошо знакомым с биографическими сведениями о В.М. Бехтерева, будут интересны воспоминания его почитателей и учеников об этом ученом и человеке, не знающим преград в своей целеустремленности. Впечатляют мемуарные размышления Ф.И. Шаляпина: “Поразительно, каких людей рождает на сухом песке растущие еловые леса Вятки! Выходят из еловых Вятских лесов и появляются на удивление изнеженных столиц люди, как бы из самой этой древней скифской почвы выделанные: массивные духом, крепкие телом богатыри”. Ему вторит ученик Владимира Михайловича профессор В.Я. Анфимов, напоминая, что эти места были родиной Д.И. Менделеева, художника И.И. Шишкина, здесь провел свое детство П.И. Чайковский. Он отметил у своего учителя: “1) богатство оригинальных идей, 2) силу жизни, проникнутую радостью умственных наслаждений и 3) нечеловеческую работоспособность” и считал, что о Бехтерева “надо писать как Ромен Ролан о Бетховене, как Фейхтвангер о Ж.Ж. Руссо и Тынянов о Грибоедове”. Читатель должен воспринимать текст “с непрерывным волнением как будто он сопровождается едва слышимым сопутствием мелодии...”. “Были ли он оратором?” – спрашивал В.Я. Анфимов и отвечал – “несомненно!” Профессор С.Д. Владычко сравнивал речь Владимира Михайловича “со звуками жемчуга, падающего на серебряное блюдо” (архив мемориального музея В.М. Бехтерева, фонд I, ед.хр. 134), а П.А. Останков назвал Учителя “Удивительным Явлением Природы”.

Примечательно, отмеченное А.Ф. Лазурским (тогда еще студента 3-го курса ИВМА, а в будущем профессора) в письме родителям наблюдение об отношении В.М. Бехтерева к своим ученикам: “Вот уже 2 недели, как я начал заниматься в лаборатории у проф. Бехтерева (нервные и душевные болезни). Бехтерев, известный у нас и за границей солидный ученый и притом милейший человек, готовый разговаривать целые часы, снабдить книгами и чем угодно, если видит, что человек интересуется. Словом, я уже изучаю спинной мозг, а головной у меня уплотняется для разрезов в спирту” (архив мемориального музея В.М. Бехтерева, ф. XV, ед. хр. 58).

Подтверждением неформальных отношений с учениками служит и хранящееся в мемориальном архиве В.М. Бехтерева письмо Э.В. Эриксона. “Глубокоуважаемый профессор! Пересылаю на Ваше имя, как редактора “Неврологического Вестника”, статью свою под заглавием “Из истории душевных и неврологических болезней на Кавказе”. Я покорнейше прошу Вас не отказать напечатать ее в редактируемом Вами органе. В статье этой, я убежден, Вы заметите многие промахи, но они могут найти себе некоторое оправдание в непочтотности затронутого вопроса и в большой трудности исследований в крае еще чрезвычайно мало изученным вообще. Во всяком случае предлагаемый исторический набросок составлен по (слово нечитаемо) и возможности достоверно. Редакционные промахи будут приняты с благодарностью. Отдельные оттиски очень желательны. С глубокой признательностью бывший ученик клиники, доктор медицины Э.В. Эриксон. 12 янв. 1903 г., г. Тифлис. Адрес: Тифлис. Мл. врач 3-го Кавказского стрелкового батальона”. Статья была опубликована в журнале “Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии”, 1904.- № 10 С. 761-778.

Что касается второй знаменательной даты – 115-летия со дня основания Психо-Неврологического Института, то было принято решение поместить в этом томе «В.М. Бехтерев. Из научного наследия» только его статью, напечатанную в журнале «Вестник знания» № 3 за 1908 г. «Задачи Психо-Неврологического Института», с

которой мало кто знаком в настоящее время. Напоминаем уважаемым читателям, что на рубеже XIX–XX веков в России произошел невиданный расцвет национальной культуры известный, как «серебряный век». Именно в период этого уникального расцвета культуры был задуман и создан Психо-Неврологический Институт, идею организации которого поддержала вся прогрессивная общественность России, поскольку создавалось научно-учебное и лечебное учреждение, отличающееся по своей структуре и задачам от подобных учреждений, существовавших в России и за рубежом. Был учрежден научно-исследовательский Институт с собственной клинической базой на 500 кроватей, где можно было внедрять в практическое здравоохранение инновационные разработки, но также был создан Университет, предназначенный для формирования собственной научной школы.

Статью «Задачи Психо-Неврологического Института» мы дополняем фотодокументами двух альбомов, первый из которых называется «Школа В.М. Бехтерева». Его преподнесли В.М. Бехтереву воспитанники Школы В.М. Бехтерева в день 25-летия профессорской деятельности Владимира Михайловича в 1910 г. Второй – «Бехтеревский (Психо-Неврологический Институт)», подарен В.М. Бехтереву его учеником доктором С.Е. Михайловым в 1913 г.

Первый альбом вставлен в роскошный серебряный оклад, опирающийся на подставку с металлическими ножками. Ширина оклада от 4 до 14 см. по периметру, а сам альбом имеет размеры 42 см. на 29 см. Альбом своеобразно расположен в этом окладе: в нем укреплены только задняя поверхность кожаной обложки, а весь альбом выступает над окладом и раскрывается он не справа налево, а сверху вниз. Для того, чтобы страницы альбома не раскрывались самопроизвольно, кожаная обложка сверху скрепляется с окладом двумя металлическими замками. На темно коричневой кожаной обложке имеется вставка металлической пластинки светлого (по краям темно) серого цвета и на ней аппликация, выполненная из серебра: женская фигура с оливковой ветвью в левой руке. Эта ветвь возложена на неполностью раскрывшийся свиток, на котором стоит цифра «XXV», выполненная латиницей. В ногах у женской фигуры – пучки, протягивающий ей цветы. Справа от этой аллегорической композиции монограмма из букв «В» и «Б». В чем тайный смысл этой аллегии? Изображена ли в ней муза? Но ни одна из 9 муз не была покровительницей науки и медицины. Древнегреческая Афина Паллада, покровительница науки, всегда представляется в шлеме с высоким гребнем и со щитом, на котором изображалась Медуза Горгона. В представленной аллегии этого нет. Возможно, изображена Минерва – в римской мифологии богиня мудрости, покровительница наук и искусств, ученых и врачей. У этой богини была масса символов и атрибутов, из которых главные – сова и змея, а также оливковая ветвь, которая символизировала призыв к мирной жизни. Одной из ее ипостасей, Минерве Медика, был установлен храм на Эсквилинском холме в Риме. Оливковая ветвь и монограмма на латинице позволяют предположить, что на вставке изображена Минерва, хотя и нет изображения совы и змеи. Что касается пучки, находящегося у ног Минервы, то, вероятно, это дань излюбленному декоративному мотиву в искусстве эпохи Возрождения и последующих веков, которые делали историю каждого художественного произведения чуть милее зрителю. Но все это только предположения и любые версии прочтения этой аллегии, предложенные читателями, будут внимательно рассмотрены. Форзац альбома – муаровый, по цвету коричневый, ближе к бордо. На нем надпись золотым теснением: «Владимиру Михайловичу Бехтереву от учеников». В альбоме – 22 листа. На первом листе в левом верхнем углу акварельный рисунок, который условно можно назвать «Сеятель», а в нижнем правом углу такая же акварельная зарисовка, очень красочная: разгар лета, жаркий полдень и женщина с двумя детьми, прячущиеся от палящих лучей солнца в маленьком шалашике, стоящем в цветущем поле. Здесь же портреты двух

сподвижников В.М. Бехтерева: один из которых Александр Феликисимович Мальцев (1855–1926) – психиатр и невролог, доктор медицины, директор Полтавской психиатрической больницы, редактор «Трудов Полтавской архивной комиссии», действительный статский советник. В 1880 г. он окончил Медико-хирургическую Академию в С.-Петербурге и был направлен на работу в Вологодскую губернскую психиатрическую больницу. Но уже в 1884–1885 гг. был прикомандирован на стажировку в клинику к профессору И.П. Мержеевскому. С 1886 г. он ординатор психиатрической клиники Окружной Казанской лечебницы при Казанском Университете и начал работать в качестве ассистента у профессора В.М. Бехтерева, но вскоре был назначен директором Полтавской психиатрической больницы. В 1902 г. он защитил докторскую диссертацию на тему: «История и настоящее состояние душевнобольных в Полтавской губернии». Оппонентом при защите диссертации был В.М. Бехтерев. На тыле фотографии надпись: «Дорогому Учителю профессору Академику Владимиру Михайловичу Бехтереву от искренне преданного, сердечно любящего и благодарного Александра Мальцева. 12 сентября 1902 г.»

К сожалению, нам неизвестно кто запечатлен на второй фотографии. Вероятно, это их идея легла в основу создания настоящего альбома.

При тщательном изучении акварельных рисунков была замечена подпись их автора: Н. Каразин. Николай Николаевич Каразин (1842–1908) – известный русский художник – баталист и писатель, участник Среднеазиатских походов (одновременно с В.В. Верещагиным), кстати сказать, внук основателя Харьковского Университета. Находясь в известной степени в тени славы В.В. Верещагина, как художник – баталист, Н.Н. Каразин завоевал известность первого в России акварелиста и лучшего рисовальщика иллюстраций к произведениям: Жюль Верна, Н.В. Гоголя, Д.В. Григоровича, Ф.М. Достоевского (15 акварельных картин по его произведениям), А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева и др. Существует предположение, что именно Н.Н. Каразин впервые в России начал рисовать поздравительные новогодние открытки, которые пользовались большой популярностью у населения. Кроме того, он иллюстрировал и альбомы для фотографий. Как расшифровать эти рисунки Н.Н. Каразина в альбоме? Напрашивается одно: В.М. Бехтерев посеял семена знаний и они пышно расцвели. Среди работ Н.Н. Каразина имеется другая версия «Сеятеля»: та же пашня, птицы на ней клюют разбросанные зерна, на горизонте телега, лошадь с опущенной гривой и усталый крестьянин, идущий по пашне в мятой шапке, надвинутой почти до бровей, разбрасывает семена. На рисунке в альбоме «Сеятель» имеет совсем другой вид: статный человек, полный сил, в коричневом кафтане с пышной седой шевелорой и бородой и, если присмотреться, то лицо крестьянина явно нарисовано с портрета В.М. Бехтерева. Вот Вам и шутка художника! Сотрудники Русского музея, к которым мы обратились за помощью, поправили нас, заметив, что это не акварели, а литографии. Мнение специалистов имеет большое значение, но для нас значительно важнее, что изображен на литографии сеятель знаний В.М. Бехтерев.

Большинство фотографий подписаны и на них стоит дата 1902 г. Вероятно, альбом начали готовить к 25-летию окончания В.М. Бехтеревым ИВМА, которое широко отмечали в 1903 г. Однако, что-то не сложилось с альбомом и его преподнесли в другую торжественную дату – 25-летие профессорской деятельности.

На каждой из 22 листов альбома по 2 фотографии. К сожалению, не все фотографии подписаны и убедительная просьба к читателям сообщить фамилии неопознанных нами учеников школы В.М. Бехтерева. Будем бесконечно благодарны за оказанную помощь.

В мемориальном музее В.М. Бехтерева имеется коллективная фотография участников торжественного события 1910 г. и легко отметить, как повзрослели ученики Владимира Михайловича за прошедшие годы. Эту фотографию

мы также помещаем в альбоме, отметив тех, кто защитил диссертации к 1910 г. под руководством Учителя.

Школа В.М. Бехтерева, зародившаяся в Казани, оформилась в Петербурге, получив название «Петербургской», в отличие от Московской, созданной С.С. Корсаковым. Ее отличительной особенностью было одновременное развитие в нескольких научных направлениях: психиатрия, неврология, морфология, физиология, психология, психогигиена и психопрофилактика и т.д. Как известно, В.М. Бехтерев был и невропатологом и психиатром и этими двумя специальностями владели многие его ученики: А.В. Гервер, Л.И. Омороков, В.Я. Анфимов, П.А. Останков и др., а те, кто работали, как психиатры, имели прекрасную неврологическую подготовку: В.П. Осипов, В.П. Протопопов, В.Я. Анфимов, С.Д. Владычко, А.В. Ильин, П.А. Останков, В.В. Срезневский, Г.Е. Шумков, Е.А. Шевалев и др. Что уж тут говорить о выдающихся невропатологах, учениках В.М. Бехтерева: М.Н. Жуковском, М.П. Никитине, К.С. Агаджанове, М.И. Аствацатурове, А.Э. Бари, Е.С. Боришпольском, Ю.К. Белицком, Э.А. Гизе, М.П. Добротворском, А.И. Карпинском, Г.И. Маркелове, В.М. Нарбуте, К.И. Ноишевском. Клиническую работу В.М. Бехтерев основывал на анатомическом и физиологическом изучении болезней мозга, что развивали в своей деятельности и его ученики: психиатр М.О. Гуревич, гистопатолог-психиатр П.Е. Снесарев. Сторонниками экспериментального метода в клинику были такие ученики В.М. Бехтерева, как В.П. Протопопов и А.Ф. Лазурский. Проблемам психосоматики уделяли большое внимание Л.И. Омороков, В.П. Осипов, В.П. Протопопов. Развитие психологии и рефлексологии привело в ряды учеников В.М. Бехтерева: В.Я. Анфимова, И.Н. Спиртова, М.И. Аствацатурова, В.П. Протопопова, А.Ф. Лазурского, К.И. Поварнина, С.Д. Владычко, В.С. Владимирского, Е.А. Шевалева, Н.И. Добротворскую, В.П. Осипова, Н.М. Щелованова и др. В области учения о патологическом развитии в детском возрасте, так называемой дефектологии, с В.М. Бехтеревым активно сотрудничали: А.С. Грибоедов, В.С. Владимирский, А.Н. Граборов, Д.В. Фельдберг. В.М. Бехтерев заложил основы развития нейрохирургии в нашей стране и воспитал выдающегося нейрохирурга, завоевавшего всемирную славу – Л.М. Пуссена. Исследования по нейрофизиологии дали нашей науке имена С.А. Тривуса, П.Ю. фон Кауфмана. Собственно говоря, трудно переоценить весь вклад, внесенный Школой В.М. Бехтерева в отечественную науку. Становится очевидным, что основными чертами ее были: 1) изучение нервных и психических заболеваний на основе анатомии и физиологии мозга, 2) сочетание клиники и эксперимента в изучении и лечении болезней, 3) признание теснейшей связи между нервно-психическими и соматическими заболеваниями и 4) изучение биологических, социальных и психологических факторов в возникновении и развитии заболеваний, что со временем определило путь развития не только отечественной психиатрии и неврологии, но медицины в целом, сформировав понятие о холистическом подходе и биопсихосоциальном понимании природы человека. Этот подход всецело подчинен идее персонифицированной системы лечебных и восстановительных мероприятий и позволяет определить не только их характер, но и конечную цель.

По свидетельству В.Я. Анфимова на последнем в жизни В.М. Бехтерева Всесоюзном съезде психиатров и невропатологов, проходившем в Москве в 1927 г., только в президиуме съезда находилось 16 учеников Владимира Михайловича, а в зале их было около 1000. Конечно, их нет больше среди живых, но и сегодня мы с глубоким уважением и благодарностью вспоминаем тех, кто всю первую половину XX века (русско-японская война, первая мировая война, революция 1917 г., гражданская и вторая мировая войны, не говоря уже о смене государственного строя в стране) поддерживал нервно-психическое здоровье нации, кто сохранил традиции «Школы В.М. Бехтерева» до наших дней.

Фотографии в альбоме дополнены краткими сведениями о деятельности учеников В.М. Бехтерева и названиями диссертаций, выполненных под руководством Владимира Михайловича.

Расположение альбомов намеренное, поскольку «Школа В.М. Бехтерева», стала создаваться раньше, чем материально-техническая база для нее. Ведь первоначально Психо-Неврологический Институт ютился в арендованных помещениях: сперва в здании С.-Петербургской Биологической Лаборатории на Английском проспекте, а с сентября 1908 г. в доме купца А.И. Груздева на Невском проспекте, 104. Только в 1910 г. произошла закладка ряда зданий Института по проекту архитектора Высочайшего Двора Р.Ф. Мельцера (1860-1943). Но жизнь в Институте кипела в полном соответствии с французской пословицей, утверждающей, что «наука делается на чердаках». Уважаемый читатель может убедиться в этом, отметив грандиозность усилий, вложенных в организацию Института, рассматривая фотографии второго альбома.

Второй альбом – размером 45,5 см. на 34 см. и 7 см толщиной, в массивном темном коричневом кожаном переплете с надписью в левом верхнем углу, выполненной золотым тиснением «БЕХТЕРЕВСКИЙ (ПСИХО-НЕВРОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ)», в правом нижнем углу другая надпись «Дорогому и любимому учителю Академику Владимиру Михайловичу Бехтереву от Д-ра С.Е. Михайлова». Форзац отделан однотонной молочно-белой муаровой бумагой. Следующая страница содержит надпись: «Местность, здания и оборудование помещений Бехтеревского Психо-Неврологического Института и вспомогательных учреждений». В центре следующего листа надпись «Психо-Неврологический Институт (Царский городок)». Эти два последних текста выполнены черной тушью рукописно. Внизу имеется надпись карандашом о том, что альбом преподнесен В.М. Бехтереву 5 мая 1913 г. по случаю 35-летнего юбилея его врачебно-научной деятельности. В альбоме 45 листов с золотым обрезом, на каждом по 2 фотографии. На тыльной стороне кожаного переплета надпись «С.-Петербург».

Материалы, собранные в настоящем томе, представляют собой историю науки. Как писал в предисловии к первому тому «автоэзографий» в 1923 г. L.R. Grote (Германия): «Нам представляется, что историю науки никто не может написать лучше, чем сам исследователь. Только автор знает те источники, из которых истекают его научные взгляды, только ему одному предоставляется возможность охватить эмпирический фундамент, из которого он черпает необходимые для себя результаты» (архив мемориального музея В.М. Бехтерева, фонд VIII, ед. хр. 29).

Представляемая читателям монография, позволяет показать прогностическую работу Бехтерева в постановке таких вопросов, которые лишь в последнее время стали привлекать внимание исследователей, в частности, касающихся изучения взаимоотношений органических и психосоциальных феноменов при различных заболеваниях. Всё вышесказанное делает ее не только чрезвычайно познавательной с чисто исторической точки зрения, но, прежде всего, полезной для ориентации в наиболее перспективных направлениях современных научных медицинских исследований.

Д.м.н., профессор М.А. Акименко

Редактор-составитель приносит искреннюю благодарность сотрудникам Телеканала Совета Федерации «Вместе - РФ» Н. Стрижак, Н.В. Обозновой,

К.Б. Стафееву, специалисту Образовательного отделения НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева К.В. Поносовой, научному сотруднику Русского Музея И.Б. Верховской, научному сотруднику ЦГАКФФД СПб А.А. Дмитриевой за оказанную помощь в работе над монографией.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I.

АВТОБИОГРАФИИ.

1. Автобиография В.М. Бехтерева из фондов мемориального музея В.М. Бехтерева..... 15
2. Корреспонденции с театра военных действий во время русско-турецкой войны. Северный вестник (газета) 40
3. Curriculum vitae. 1893 г..... 62
4. Автоэргография. Владимир Бехтерев..... 65
5. Автобиография (посмертная)
«Советская страна должна знать своих ученых»..... 98
6. Обращение редакции журнала «Огонек» к В.М. Бехтереву
с предложением подготовить к изданию автобиографию..... 121
7. Письма В.М. Бехтерева к С.О. Грузенбергу по поводу издания
автобиографии в журнале «Огонек»..... 122

ЧАСТЬ II.

ПСИХО-НЕВРОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ.

- Статья. «Задачи Психо-Неврологического Института» – речь,
сказанная В.М. Бехтеревым при открытии курсов Института
3 февраля 1908 г..... 129

ЧАСТЬ III.

ФОТОДОКУМЕНТЫ.

- Фотоальбом «Школа В.М. Бехтерева»..... 151
Фотоальбом «Психо-Неврологический Институт»..... 197

1

Смещение vitae.

Владимир Иванович Билибин
дети, одиноким воспитанием
Кажется, Владимир Билибин
прожил в России 30 лет,
в 1877 году переехал в Америку
в Нью-Йорк в 1878 году в
Результат поездки в Таинство
Медико-фармацевтического
Академии (Нью-Йорк - Восточная -
медицинская) в 1878 году в
в 1878 году сестра Анна. Лауреат
своих исследований в Медико-фармацевти-
ческой Академии в Берлине
в 1877 году в М. Сестры
работы и лекции в Таинстве
Здесь же есть всемирная выставка в
в Пантеоне Нью-Йорк, где
в Таинстве.

Часть I.

Автобиографии.

---

1. АВТОБИОГРАФИЯ В.М. БЕХТЕРЕВА ИЗ ФОНДОВ МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ В.М. БЕХТЕРЕВА

Родился я в с. Соралях¹, Елабужского уезда, Вятской губернии 22 Января 1857 года². Детство свое провел при своей семье, состоявшей из трех братьев и родителей, и перекочевывавшей, в силу служебных перемещений отца, из Вятки в уезды Вятской губернии и обратно. Впрочем, раза два родители оставляли меня подолгу у родных, живших в уездных городах Вятской губернии. Отец мой умер отчахотки, когда мне было еще 9 лет; после его смерти семья наша навсегда поселилась в г. Вятке, где имелся дом, дававший лишь небольшой доход – главный денежный ресурс всей нашей семьи³.

¹ В документах встречается разное написание названия села: Сорали, Серали и Сарали. Вероятно, последнее, самое верное, т.к. на «Геометрическом специальном плане» села Сарали Вятской губернии от 1798 г. село названо Сарали. Подобное написание имеется и в работе В.П. Семенова-Тян-Шанского // Россия. Полное географическое описание нашего отечества, СПб., 1914. – С. 542.

² В документах указаны разные даты рождения В.М. Бехтерева. В этом варианте автобиографии, а также в воспоминаниях старшего брата В.М. Бехтерева – Николая Михайловича Бехтерева указывается 22 января 1857 г. Эта же дата зафиксирована при крещении 23 января 1857 г. в метрической книге Петропавловской церкви с. Сарали в виде автографа отца ученого – Михаила Павловича Бехтерева «Свидетельствую что сын мой Владимир родился 22 января 1857 г...». В автобиографии, составленной для издательства L.R. Grote, В.М. Бехтерев указывает 20 января. В 2006 г. исследователи (А.Г. Комиссаров, Д.А. Шишкин) из г. Набережные Челны в монографии «Село Сарали – родина В.М. Бехтерева» приводят еще одну дату – 19 января, обнаруженную в формулярных списках отца В.М. Бехтерева – М.П. Бехтерева за 1861 и 1863 гг.

³ В фондах мемориального музея В.М. Бехтерева хранятся воспоминания старшего брата В.М. Бехтерева – Николая Михайловича (Фонд 1, ед.хр. 218, л. 1-46):

«В семье нашего отца, чиновника Михаила Павловича Бехтерева и его жены Марьи Михайловны, было трое сыновей, из которых младший Владимир родился 22 января 1857 г. в селе – Соралях Елабужского уезда Вятской губернии.

Откуда происходит наша фамилия Бехтеревы, кто наши предки со стороны отца, не имеется никаких следов. Мы знаем только имена наших деда и бабушки – Павел Герасимович и Хиония Матвеевна – и, кроме имен, об них ничего... В Вятской и Пермской губерниях наша фамилия встречается в деревнях. Пожалуй, вот и шутливое объяснение фамилии: в словаре Брокгауза и Ефрона есть слово «бехтерец», означающее какие-то монгольские военные доспехи, и по уверению знакомого историографа русские во времена монгольского ига, носившие какие-то военные доспехи, назывались «бехтеры». А мне казалось, что у детей в ранние годы как будто замечается типичный восточный разрез век, исчезающий с годами.

Спустя год после незначительной домашней подготовки я был отдан во второй класс Вятской гимназии. Последнюю я проходил успешно и получал вообще хорошие отметки, переходя из класса в класс в большинстве случаев без экзамена.

Впрочем, я не прилагал больших стараний к гимназическим занятиям. Особенно это должно сказать по отношению к двум старшим классам – шестому и седьмому, в период прохождения которых во мне пробудилась потребность чтения посторонних книг.

Следует заметить, что гимназия в наше время еще не знала греческого языка и вообще не обременяла учеников уроками так, как в настоящее время. Тем не менее, она мало привлекала к себе симпатий своих учеников и почти не вселяла в последних любовь к знаниям, а скорее производила на них противоположное действие.

В воспоминании моем до сих пор воскресают картины классов гимназических занятий, когда вместо переводов с латинского или французского языка почти весь класс, составив предварительно парты таким образом, чтобы не существовало между ними проходов, занимался преоригинальнейшей музыкой на сломанных стальных перьях, воткнутых в парты, когда на стенах классов начинали, по мановению сидевших сзади учеников, ходить в разные стороны большие стальные карты, когда к ногам учителя летели: мел, заячьи лапки для стирания и даже

Что касается предков со стороны матери нашей, урожденной Назарьевой, то знаем, что наш дед Михаил Трофимович и бабушка Надежда Львовна родились в уездном городе Новинске Вятской губернии, что и похоронены в ограде тамошнего собора. Далее из надписей на памятниках можно заключить, о дедушке, имевшем чин титулярного советника...

Лишившись отца, умершего в молодых, около 37 лет от чахотки, братья имевшие 14, 11, 8 лет, остались в г. Вятке, в купленном, еще при жизни отца, за 2000 (руб.) с чем то, дому... при матери-вдове. Средствами к существованию осиротевшей семьи были: упомянутый дом двухэтажный, полукаменный с деревянным одноэтажным мезонином флигелем, ... а во флигеле, где тепло мальчики жили в мезонине, сохранились в кухне и полати, на которых грелись зимой, спали и коротали за уроками долгие зимние вечера при сальной свече за отсутствие тогда керосиновых ламп, иногда освещала кухню лучина – курилка, воткнутая над тазом с водой...

Дом сдавался в наем за 12 руб. верх и за 6 руб. низ. Да, может быть, после отца осталось шесть сторублевых процентных билетов и три выигранных, стоивших в ту пору не более 100 руб. каждый. Такое состояние по тому времени, пожалуй, можно считать и не из бедных. Ведь тогда мясо стоило 1,5 коп за фунт, масло скоромное 10 коп., яиц десяток 3 коп., хлеб 1,5 коп за фунт, а брали и по 1 коп. ломти из котомок у нищих, лучшие для себя, смятые же для своих собак. К этому свой двор давал возможность держать птицу и садить в огороде овощи. Далее некоторая работа по дому, например: рубку дров, подметание двора, сребрание с тротуара вокруг дома снега – исполняли сами братья, поощряемые иногда гривной (3 коп.), обещанной матерью, но нередко забываемой. Помнится пробовали шить для себя дома башмаки из экономии, а может быть, услышав о том же про Льва Николаевича Толстого...

Взносы в ту пору были ничтожные: в гимназию 12 руб. и в университет 25 или 50 руб. в год; и жизнь в университетских городах стоила от 10 до 15 руб. в месяц.

Даты кончины ни Николая Михайловича, ни Александра Михайловича Бехтеревых не известны. В ноябре 2001 г. в институт из Вологды пришло письмо и журнал «Мезон», в одной из статей которого «Из рода Бехтеревых» описывается судьба сына Николая Михайловича – Михаила Николаевича Бехтерева (1883-1943) – выпускника Военно-медицинской Академии. Он дважды был репрессирован в 1931 г. и в 1937 г. В «Покаянном письме» от 9 ноября 1938 г. он признавал свою вину в том, что: 1) в 1906 г. был меньшевиком; 2) в гражданскую войну продолжал служить в Белой армии (до 1920 г), 3) в 1931-1934 годах был осужден тройкой ГПУ на трехлетнюю ссылку с лишением избирательных прав и отбывал ее в Архангельске, а затем в Вологде. В 1937 г. М.Н. Бехтерев с группой вологодских врачей обвинялся в намерении ухудшить санитарно-эпидемиологическую обстановку в городе (сведения из дела, хранящегося в архиве ФСБ по Вологодской области).

«о ужас» редька в больших кусках, валенки, снятые с ног и чернильницы с их содержимым. Учитель, конечно, приходил в ярость, но часто сам боялся докладывать директору о беспорядках в классе, да и доклады эти обыкновенно не приводили ни к чему: виновники большею частью оставались неразысканными и в следующие дни еще более напрягали свою энергию и остроумие в изобретении шалостей.

Без сомнения так дело велось только у некоторых учителей, у других, напротив того, все обстояло и чинно и строго, но зато почти все наши учителя нас не учили, а лишь задавали уроки и затем спрашивали. Устное разъяснение урока мы слышали только от некоторых учителей, а рассказ учителя, выходящий за пределы краткого учебника составлял в гимназии вообще крайне редкое явление. При этих условиях самое главное, что нас спасало от невежества, это некоторый остаток свободного от гимназических занятий время, который мы, по инстинктивному влечению, в особенности в старших классах гимназии, посвящали чтению посторонних книг.

В этот период времени в особенности я увлекался сочинениями естественно-научного характера и перечитывал решительно весь имевшийся запас их (в общем довольно значительный) в местной публичной библиотеке. Результатом этого увлечения было то, что в бытность мою в гимназии самую дорогою для меня мечтою было сделаться в общем естествоведом.

При переходе в седьмой класс гимназии, когда эта мечта была уже близка к осуществлению, довольно неожиданно для всех нас пришло известие о введении в гимназиях восьмого класса и уже гимназисты, шедшие годом впереди меня, вместо выпуска, по прохождении семи классов гимназии, должны были остаться в гимназии на восьмой год, нас же семиклассников поместили вместе с ними.

Таким образом преподавание происходило в одном помещении как для седьмого, так и для восьмого класса и разумеется было общим. Это обстоятельство сразу уронило значение реформы в наших глазах, так как мы убедились воочию, что от прибавления восьмого класса, мы не могли приобрести новых знаний, а должны были потратить целый год на повторение пройденного, в котором кроме отрывочных сведений содержалось много никому ненужного умственного балласта.

Вместе с введением 8-го класса в гимназию пришел и достопамятный циркуляр о введении аттестатов зрелости вместо прежних выпускных свидетельств, выдаваемых из гимназии. Циркуляр, конечно, всех нас заставил призадуматься. Да и было из-за чего. В первый же год по введению реформы из всех учеников 8-го класса нашей гимназии получил аттестат зрелости только 1 ученик, считавшийся первым, все остальные гимназисты 8-го класса не удовлетворили экзаменационным требованиям и были признаны таким образом «незрелыми», несмотря на то, что весь восьмой год был посвящен ими повторению старого⁴.

Из этих результатов испытаний на аттестат зрелости мы убедились, что нам не только предстояло бесплодно терять лишний год в восьмом классе гимназии, но еще и должны были предвидеть весьма вероятную возможность засесть в нем на два года, не говоря уже об риске не выдержать вовсе испытания на аттестат

⁴ Справедливость требует заметить, что в первый год по введении аттестатов зрелости рядом с гимназистами, прошедшими 8 классов, было предоставлено право держать выпускной экзамен также двум первым ученикам нашего класса, которые и выдержали испытание успешно. Таким образом, в первый год по введению аттестатов зрелости наша гимназия выпустила всего трех учеников (авторская ссылка В.М. Бехтерева).

зрелости, что, благодаря необычайной строгости испытаний, представлялось вполне возможным, и что действительно и случилось с некоторыми из наших сверстников.

Между тем летом 1873 года, когда мы уже перешли в восьмой класс гимназии, в газетах появилось объявление от Медикохирургической Академии⁵ о приеме в нее до 1 сентября не только лиц, получивших аттестат зрелости, но и гимназистов, перешедших в восьмой класс гимназии по выдержании ими удовлетворительного испытания при самой Академии. Как сейчас помню, объявление это было опубликовано в столичных газетах от 13 августа, а так как в Вятку из Петербурга почта приходит на седьмой день, то объявление у нас получилось лишь 19 августа.

Оно тотчас же было замечено некоторыми из товарищей и уже на другой день весть о нем быстро разнеслась между гимназистами.

Я узнал о приеме в Академию гимназистов, перешедших в восьмой класс, совершенно случайно при разговоре с товарищами, намеревавшимися на основании этого объявления ехать в Академию. Таковых оказалось всего четыре человека, считая в том числе и меня. Должен признаться, что об Академии и преподаваемых в ней науках я имел в то время крайне смутное представление, чтобы не сказать никакого. Тем не менее было крайне тяжело оставаться в гимназии еще целый год, корпя над теми обрывками знаний, а подчас и хламом, с которыми мы возились уже в течении семи лет. К тому же при тех положительно непосильных для гимназистов нашего времени требованиях на аттестат зрелости, которые предъявлялись в первые годы реформы почти значило готовить себя вперед на провал на экзаменах.

На этом основании я решился ехать в Академию, мечтая втайне перебраться затем из Академии в Университет на естественное отделение физико-математического факультета, в случае если бы занятия в Академии меня не удовлетворили. Конечно на всех нас, осмелившихся думать об Академии раньше окончания курса гимназии и избегавших таким образом получения столь ценной в глазах гимназического начальства бумажки, именуемой аттестатом зрелости, многие из учителей смотрели косо и при удобном случае вышучивали нас перед нашими сверстниками. Мы понимали, конечно, что в случае неудачи при поступлении в Академию возврат в прежнюю гимназию для нас был почти невозможен. Тем не менее мы остались искренно благодарны гимназическому начальству за то, что наши бумаги были выданы нам без всякого промедления.

Последнее обстоятельство представлялось для нас в высшей степени важным и вот почему. Так как Академия объявила прием только до 1 сентября и так как всего пути от Вятки до Петербурга пароходами (по рр. Вятке, Каме и Волге) и железной дороге (от Нижнего) ровно семь дней, то мы могли рассчитывать на успех при том лишь условии, если выедем из Вятки не позже 23 августа.

На наше счастье пароход именно и отходил из Вятки 23 августа. В нашем распоряжении таким образом было всего два дня, во время которых нужно было обдумать решение, склонить в пользу его своих родителей, выхлопотать бумаги из гимназии и собраться в дорогу. Все это было сделано впопыхах и 23 августа трое из нас сели на пароход⁶, который и отвалил от берега около шести часов вечера. Четвертый наш товарищ к отходу парохода не прибыл и мы решили, что он изменил свое намерение.

⁵ Ныне Военно-Медицинской (авторская ссылка В.М. Бехтерева)

⁶ Пароходство на р. Вятке в то время еще только что зачиналось и не было ежедневным как теперь – чуть ли не два раза в неделю (авторская ссылка В.М. Бехтерева).

Сидя на пароходе, разумеется, далеко еще не чувствовали себя успокоенными. Не говоря о предстоящих экзаменах при Академии, характер которых для нас оставался неизвестным, мы рисковали не доехать к сроку до Петербурга. Дело в том, что в августе месяце по реке Вятке бывает сильное мелководье и пароходы каждую минуту рискуют прочно засесть на мель.

И действительно, не успели мы отъехать от города 2-х верст, как пароход наш уткнулся в песок и мы застряли на мели. К счастью нашему мы снялись с мели довольно быстро, простояв на месте не более нескольких часов и таким образом отделались только страхом. Для четвертого же нашего товарища это непродолжительное сидение на мели оказалось весьма желательным событием: опоздав с ¼ часа к отходу парохода от пристани, он рискнул нанять лодку, рассчитав безошибочно, что пароход сядет вскоре на мель и ему удастся его догнать на лодке, что и оправдалось на самом деле.

Между всеми товарищами, ехавшими вместе со мною в Академию, я имел то неблагоприятное условие, что мне было всего 16 лет и 7 месяцев, тогда как по общему закону в высшее заведение принимались тогда, как и теперь, лица, которым исполнилось 17 лет. В виду этого я не мог рассчитывать поступить в Академию действительным студентом и решил на первое время записаться вольнослушателем с тем, конечно, условием, чтобы на следующий год перейти в действительные студенты. Мне, конечно, приходила в голову мысль, что разрешив прием гимназистов 8-го класса в 1873 г., Академия может отменить это правило для следующего года и тогда, пожалуй, мне нельзя будет без аттестата зрелости перейти из вольнослушателей в действительный студент; в виду этого, я много раз советовался со старшими меня лицами, но все решили, что этого быть не может, так как закон обратного действия не имеет. Эти заявления на меня подействовали так успокоительно, что более я уже не думал, что поступив в Академию вольным слушателем, я не буду принят в нее действительным студентом через год.

В Петербург мы приехали в праздничный день 30-го августа. Следующий же день, 31 августа, был последним днем подачи прошений в Академию. Должно заметить, что в 1873 г., благодаря вышеупомянутому объявлению, съехались в Петербург для поступления в Академию из различных концов Российского государства до 700 с лишком человек. Между тем Академия, желая пополнить свои тогда только что еще отстроенные обширные аудитории, рассчитывала на прием не более 500 человек, на каковое число и были заготовлены в Канцелярии Академии приемные бланки.

31 августа, в 10-м часу утра, я уже стоял перед дверьми актовой залы Академии среди толпы человек в 200, подобно мне желавших поступления в Академию. Ровно в 10 часов прошел между нами в залу ученый секретарь, профессор Ландцерт⁷, за которым вошли в залу и мы; тотчас же дверь за нами захлопнулась и кем-то отдано приказание более никого не впускать. Когда дошла до меня очередь, я подошел к столу, за которым сидел профес. Ландцерт, и подал ему свои бумаги с метрикою; посмотрев последнюю, ученый секретарь мне объяснил, что по недостатку лет я не могу рассчитывать на поступление в Академию действительным студентом. Когда я заметил, что я в прошении заявляю желание поступить воль-

⁷ Ландцерт Федор Павлович (1833-1889) – доктор медицины (1862), адъюнкт-профессор кафедры описательной анатомии (1863), ординарный профессор (1868), ученый секретарь МХА (1873). Руководил кафедрой анатомии в МХА 18 лет (1862-1880). Прекрасный лектор, сопровождал лекции наглядными рисунками, написал для кафедры и музея несколько анатомических картин масляными красками. // Профессора Военно-медицинской (медико-хирургической) академии (1798-1998), СПб., 1998. – С. 51.

нослушателем, то мне было предложено обратиться с этим непосредственно к г. Начальнику Академии, которым в то время состоял г. Чистович⁸. Я вышел из залы и позвонил к Начальнику, передав через его слугу прошение на вольнослушателя. К моему удивлению слуга явился от Начальника с заявлением, что Его Превосходительство не принимают прошения и велели обратиться к ученому секретарю. Оставаясь в недоумении относительно смысла этого ответа, я заявил слуге, что у ученого секретаря я уже был и там мне было отказано, поэтому я снова прошу его отнестись мое прошение к г. Начальнику и объяснить ему в чем дело. Через несколько минут выходит ко мне сам г. Чистович и с видом теплого сердечного участия заявляет, что мне не следует поступать вольнослушателем, что нынешние правила поступления действительны только на один год, а на следующий год условия приема будут уже иные, потребуются аттестат зрелости и потому, если бы я вздумал теперь поступить вольнослушателем, я бы не мог рассчитывать на поступление в действительные слушатели в следующем году.

Эти слова меня поразили как гром, так как по недостатку лет я не мог рассчитывать поступить действительным студентом, о чем я и заявил сейчас же Начальнику Академии. Последний, однако, ободрил меня замечанием, что 5-6 месяцев мне могут подарить и предложил мне снова адресоваться к ученому секретарю, но с прошением уже на действительного студента.

Несмотря на эти одобрительные заявления г. Начальника Академии, я не мог чувствовать себя спокойным, потому что проф. Ландцерт, с которым он отнесся ко мне, когда я был у него с прошением в первый раз, я уже чувствовал, что им, по крайней мере, несколько месяцев мне подарены не будут; да и как пробраться в актовую залу, двери которой, будучи запертыми на ключ, отпирались только для выходящих из залы, но не для входящих в нее.

Много передумав за тот короткий путь, который отделял квартиру г. Начальника (помещавшуюся там же, где она помещается и теперь) от актовой залы и подошел к запертым дверям последней, я действительно убедился, что проникнуть в залу не было никакой возможности. Единственным утешением для меня явилось то обстоятельство, что у дверей актовой залы толпилось уже около 100-150 человек, явившихся после 10 час. утра, и подобно мне тщетно пытавшихся проникнуть в залу для подачи прошения. К тому же толпа с каждым часом все более и более увеличивалась.

Все, разумеется, нетерпеливо чаяли – не отворится ли дверь; но время шло, а дверь не открывалась; пришлось поневоле подчиниться своей участи и ждать выхода начальства из залы. Наконец церемония приема прошений и осмотра документов в зале была окончена, ученый секретарь вышел из залы, но на просьбы и мольбы о приеме прошений всех толпившихся у залы не обратил даже и внимания. Последним вышел из залы Инспектор студентов г. Песков. Его обступили со всех сторон и начали требовать приема прошений. Ему было заявлено, что опоздание на несколько минут против означенного срока не составляет преступления, за которое следует карать неприятием в Академию, что так как предстоит состязательный экзамен и если желают ограничить прием в Академию известным числом студентов, то правильнее всего было бы руководствоваться при этом успехами на приемных испытаниях, а не более ранней подачей прошения и пр.

⁸ Чистович Яков Алексеевич (1820-1885) – начальник академии в 1871-1875 гг., тайный советник, доктор медицины (1848), ординарный профессор, академик МХА (1868). В годы пребывания Я.А. Чистовича во главе академии создавались условия для привлечения в МХА молодых одаренных ученых. Диапазон его научных интересов был велик: судебный медик, гигиенист, историк медицины. Автор более 300 научных работ. // Профессора Военно-медицинской (медико-хирургической) академии (1798-1998), СПб., 1998. – С. 78.

Убеждения, видимо, подействовали, так как Инспектор ушел от нас, обещав переговорить, а вернувшись через несколько минут, приказал дать из канцелярии несколько листов бумаги и карандашей, на которых мы быстро начертали свои фамилии. Осмотра документов при этом уже не производилось; их предложено было подать по выдержании испытания.

Кажется через день были уже назначены экзамены, на которых из 700 с лишним состязавшихся оказалось поступившими на первый курс Академии несколько более 500 человек. Так как я был в числе выдержавших испытание, то меня также зачислили в число действительных студентов, а впоследствии при подаче документов о моих летах не возникло уже и вопроса.

Следует заметить, что состязательные экзамены, несмотря на провал около 200 человек, были не трудными. Они состояли из испытаний по математике, главным образом, по арифметике и алгебре, по физике, латинскому и немецкому языкам и кроме того из подачи сочинения, написанного экспромтом на заданную тему. При этом требования по всем предметам были не высоки, что же касается сочинения, то в нем не столько обращалось внимание на содержание, сколько на правильность речи и грамматику. Поэтому и темы были незамысловаты. В большинстве случаев они были исторические, хотя попадались и с иным характером. Мне, например, пришлось писать на тему: «Волга и ее значение в государстве Российском».

Несмотря на относительную легкость экзаменов, постоянные волнения, пережитые мною со времени выхода моего из гимназии до поступления в Академию, совершившегося лишь около 10-15 сентября, отразились чувствительным образом на моем здоровье: у меня развилась бессонница и общее нервное расстройство, вследствие которых я должен был поместиться в клинику проф. И.М. Балинского⁹.

Здесь бессонница как бы сразу прекратилась и общее нервное расстройство совершенно оправилось в течение нескольких дней, благодаря чему я вскоре и был выписан из клиники¹⁰.

Кстати замечу, что кратковременное пребывание мое в клинике проф. И.М. Балинского не осталось без влияния на мою судьбу. Здесь я близко познакомился между прочим с доктором И.А. Сикорским¹¹, ныне проф. Киевского Университета, с которым знакомство поддерживалось мною и после выхода моего из клиники. Обмен мыслей с этим, тогда еще молодым врачом, приехавшим в Петербург для занятий психиатрией, в значительной степени повлияли на решение вопроса о будущей моей специальности.

Но не забегая вперед, я поведаю рассказ с самого начала о пребывании моем в Академии.

⁹ Балинский Иван Михайлович (1827-1902) – основатель петербургской школы психиатров, один из основоположников психиатрии в России.

¹⁰ Обнаружена в архиве ВМА история болезни В.М. Бехтерева.

¹¹ Сикорский Иван Алексеевич (1842-1919). Окончил киевский университет в 1869 г. Степень доктора медицины получил в 1873 г. С 1873 по 1885 гг. жил в СПб, где изучал душевные и нервные болезни в клинике профессора И.М. Балинского, а с 1882 г. служил врачом в больнице Св. Николая Чудотворца. В этот период он стал приват-доцентом МХА и опубликовал 17 научных работ. С 1885 г. – профессор киевского университета по кафедре душевных и нервных болезней, с 1886 г. – редактор журнала «Вопросы нервно-психической медицины и психологии». И.А. Сикорский впервые предложил экспериментальный метод при изучении детской психопатологии, для этой цели им был организован Фребелевский институт в 1912 г. Ему принадлежит первая в России экспериментальная работа в области педагогической психологии (1878-1879 гг.).

Последняя, открыв двери своих аудиторий для огромного числа слушателей, к сожалению, упустила из виду принять заблаговременно соответствующие меры как для поддержания порядка в аудиториях, так и вообще, для дисциплинирования массы новых студентов. А дисциплинировать не мешало. Когда я в первый раз вошел в громадную, раскинутую амфитеатром, аудиторию анатомического Института, битком набитую новыми слушателями, моими сверстниками, то глазам моим представилась картина, которая не могла не поразить новичка, только что сошедшего с гимназической скамьи.

Значительное число студентов, наполнивших аудиторию, сидело в пальто, или с пледом, накинутым на плечи, в картузах и в шляпах, между которыми изредка попадались и цилиндры; о костюмах нечего и говорить – это была поразительная смесь всевозможных одеяний, блестящих разнообразными цветами, начиная от русской поддевки, прикрывавшей красную косоворотку, и кончая всевозможных цветов блузами. Костюмы интеллигентного европейца в этой толпе составляли лишь относительно редкое исключение.

При этом шум в аудитории от общего говора был такой, что трудно было слушать речь соседа. В довершение общей картины, большинство курило в аудитории самым неистовым образом, несмотря на навешанные повсюду надписи, запрещающие курить.

Уже с первого же раза мне бросилось в глаза, что эта многочисленная толпа слушателей чувствует себя в аудитории полным хозяином. И действительно, когда к нам вошел Суб-Инспектор, то никто и не думал прекратить курение и снять шляпы.

На замечание Суб-Инспектора, что в аудитории курить воспрещается, можно было заметить лишь улыбающихся физиономии куривших.

О снятии шапок Суб-Инспектор или постеснялся заметить или считал делать замечания уже излишним. Последнее я думаю ближе к истине, так как и на вторичное предложение (не курить в аудитории) результат оказался не лучше первого.

Очевидно, совладать с такой аудиторией было не под силу одному Суб-Инспектору, при том отрицательном отношении ко всяким уставам и власти, которое проявлялось среди студенчества того времени. Хотя при поступлении в Академию от всех нас были отобраны подписки под «честным словом» исполнять выработанные для студентов Академии правила, и беспрекословно подчиняться всем распоряжениям начальства Академии, но и «честное слово» оказалось для многих не имеющим никакого значения, так как оно трактовалось как вынужденное.

Словом сказать администрация заведения со своими правилами и подпискою под честным словом исполнять их в точности и подчиняться всем распоряжениям начальства Академии оказалась бессильною при первых же попытках с ее стороны внести порядок в аудиторию.

Но упустив в первый момент, администрации было уже труднее выполнить свою роль и дело свелось к тому, что во все последующее время мы были предоставлены самим себе; если Суб-Инспектор иногда и показывался в нашу аудиторию, то разве для проформы и, во всяком случае, боялся проронить слово во избежание каких-либо неудобных замечаний по его адресу; курение же и сидение в шапках и пальто считалось до того обычным делом для многих, что оно продолжалось и во время лекций профессора также, как и во время перемен.

Конечно, если бы подобное отношение к делу имело характер простой распущенности нравов, то оно представлялось бы далеко не столь серьезным делом.

Но, к сожалению, чувствовалось во всем, что в таком поведении обнаруживается намеренное пренебрежение всеми порядками, чувствовалось словом, что масса студентов, только что вступивших в заведение, была уже так отрицательно настроена ко всему, что достаточно было малейшего повода, чтобы такое настроение перешло в сильное брожение, приведшее к целому ряду студенческих историй и беспорядков.

И, действительно, повод вскоре явился или вернее был найден. Ровно через год начались серьезные беспорядки в Академии, кончившиеся выходом одного из профессоров, – беспорядки, в которых наш курс принимал особенно деятельное участие, несмотря на то, что профессор, против которого они были направлены, ему был вовсе неизвестен, как преподаватель. С тех пор беспорядки или вернее студенческие истории на нашем курсе сделались явлением хроническим, хотя они носили уже, по преимуществу, экзаменационный характер.

Само собой разумеется, что все эти условия отражались неблагоприятно на правильном ходе учебных занятий нашего курса и потому многое приходилось пополнять собственными усилиями. Про себя я могу лишь сказать, что, поступив в Академию, я нашел в ней то, что служило моею мечтою еще в последних классах гимназии, а потому о переходе в Университет я перестал и думать, да и самый переход был уже невозможен. Занимался я всегда очень старательно, с любовью, хотя и не всегда усердно посещал лекции профессоров, благодаря увлечению чтением книг по тем или другим интересовавшим меня предметам.

Во время прохождения курса Академии мне, как вероятно, и многим другим приходилось последовательно увлекаться разнообразными предметами, пока увлечение окончательно не склонилось в пользу психиатрии и нервных болезней. Занятия мои последним предметом начались собственно с 4-го курса, когда я получил разрешение посещать больных психиатрической клиники вместе с И.А. Сикорским.

Летом 1877 года с первых чисел мая и до осеннего времени я провел в действующей на Дунае армии, в санитарном отряде, снаряженном на средства братьев Н.А. и Ф.А. Рыжовых, в то время еще студентов Медико-Хирургической академии и Университета¹². Отряд этот, состоящий из семи студентов Медико-Хирургической Академии (включая и хозяина отряда Н.А. Рыжова), одного врача (В.Н. Попова), одного офицера (воспитателя пажеского корпуса), пожелавшего следовать вместе с отрядом, одного фельдшера и двух слуг (повара и служителя), представлял собою собственно подвижной госпиталь на 40 кроватей. Эта была единственная врачебная помощь на войне на частные средства.

В первый раз госпиталь наш начал действовать в Зимнице, в сражении при переправе русских войск через Дунай¹³. В Зимницу мы приехали на утро, в самый разгар битвы, которая на наших глазах еще продолжалась на том берегу Дуная. Тем не менее, прежде чем госпиталь наш мог приготовиться к приему раненых, большинство последних было уже переведено в иные госпитали и мы получили в первый день всего лишь 18 раненых, не считая больных и раненых, поступивших к нам в госпиталь в последующие за тем дни.

¹² В послужном списке моем упомянуто о трехмесячном пребывании на войне, но при этом не зачтено время пребывания нашего отряда в Румынии до начала военных действий за Дунаем (авторская ссылка В.М. Бехтерева).

¹³ Подробности о военных состояниях, в которых нам приходилось участвовать, и, вообще, о всех внешних условиях нашего отряда можно найти в моих письмах с войны, помещенных в газете «Северный Вестник» за 1887 год под псевдонимом «Санитар» (авторская ссылка В.М. Бехтерева).

Несмотря на огромное число раненных, госпиталь наш, будучи снабжен в изобилии всем необходимым для раненных и больных, уже на первых порах обратил на себя внимание ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II¹⁴, во главе своей свиты ежедневно посещавшего лежавших у нас раненных.

Благодаря этому, еще в Зимнице мы получили за подписью Главнокомандующего¹⁵ предписание, в силу которого наш госпиталь должен был состоять при главной квартире, откуда в случае сражений персонал госпиталя мог отправляться на место действий, образуя перевязочный пункт. Таким образом, кроме участия в сражении, при переправе русских войск через Дунай наш госпиталь мог побывать в месте главной квартиры в Тырново и участвовал в качестве перевязочного пункта в сражении при Порадимае (около Плевны), во время штурма Плевны, 30 августа, и при бомбардировке ее в первых числах сентября.

Первое наше путешествие по Болгарии было не из удачных, благодаря исключительной нашей неопытности. Получив предписание от Главнокомандующего следовать за главной квартирой лишь накануне того дня, как последняя должна была переправиться через Дунай в Болгарию, мы на скорую руку передали своих раненных в стоящий в Зимнице госпиталь Красного Креста и начали собираться в дорогу. Хозяйство наше было, однако, так далеко, что мы не успели справиться с ним в один день, вследствие чего, не смотря на торопливую укладку вещей, мы выехали из Зимницы в Болгарию одними или двумя сутками позже главной квартиры.

Это было спустя лишь несколько дней вслед за переправой русских войск через Дунай. Выехали мы из Зимницы не слишком рано. Кажется около полудня, когда мы потянулись со своими возами по узкому понтонному мосту, переброшенному через Дунай. Еще несколько минут, и мы были на Болгарской почве.

Уже самый въезд в Болгарию, которая тогда так много говорила сердцу русских, невольно вызвал в нас чувство приятного волнения. При том же нам казалось, что наше первоначальное путешествие по Болгарии по новизне впечатлений составит для нас только приятную прогулку. Но уже на первых же порах путешествия по Болгарии мы начали разочаровываться в своих ожиданиях.

Прежде всего, мы никак не могли думать, что мы очутимся в положении лиц, не знающих куда ехать, а между тем так случилось на самом деле. Уже в Зимнице мы убедились, что пребывание Главной квартиры в Болгарии находится под страшным секретом и должны были переправиться через Дунай, не узнавши предварительно о месте, куда переселилась главная квартира. Мы надеялись, однако, получить сведения о пребывании последней в самой Болгарии от встречаемых офицеров и болгар.

¹⁴ Александр II Николаевич (1818-1881) – Император Всероссийский с 19.02. 1855 г. – старший сын императора Николая I и императрицы Александры Федоровны. В результате реформ Александра II в России было отменено крепостное право, создана буржуазного типа банковско-кредитная система, суд присяжных, активно заработали земские институты, началось бурное железнодорожное строительство. Во внешней политике Александр II продолжал имперский курс: были присоединены новые территории на Кавказе, в Средней Азии, на Дальнем Востоке. С целью усиления влияния на Балканах и позиции освободительных движений славянских народов участвовал в войне с Турцией в 1877-1878 гг. В Европейской политике Александр II занимал германофильскую позицию, заключив «Союз трех Императоров» (1873 г. – Германия, Австро-Венгрия и Россия).

¹⁵ Николай Николаевич (1831-1891) – Великий князь, III сын Императора Николая I. Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. был главнокомандующим Дунайской армией.

В этом мы, однако, вскоре должны были совершенно разочароваться. Конечно, мы встречали за Дунаем и военных, и болгар, но первые отвечали нам, что они не знают, где главная квартира, а вторые нас или не понимали, или также заявляли о своем незнании.

К нашему горю в отряде нашем не оказалось карты Болгарии, за исключением случайно захваченной мною карты Балканского полуострова, изданной «Новым Временем» и которая, конечно, не могла служить нам путеводительницей в наших скитаниях по Болгарии. Результатом последнего обстоятельства было то, что при каждом разъезде мы должны были останавливаться, раздумывая над тем, куда следует ехать и, в конце концов, решали большей частью наугад.

Второе обстоятельство, которое смутило нас на первых же порах нашего путешествия по Болгарии, – это была невозможность добыть покупкою провизанта для себя и для людей. Утомившись сборами и укладкой вещей с раннего утра и проплывав некоторое время по Болгарии, конечно, мы начали весьма явственно ощущать пустоту в своих желудках. При нас, однако, имелись вывезенные из России консервы щей, разных супов, Швейцарского молока и мяса, но из них только консервы щей и молока оказались доброкачественными, остальные же отличались до того неизящным вкусом, что даже неразборчивые до качества пищи слуги нашего отряда наотрез отказывались их употреблять.

Впрочем, в дороге не до консервов, которых надо еще варить и, следовательно, раскладывать кухонные принадлежности. Мы думали лишь о том, чтобы наскоро закусить, хоть хлебом и, пожалуй, запастись в дорогу свежим мясом. Но каково было наше удивление, когда в окрестных болгарских деревнях мы не могли получить за огромную цену не только баранины или какой-либо иной живности, но даже обыкновенного хлеба. Очевидно, что все съестное было или закуплено войсками, ушедшими вперед ранее нас, и оставившими население при одном насущном куске, или они скрывали всякую живность и не хотели продавать даже и хлеба, может быть, из ложной боязни. Лишь после долгих поисков в одной из болгарских деревень нашим посланным удалось найти каравай из пшеничного хлеба, не более двух-трех фунтов весом, за который, однако, пришлось нам заплатить, кажется, восемь или одиннадцать франков золотом. Разделив этот каравайчик на 12 частей, по числу лиц нашего отряда и подкрепив, таким образом, хоть несколько свои силы, мы направились в путь по направлению к югу, останавливая каждого из встречаемых нам воинов и расспрашивая их о местопребывании главной квартиры. Но ответ всегда носил отрицательный характер.

Наконец мы встретили офицера, который, как мы знали ранее, должен состоять при главной квартире. Конечно, мы бесконечно обрадовались и пристали к нему с расспросами, но к нашему изумлению и тот офицер отрицательно покачал головой.

Видя, что никакие убеждения не помогают, хозяин наш предъявил бумагу с предписанием следовать нашему отряду за главной квартирой, но все было напрасно.

Единственно чего мы добились от этого офицера, это категорического заявления «поезжайте в Ивановац, а там узнаете куда дальше ехать». Хотя до Ивановаца было еще не близко, так как много времени было потеряно нами на блуждание из стороны в сторону, но мы, по крайней мере, знали теперь определенно, куда следует направлять свой путь.

День уже клонился к вечеру, когда мы по указаниям офицера направились в Ивановац; по дороге мы встречали довольно значительные пространства, сплошь

покрытые пеплом высотой в два-три аршина, среди которого торчали в виде неуклюжих колонн кирпичные полуобгоревшие трубы. Очевидно это следы сгоревших деревень, от которых не уцелело ни одной избы и не осталось ни одного живого лица. Только окрест голодные собаки еще напоминали иногда о бывшем здесь жилье человека.

Когда начало уже темнеть и мрак стал расстилаться вокруг нас, мы были поражены еще более тягостной картиной: повсюду кругом виднелись, как костры, пылавшие деревни и весь небесный свод представлял собою одно сплошное зарево. Чья рука поджигала эти мирные селения – для нас осталось совершенно неизвестным. Конечно, первая мысль наша была та, что болгары жгли из мести брошенные турками пустые дома и деревни, но с другой стороны не менее вероятным представлялось и то предположение, что оставшиеся в занятой нами области фанатизированные турки предавали огню то, что могли. Как бы то ни было, картина была крайне удручающего свойства и тут только мы поняли, в какой опасности мы находились сами, путешествуя без конвоя и проводников в местности, хотя и занятой русскими войсками, но далеко еще не очищенной от неприятеля.

К нашему счастью все обошлось благополучно и поздно вечером мы уже увидели на горизонте огни селения, именованного Ивановца, в котором, как оказалось, стояла одна из наших дивизий. Войдя в деревню, занятую русскими войсками, мы, конечно, почувствовали себя в полной безопасности и могли спокойно расположиться на ночлег около деревни. Между тем наш доктор и сопровождавший отряд офицер отправились к дивизионному командиру. Последний, выслушав рассказ и цели нашего путешествия, был изумлен, что мы не взяли конвоя из Зимницы и тут же сделал распоряжение о снаряжении нас отрядом казаков, указав нам маршрут ехать на Тырново.

Дальнейшее наше путешествие по Болгарии обошлось без лишних мытарств. Еще не доезжая до Тырново, в соседней деревне Самоводах, мы увидели деревянные, украшенные гирляндами арки с надписью «Боже Царя храни». Не подлежало сомнению, что главная квартира – цель наших стремлений, – должна быть близко. Действительно, уже от жителей деревни мы узнали, что ГОСУДАРЬ и Главнокомандующий находятся в Тырнове, до которого оставалось не более двух верст пути, пролегающему по красивейшему в мире ущелью р. Янтры.

Наша цель в Тырнове носила мирный характер и нам не привелось даже распаковывать госпитальные вещи, так как не предвиделось вовсе поступлений больных.

Все раненые, привозимые с Шипки и из-за Балкан, помещались главным образом в Габрово, где был устроен военный госпиталь, отчасти же в Тырново, в госпитале, устроенном на средства Красного Креста.

Последний госпиталь был далеко еще не полон, так как это было еще до знаменитых Шипкинских атак и раненых было сравнительно немного. Поэтому нам ничего не оставалось, как ждать случая, когда наша помощь может действительно быть необходимою. Такой случай, однако, представился не скоро. Точности ради следует заметить, что наше пребывание в Тырнове ознаменовалось внутренними раздорами в отряде, результатом которых было то, что мы остались без постоянного доктора; взамену же последнего к нашему отряду приурочили врачей, состоящих при главной квартире.

Из Тырново мы переехали затем вместе с ИМПЕРАТОРСКОЙ квартирой в Горный Студень, где провели совершенно бесплодно около месяца.

Узнав затем, что под Плевной ожидаются военные действия, мы направились туда из Горного Студеня в 20-х числах августа месяца и прибыли к Плевне как раз после совершенно неожиданного нападения турок на русские позиции при Порадиме, которое было отбито с довольно значительным уроном, а потому дела довольно и для нас.

Перевязав всех раненых, полученных нами после сражения при Порадиме, мы подвинулись еще ближе к Плевне и расположились в открытом поле в тылу левого фланга нашей армии, в нескольких верстах от деревни Багот.

Здесь наш госпиталь вместе с Лазаретом 16-й дивизии и отрядом Красного Креста с проф. Бергманом¹⁶ во главе, в виду ожидавшегося наступления на Плевнинские позиции образовали один общий перевязочный пункт, принявший после Плевнинского боя 30-го августа свыше трех с половиною тысяч раненых, из которых большая половина прошла через наши руки 30 и 31 августа. Конечно, для такого количества раненых ни средств, ни места в нашем перевязочном пункте (кстати сказать наиболее богатым средствами и персоналом из всех трех или четырех, устроенных в различных пунктах, расположенной наступающей армии) оказалось далеко недостаточно и здесь-то именно пришлось убедиться всем воочию, что как ни ужасна война сама по себе, она становится вдвойне ужасною при недостатке врачебной помощи. Штурм 30-го августа назначен в 3 ч. пополудни. Хотя до 30 августа и стояла все время ясная погода, но в этот день, уже вскоре после полудня небо обложилось облаками, а к трем часам дня начал сеять мелкий дождь, быстро размывший почву и в короткое время превративший ее в сплошную грязь.

Приблизительно к 5-6 часам вечера мы начали получать первых раненых с поля сражения. Уложив их в палатки, мы конечно принялись, где было можно, вынимать пули и вообще производить все те операции, которые были по нашим силам (большие операции делались под непосредственным руководством проф. Бергмана) и которые требовались состоянием раненых. Но вскоре к нам стали прибывать с поля действия раненые в таком количестве, что мы силою вещей вынуждены были оставить до времени не только всякие операции, но даже и простые перевязки, так как на первый план выдвигалась забота о том, чтобы дать раненым надлежащее место. К сожалению, и эта более чем скромная задача оказалась не по нашим средствам. В какие-нибудь час или два 5 палаток дивизионного лазарета и две наши палатки (следовательно все крытое помещение, которым мы располагали на своем пункте) были переполнены ранеными, но переполнены так, что в каждой палатке, содержащей лишь 25 мест, было размещено по 75-80 человек и притом на голой земле, так как все решительно носилки, служившие в то же время и кроватями, были заняты при переноске вновь прибывающих раненых. Таким образом во всех палатках было помещено около 500 раненых.

Не трудно себе заметить, что это было такое. Раненые лежали наполовину перевязанными бок о бок друг с другом, а нередко и с умирающими или уже умершими. Теснота была такая, что трудно было проходить между ранеными, не рискуя наступить кому-нибудь на поврежденную руку или ногу. Но все те, которые помещались в палатку, при вышеуказанных условиях, были положи-

¹⁶ Бергман Эрнст (1836-?) – хирург, изучал медицину в Дерпте, Вене, Берлине. В 1860 г. получил ученую степень. В 1871 г. приглашен профессором хирургии в дерптский университет, а в 1877 г. был консультантом – хирургом русской армии на Дунае. После войны проф. Бергман отправился в Вюрцбург в качестве старшего хирурга госпиталя, а в 1882 г. получил должность профессора хирургии и директора хирургической клиники в Берлине.

тельно счастливыми по сравнению с теми, которые за неимением места в палатках помещались вне их, прямо на размытой, грязной почве под открытым небом, сыпавшим мелким дождем.

Страшно вспомнить, что таких несчастных только на одном нашем перевязочном пункте в ночь с 30 на 31 августа было не менее 1500. Само собой разумеется все, что могло дать кров для раненых, как, например, имеющиеся при нашем отряде фургоны, пологи и пр. были отданы в их распоряжение, но все это было лишь каплей в море. Без преувеличения можно сказать, что по крайней мере 1200-1500 человек из принятых нами раненых в течение первых 12-ти часов после начала Плевнинского боя не находило иного крова, кроме грязной, размытой почвы, оставаясь в течение всей ночи под дождем, и притом часто даже без верхней одежды, которую иные раненые покидали ради своего облегчения еще на поле сражения. Все эти несчастные, дрожа от холода и сырости и мучимые страшными болями от ран, ползком добирались до палаток, громоздясь друг на друга и моля врачей о пощаде. Но что можно было сделать, когда не было возможности взять откуда-нибудь соломы, на которую можно было бы укладывать постоянно подвозимых раненых, не находивших места в палатках?

В довершение всего злосчастная ночь отличалась поразительной темнотою: за два шага нельзя было уже ничего различать, в силу чего вся работа с уложением раненых должна была производиться с фонарями. Общий стон и вся картина была вообще так ужасна, что ум человеческий вообразить этого не может.

Вся ночь с 30 на 31 августа прошла для нас почти исключительно в укладывании несчастных раненых. Только к утру следующего дня мы могли вновь приступить к перевязке раненых и затем началась отправка последних по направлению к Булгарени, где помещался огромный военный госпиталь; но лишь на третий день после сражения все принятые в нашем пункте раненые были перевязаны, а некоторые из них и оперированы.

За все это время конечно мы не могли и думать ни о сне, ни об удовлетворении чувства голода, которого, впрочем, и не ощущалось. Чай, который постоянно кипятился в котелке, повешанном над костром, был единственным средством, подкреплявшим наши силы. Не зная как другие, но я чувствовал себя как в чаду все три дня, начиная с вечера 30 августа и вообще мало понимал, что кругом совершалось.

На третий день после того, как перевязка всех раненых была уже вполне окончена, мы хотя и были утомлены до крайности, но движимые чувством любознательности, решили поехать на наши Плевнинские позиции, с которых мы получили такое огромное количество несчастных. Нам удалось объехать всего, кажется, две или три из наших батарей, содержавших огромные крепостные орудия. Как сейчас помню на одной из этих позиций адъютант навел подозрительную труду на открытое место, раскинутое впереди злосчастного Родищевского редута, который был несколько раз безуспешно атакуем русскими в знаменательный день 30 августа. Я взглянул в подозрительную трубу и глазам моим представилась ужасная картина: все видневшееся впереди поле было усыпано трупами русских и ранеными, обнаруживавшими еще признаки жизни своими судорожными движениями. Не трудно было различать в подозрительную трубу и цвет, и даже форму одежд. От таковой картины я невольно отшатнулся. Из пояснения адъютанта мы убедились, что эти трупы и несчастные раненые остаются на месте со времени Плевненского боя и нет никакой возможности их подобрать, так как

многочисленные попытки, производимые в этом направлении, вызывали со стороны турок открытие огня, уносившего новые жертвы.

На другой из позиций адъютант пожелал при нас открыть пальбу из огромных крепостных орудий. Заметив, что один болгарин накануне ему сообщил, будто бы в одной из мечетей Плевны, часть которой была прекрасно видна с позиций, турки устроили пороховой погреб, он заявил нам, что попытается взорвать этот погреб и тотчас же приказал наводчику приготовить орудия, пообещав за удачный прицел на водку; адъютант начал командовать и тотчас же с нашей батареей стали раздаваться оглушительные выстрелы. Спустя некоторое время, такие же выстрелы начали слышаться и с других наших батарей; вскоре турки начали отвечать и таким образом произошло настояще артиллерийское сражение.

Уже стало смеркаться, как мы начали возвращаться с позиции. Над головой нашей то и дело раздавался заунывный свист неприятельских гранат, разрывавшихся в шагах 150-200 вокруг нас; когда мы уже спустились с возвышенности, на которой была расположена наша батарея послышалась и надрывающая сердце ружейная трескотня и с цепи, очевидно также открывшей огонь по неприятелю.

С позиций мы вернулись в свой госпиталь уже поздно вечером и в первый раз после стольких тревожений могли отдохнуть и прилечь. Но так как все, что было при нашем отряде, дававшее кров от непогоды, было предоставлено раненым, то все мы, за исключением одного, приютившегося в фургоне, должны были искать отдыха на земле, расположившись около стоявшей вблизи и совершенно мокрой от дождя копне сена. Несмотря на продолжительный гул орудий, на постоянно доносившуюся до нас ружейную пальбу и несмотря на сырость почвы, на которую мы должны были лечь без всякой подстилки в одних гуттаперчевых пальто, мы заснули сном убитых, не чувствуя даже дождя, безжалостно мочившего нас в течение нескольких часов. Проведенная при таких условиях ночь, конечно, не могла не отразиться губительно на здоровье почти всего отряда, как это вскоре и обнаружилось.

На другой день рано утром мы получили еще около 100 раненых, большую частью крайне тяжелых с гранатными повреждениями – жертв вчерашнего боя. На перевязку этих раненых еще хватило наших сил, но затем начала обнаруживаться среди нас жестокая лихорадка, жертвой которой, кажется, сделался прежде всего хозяин и я, а вскоре затем и другие лица в отряде за исключением лишь одного, спавшего накануне в фургоне. Благодаря большому запасу хинина, имевшемуся при нашем отряде, мы правда могли еще на первых порах бороться с недугом, но о дальнейшей деятельности отряда нечего было и думать. К тому же наступательная война с нашей стороны на долго приостановилась вследствие решения блокировать Плевну с помощью ожидавшихся на театре военных действий новых войск, входящих в состав гвардии Петербургского Округа.

Поэтому эвантировав значительную часть раненых, находившихся в нашем госпитале, и передав остальных в лазарет 16 дивизии мы отправились в место пребывания главной квартиры, которая помещалась тогда в Баготе или в Булгаренях – точно не помню. Заявив здесь о своем решении вернуться на родину, мы были не мало удивлены, узнав, что нас прежде чем отпустить желают представить ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ. Этим крайне лестным для нас предложением мы были поставлены в большое затруднение, так как наши костюмы до такой степени были поношены, загрязнены, а отчасти и изорваны, что нам и в голову не приходило о возможности представления ГОСУДАРЮ в таком виде.

Нам, однако, было заявлено, что в этом случае костюм второстепенное дело и что нам следует подчиниться...

Выслушав это, мы наскоро привели в порядок свое платье, которое, впрочем, и в испреленном виде было далеко неудовлетворительно и затем к назначенному сроку прибыли в ИМПЕРАТОРСКУЮ квартиру, где мы встретили генерала Косинского, пожелавшего лично представить нас ИМПЕРАТОРУ.

Вся ИМПЕРАТОРСКАЯ квартира, в которой кроме ГОСУДАРЯ, как говорили тогда, помещался и граф Адлерберг¹⁷, представляла собою небольшой двухэтажный деревянный домик, содержащий вряд ли более шести комнаток в обоих этажах с небольшим двором, в одной стороне которого под навесом была устроена столовая ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Подождав немного у ворот главной квартиры, мы вошли по приглашению ген. Косинского во двор, где мы увидели ГОСУДАРЯ, вышедшего к нам из столовой. Вместе с ГОСУДАРЕМ к нам подошел и Главнокомандующий. ГОСУДАРЬ поздоровавшись со всеми нами, обратился первоначально к хозяину отряда – студенту 3 курса Медико-Хирургической Академии (ныне врачу) Н.А. Рыжову со словами благодарности, между которыми особенно трогательно звучали слова ГОСУДАРЯ: «у меня немного таких, как ты». В такое тяжелое время как война и при тех условиях, в которых мы находились, эти слова тронули нас до глубины души.

Обратившись затем ко всем нам, студентам бывшей Медико-Хирургической Академии, как сотрудникам отряда, ГОСУДАРЬ также милостиво выражал нам свою благодарность за деятельность на войне в столь трудное время и при этом заметил, что ЕМУ особенно приятно убедиться, что наконец-то «чушь из головы студентов начинает выходить». Мы, конечно, поняли, что слова эти отражали в себе упрек, обращенный ко всему студенчеству по поводу хронически повторявшихся беспорядков в Академии и Университетах. Представление наше кончилось пожалованием Станислава с мечами¹⁸ Н.А. и Ф.А. Рыжовым, как хозяевам отряда, пожертвовавшим на его организацию значительные суммы и выражением благодарности отряду со стороны Главнокомандующего, после чего нас пригласили к завтраку за Царским столом.

Такое угощение, конечно, было кстати, так как был уже второй час, а мы проведши целое утро в сборах и хлопотах по приведению в порядок своего костюма и не подумали о своих желудках.

Вслед за представлением мы начали собираться на родину. Все имущество, относящееся к больным, как-то: палатки, больничное белье, верхнее платье, обувь, перевязочные средства и запас лекарственных веществ было передано хозяином отряда в Красный Крест. Из больничного запаса медикаментов был удержан при себе лишь хинин, потребный для лечения заболевших и могущих еще заболеть членов отряда.

¹⁷ Адлерберг Александр Владимирович (1818-1888) – граф, с 1872 по 1881 гг. – министр императорского двора, приближенное лицо императора Александра II, принимавший деятельное участие во всех важнейших событиях его царствования (Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон. Биографии. – М., 1991. – Т. 1. – С. 102.)

¹⁸ Орден Станислава имел статут 1815, 1829 и 1839 гг. Предусматривалось, что орден мог даваться за благотворительную деятельность, за учреждение значительных и полезных для страны мануфактур, за неоспоримо полезные открытия в земледелии, торговле, науках, искусствах и ремеслах, а также «за сочинение и обнародование творений, признанных общепользовными». Знаком ордена были золотой крест под красной эмалью и звезда. Крест находился на муаровой ленте красного цвета с двойной белой каймой с каждой стороны. Крест имел три степени и текст орденского девиза – «Награждая, поощряешь». Шепелев Л.Е. // Титулы, мундиры, ордена. –Л., 1991. – 223 с.

Последняя предусмотрительность оказалась далеко не лишней. Едва мы добрались до Систова, как приступы лихорадки обнаружались в сильнейшей степени у всех членов отряда и потому волей-неволей пришлось сделать в Систове остановку на более продолжительное время. Хотя и я раз подвергся вновь жестокой лихорадке, но нуждаясь в скорейшем прибытии в Петербург к началу лекций на 5-м курсе, я должен был поторопиться с выездом обратно в Россию и потому, освободившись на время от приступов лихорадки, я оставил возвращающийся отряд в г. Систове и отправился в Петербург один. Дорогой я вновь, однако, подвергся жестоким приступам лихорадки, которые продолжались в сильнейшей степени и по приезде в Петербург, вследствие чего я вынужден был поместиться на время в клинику покойного проф. С.П. Боткина¹⁹. По выписке из клиники я усердно принялся за свои занятия по курсу, чему, однако, мешали время от времени повторяющиеся приступы лихорадки. В марте месяце мы узнали, что наши выпускные экзамены, по случаю военного времени, назначены ранней весной, именно в апреле месяце, вместо того, чтобы быть отнесенными на осеннее после каникулярное время, как это бывало прежде. При этом все выпускные экзамены распределены были всего на 20 дней – с 1 по 20 апреля месяца. Таким образом для подготовки к экзаменам мы почти не имели времени.

На мое несчастье почти весь период экзаменов я снова стал подвергаться жесточайшим приступам перемежающейся лихорадки. При таких условиях, конечно, пришлось выходить на экзамены подчас без всякой подготовки, в надежде на сделанный прежде запас знаний. Тем не менее экзамены я сдал вполне успешно, получив 20 отличных. Когда объявлен был нам результат экзаменов, мы узнали, что во всем курсе лишь трое получило не менее двух третей отличных из всех предметов (г. Левашев, Г. Ранчевский и я) и всего 32 человека окончило курс.

Впоследствии, в силу допущенных переэкзаменовок, оказалось, что еще один из окончивших курс получил две трети отличных. Все четверо, получившие не менее двух третей отличных, были удостоены конференцией Академии звания докторов без особого экзамена и кроме того трое (г. Левашев, г. Ранчевский и я) получили премии. Тотчас по выяснении результата экзамена все лица, окончившие курс *summa laude* были приглашены на конкурс для зачисления в профессорский Институт при Академии. Как обыкновенно конкурс состоял в писании экспромтом сочинения на выбранную по жребию тему из ранее заготовленных конференцией Академии.

Жребий нам представил тему «Лечение чахотки гигиеническое и фармацевтическое». Свои произведения мы должны были впоследствии сами читать перед конференцией Академии. После чего в том же заседании конференции происходила и баллотировка на предмет оставления при Академии. Выбранными оказались: я, Левашев, Ястребов, Феноменов, Никаноров, Стальников, Патенко и Корнилов. Все поименованные лица распределились затем сообразно выбранным ими предметам для занятий по следующим клиникам: я остался при психиатрической клинике профессора И.П. Мержеевского²⁰, Левашев, Никаноров и Стальников – при тера-

¹⁹ Боткин Сергей Петрович (1832-1889), тайный советник, доктор медицины (1860), профессор (1861), академик МХА (1872), почетный член двух университетов, 35 русских и 9 иностранных медицинских обществ. Классик русской медицины, основоположник функционального направления в отечественной клинической медицине.

²⁰ Мержеевский Иван Павлович (1838-1908) – руководитель кафедры психиатрии с 1877 по 1893 гг. Тайный советник, доктор медицины (1869), профессор (1877), академик ВМА. Автор 150 научных работ. Впервые описал микрогирию при идиотии. Под его руководством защищено 25 диссертаций. В 1883 г. под редакцией И.П. Мержеевского стал выходить журнал «Вестник клинической неврологии и психиатрии».

певтической клинике профес. С.П. Боткина, Ястребов и Патенко – при акушерской клинике профессора К.Ф. Славянского²¹, Феноменов – при акушерской клинике профессора Горвица²², Корнилов же, сколько мне известно, вскоре уехал в Москву, где продолжал свои дальнейшие занятия, вследствие чего он и не был зачислен в профессорский Институт врачей при Академии.

Следует заметить, что вследствие военного времени мы получили по конкурсу лишь право на оставлении при Академии в будущем, первое же время весь наш курс был зачислен в особо сформированный при клиническом госпитале временный запас врачей армии, пребывание в котором, однако, никому из будущих институтских врачей не мешало заниматься избранным им предметом при соответствующих клиниках. Поэтому хотя зачисление меня в число врачей Института состоялось лишь в 1880 г., но регулярные занятия в клинике профессора И.П. Мержеевского я мог начать тотчас же после окончания курса в Академии. Первым моим делом было изучить мозг в анатомическом отношении и затем ознакомиться возможно ближе с больными клиники и со способами их содержания и лечения. Всякий, кто имеет ясное представление об избранной мною специальности, легко поймет, что на эту предварительную подготовку должно пойти не мало труда. Тем не менее, благодаря любезному содействию и нравственной поддержке врачей клиники и в особенности профессора И.П. Мержеевского, работа моя пошла успешно и в сравнительно короткое время я мог уже приступить к разработке разнообразных научных вопросов.

Надобно заметить, что время, в которое я начал свою научную деятельность, было периодом особенного оживления в нашей специальности. Тогда, между прочим, вновь ожило, казавшееся было, умершим, психиатрическое общество, заседания которого, происходившие в клинике были почти всегда полны живого научного интереса. Вместе с тем в то время еще только что зачиналось у нас новое направление психиатрии, имевшее целью в своих клинических положениях и выводах опираться, главным образом, на данные анатомии и физиологии нервных центров. При таких условиях, конечно, работа спорилась вдвое.

В 1881 г. был напечатан труд под заглавием «Опыт клинического исследования температуры при некоторых формах душевных заболеваний», представленный мною в конференции Академии на соискание докторской степени. От официальных оппонентов профес. В.В. Пашутина²³, И.П. Мержеевского и А.Г. Полотебнова²⁴ труд этот на диспуте был удостоен чрезвычайно лестных похвал и

²¹ Славянский Кронид Федорович (1847-1898) – доктор медицины (1870), экстраординарный профессор (1877). Руководил кафедрой акушерства и гинекологии с 1877 по 1898 гг. Одним из первых внедрил метод асептики и антисептики, что позволило резко активизировать хирургическую деятельность и снизить смертность.

²² Горвиц Мартын Исаевич (1836-1883) – доктор медицины (1865), экстраординарный профессор (1877), руководил кафедрой с 1877 по 1883 гг. Автор более 30 научных работ, в том числе известного фундаментального «Руководства к патологии и терапии женской половой сферы».

²³ Пашутин Виктор Васильевич (1845-1901) –начальник академии в 1890-1901 гг. Тайный советник, заслуж. профессор (1896), академик ВМА (1890), почетный член многих медицинских обществ, в частности Лондонского Королевского общества. С 1874 по 1879 гг. – профессор кафедры общей патологии Казанского университета, где читал также курс фармакологии и физиологии.// Профессора Военно-медицинской (медико-хирургической) академии (1798-1998), СПб., 1998. – С. 14.

²⁴ Полотебнов Алексей Герасимович (1838-1907). Действительный ст. Советник (1894), доктор медицины (1867), адъюнкт – профессор (1875), экстраординарный профессор (1890), ординарный профессор (1894). Руководил кафедрой дерматологии ВМА с 1875 по 1894 гг. В основу созданного им направления в дерматологии положил принцип нервизма, присутствующий школе С.П. Боткина. Согласно этой теории болезни кожи рассматривались как поражение целостного организма.// Там же. С. 166-167.

самый диспут прошел вообще с особенным успехом. Осенью того же года в силу предложения, сделанного мне проф. И.П. Мержеевским, я доцентирован при Академии вместе с доктором Э.Р.

На доцентирование некоторые из моих сверстников по Институту, кажется, взглянули не совсем благосклонно, видя в нем, так сказать, скачок с моей стороны вперед, но вскоре и они последовали моему примеру. В конце 1883 г. вслед за уходом из клиники А.Е. Черемшанского²⁵ открылось при ней место штатного врача, которое я и занял по представлению профес. И.П. Мержеевского в начале 1884 г.

Впрочем, мне уже недолго после того привелось оставаться в клинике. В начале мая 1884 г. в конференции Академии состоялась баллотировка меня на одну из заграничных вакансий, а к началу июня месяца я уже отправился в заграничную командировку с научною целью.

Еще ранее избрания моего в заграничную командировку от Академии, по случаю освобождения при Казанском Университете, за смертью профессора Фрезе²⁶, доцентуры по психиатрии, возник вопрос о моей кандидатуре на освободившуюся вакансию. И хотя, благодаря солидным рекомендациям, я был избран на кафедру в Казанском Университет, но мысль лишиться двухлетней заграничной командировки до такой степени была для меня тягостна, что я решил отказаться на этот раз от кафедры в Казани.

Из Казани меня, однако, убеждали не покидать намерения о переходе в Казань на кафедру в ближайшем будущем, так как вопрос о замещении кафедры психиатрии вместе со снятием моей кандидатуры был отложен до осеннего времени, когда ожидалось введение нового устава, вместе с которым открывалось при Университетах профессура по психиатрии и нервным болезням.

Первым моим желанным пунктом заграницей был Берлин, в котором я провел около шести недель, т.е. ровно столько, сколько в нем было позволено оставаться мне, как и другим русским, въехавшим вместе со мною в этот прусский город, находившийся в то время почему-то в осадном положении. Это было время изгнания Бисмарком русских, поляков и евреев, а под этим предлогом и всех русских вообще, к какому бы званию они не принадлежали. По крайней мере нельзя объяснить себе иначе того по истине чудовищного факта, что въехавшие в то время в Берлин русские врачи, командированные русским Правительством с ученою целью за границу, как то и значилось в их паспортах получали официальное позволение (Erlaubnis, как значилось в заголовке самой бумаги) оставаться в Берлине не более шести недель, по истечении какового срока предлагалось немедленно же оставить город.

Получив такой документ наравне со своими товарищами, проживавшими в то время в Берлине и ухищрявшимися какими-то ходатайствами продлить себе срок пребывания в Берлине, я решил не следовать их примеру, а воспользоваться лишь шестинедельным сроком пребывания в Берлине. В течение этого времени

²⁵ Черемшанский Александр Евграфович (1838-1905). окончил МХА в 1861 г. Работал городовым врачом и главным врачом тюремных больниц. Впоследствии перешел на работу в психиатрическую клинику к профессору И.М. Балинскому. В 1873 г. Был направлен для усовершенствования в психиатрические учреждения Германии, Англии, Франции, Швейцарии и Бельгии. До 1883 г. работал в ВМА, затем главным врачом в Больнице Всех Скорбящих.

²⁶ Фрезе Александр Иустинович (1826-1884) – доктор медицины с 1865 г., первый преподаватель психиатрии в Казанском университете. Он получил психиатрическое образование в Преображенской больнице в Москве (1855-1862) и за границей. В 1872 г. получил звание ординарного профессора. Он был также и директором вновь открывшейся Окружной лечебницы в Казани на 200 кроватей.

я посещал лекции покойного профессора Westphal'a²⁷, Mendel'a, посещал физиологический Институт доктора BoisReymond'a, главным образом, его вивисекционное отделение, находившееся тогда под заведованием профессора Kraepcke'a, осмотрел все или почти все из имеющихся в Берлине и его окрестностях заведений для душевно-больных, посещал происходившие в то время заседания ученых обществ Берлина и знакомился с более выдающимися берлинскими представителями неврологии и психиатрии. К концу срока пребывания в Берлине я думал было сделать объезд по крупным научным центрам Германии, чтобы выяснить для себя, где бы я мог с большим успехом заняться на первое время неврологией и психологией, без знакомства с которыми клиническое изучение невропатологии и психиатрии является в такой же мере бесплодным, в какой является неполным или даже и вовсе невозможным изучение хирургии с нормальной анатомией или же изучение терапии внутренних болезней без знакомства с физиологией.

Первым пунктом, куда я направился, был Лейпциг и здесь то я именно нашел то, чего искал относительно условий своих научных занятий, в силу чего тотчас же решился переселиться из Берлина в Лейпциг.

В последнем я провел около года, работая при психиатрической клинике профессора Flechsig'a²⁸, психиатрической лаборатории профессора Wundt'a²⁹, физиологическом Институте профессора Ludwig'a³⁰, в особенности же в его гистологическом отделении, находившемся под заведованием профессора Gaule.

Вскоре по приезде в Лейпциг я узнал, что нашим Министерством уже обнародован университетский устав, в силу которого при университетах Казанском и Киевском открылись вакантные кафедры психиатрии и нервных болезней. В то же время из Казани предложено мне было подать немедленно же докладную записку в Министерство с целью заявить свою кандидатуру на кафедру в Казанский Университет, что я и сделал.

Спустя недели 2 или 3 после того я получил любезное письмо от профессора И.П. Мержеевского, которому я вообще в жизни обязан многим, – письмо, содержащее в себе упрек, что я не сообщил ему письменно о подаче своего заявления в Министерство и извещавшее меня о том, что Министерство запрашивало о мне как о профессоре Мержеевского, так и профессора Балинского, и что о мне дан, как он выразился в письме, блестящий отзыв с указанием на мои труды

²⁷ Вестфаль (Karl Westphal – 1833-1890) – выдающийся немецкий невропатолог и психиатр. Получил медицинское образование в Цюрихе, Гейдельберге, Берлине и Париже. Основатель первой берлинской школы психиатров. С 1874 г. – ординарный профессор психиатрии Берлинского университета (сменил на этой кафедре Гризингера). Им описаны спинно – мозговые расстройства при некоторых формах прогрессивного паралича и спинной сухотки. Дал классическое описание навязчивых состояний, хотя сам термин был предложен ранее Крафт-Эбингом. Выделил как самостоятельную нозологическую форму острую паранойю. С 1868 г. издавал «Архив психических и нервных болезней».

²⁸ P. Flechsig (1847-1929) – выдающийся немецкий невропатолог. В 1872 г. сделал открытие в нейрогистологии – эмбриональный или метод развития. В 1876 г. П. Флексигу удалось выделить моторные и сенсорные поля головного мозга.

²⁹ Вильгельм Вундт (1832-1920) – немецкий психолог и философ, основатель современной экспериментальной психологии. В 1879 г. им была открыта первая в мире лаборатория экспериментальной психологии при Лейпцигском университете. В 1883 г. – основал журнал экспериментальной психологии «Философские исследования».

³⁰ Людвиг Карл Фридрих Вильгельм (1816-1895) – немецкий физиолог, основатель научной школы, иностранный чл.-корр. Петербургской АН (1871). Предложил в 1846 г. физическую теорию мочеотделения. Открыл в 1851 г. секреторные нервы слюнных желез, а в 1866 г. совместно с И.Ф. Ционом т.н. депрессорный нерв.

и оценкой некоторых из них³¹. Вскоре затем в ответ на мое заявление я получил из Министерства уведомление, что я буду назначен на кафедру психиатрии и нервных болезней в Казанском Университете.

Получив это уведомление в то время, когда я уже всей душой отдался своим научным занятиям в клинике профессора P. Flechsig'a, мне стало грустно расстаться с ними тотчас же, мне было тяжело подумать, что я должен буду отказаться от самых интересных и поучительных для меня занятий в заграничных лабораториях и клиниках в течение более полутора года, которые мне предстояло еще провести в командировке. Тем не менее отказаться от предстоявшего мне назначения казалось уже и неудобным, по крайней мере без особого основания, а потому я решил написать в Министерство бумагу, в которой предлагавшееся мое назначение на кафедру в Казань, я думал обусловить такими требованиями, чтобы само Министерство прислало мне отказ за невозможностью удовлетворить эти требования. В один вечер бумага была изготовлена. В ней я извещал Министерство, что я буду согласен быть назначенным на кафедру в Казань лишь при том условии, если при кафедре будет устроено место ассистента (которого ранее не полагалось), если мне будут отпущены средства на устройство особого кабинета для занятий по центральной нервной системе, если будет построена в Казани клиника для психических и нервных больных и если мне будет разрешена заграничная командировка с содержанием от Министерства народного просвещения в течение полутора года в виду того, что я состою уже в командировке от военного Министерства.

Вся бумага была написана в тоне не допускавшем уступок, но всего этого мне казалось еще недостаточно и я отправился к одному из живших тогда в Лейпциге соотечественников доктору В.Ф. Чижу³², прося его придумать более энергичный способ выражения, чтобы в отказе со стороны Министерства нельзя было сомне-

³¹ В фондах мемориального музея В.М. Бехтерева имеются эти отзывы. Профессор И.М. Балинский писал: «Знакомство мое с г. Бехтеревым ограничивается встречами с ним в клинике душевных болезней и в заседаниях психиатрического общества и не дает мне никакого права судить о личных его достоинствах. Преподавательские способности г. Бехтерева оценены по достоинству выбором его в приват-доценты при Императорской Военно-медицинской академии. Компетентность мнения Конференции Академии в этом отношении не подлежит, для меня лично, никакому сомнению... Многочисленные ученые труды В.М. Бехтерева, желающего занять имеющуюся в Казанском Университете вакантную кафедру по душевным и нервным болезням... представляют несомненный интерес и доказывают его наблюдательность, умение пользоваться клиническим материалом, стремлением объяснить замеченные явления... Плодovitость автора поразительна, он быстро приходит к выводам весьма смелым и решительным, быть может со временем не все его заключения оправдаются, но во всяком случае он стал твердою ногою на почву анатомо-физиологическую- единственную, от которой следует ожидать дальнейшего успеха науке о нервных и душевных болезнях, он в состоянии самостоятельно работать в этом направлении, проверять труды других ученых и руководить работой своих учеников...». И.П. Мержеевский отмечал: «Ознакомившись ближе с качествами ума и характера г-на Бехтерева, я позволю себе засвидетельствовать о нем, как о весьма даровитом, трудолюбивом и скромном ученом, обещающим сделаться солидным невропатологом и прекрасным преподавателем. Октябрь 1884 г». Архив мемориального музея В.М. Бехтерева, фонд I, ед. хр. 8-9.

³² Чиж Владимир Федорович (1855-1914). Окончил СПб. МХА в 1878 г., был прикомандирован к психиатрической клинике профессора И.П. Мержеевского, где защитил диссертацию, затем учился за границей. В 1885 г. получил место ст. врача в больнице Св. Пантелеймона около СПб., с 1888 г. читал лекции по психопатологии в СПб. университете, а с 1891 г. стал профессором кафедры психиатрии в Юрьеве, сменив на этой кафедре Э. Крепелина. Автор многочисленных трудов по клинической и судебной психиатрии и психологии.

ваться. После новой корректуры бумага была переписана мною в течение ночи и на другой же день отправлена по назначению.

В течение 1½ или 2 месяцев мне пришлось ждать отказа от Министерства. Наконец, однажды утром почтальон подает мне конверт со штемпелем Министерства народного просвещения. Наконец-то все кончено. Подумал я. Но каково было мое удивление, когда, развернув пакет, я убедился, что об отказе в бумаге не было и речи. Напротив того, бумага как бы признавала все мои требования вполне основательными и подлежащими удовлетворению. По крайней мере, в ней значилось, что об ассистенте я могу поднять ходатайство по приезду в Казань, что об устройстве кабинета мне следует хлопотать по приезду через факультет и совет, и что средства на этот предмет будут отпущены Министерством, что клиникой мне будет служить Казанская Окружная Лечебница, консультантом коей я буду назначен, по возвращении в Россию, что же касается заграничной командировки, то в бумаге говорилось, что, так как я уже состою в командировке от Военного Министерства, то я и могу продолжать оставаться в этой командировке впредь до августа месяца 1885 г., т.е. до начала следующего учебного года, когда я буду назначен на кафедру в Казань.

Нечего и говорить, что я был вполне доволен таким результатом и занятия мои пошли с удвоенной энергией.

Весной 1885 г. я отправился в Париж через Кельн и по пути остановился в Бонне, где осмотрел с подробностью одно из богатейших заведений прирейнского края, находившееся в то время под управлением профессора Neisse. Как ни прекрасно построено это заведение, все же при его осмотре нельзя было не выразить удивления баснословной дороговизне его постройки, достигавшей, кажется, несколько миллионов марок. Провожавший меня врач успокоил меня, однако же, тем, что добрая половина этой суммы в кармане архитекторов. Такие заявления производят на русского всегда несколько успокоительное действие. Он убеждается, по крайней мере, что не в одном его «варварском» отечестве возможны подобные случаи, но и у цивилизованных европейцев.

В Париже я познакомился с профессором Charcot³³ и под руководством последнего знакомился с больными, содержащимися в его отделениях Сальпетриера. Личность этого замечательного ученого произвела на меня глубокое, почти чарующее впечатление не только благодаря любезности и внимательности, с которой он относился ко мне, но и благодаря поразительной простоте изложения своих лекций.

Вернувшись из Парижа снова в Лейпциг для продолжения своих занятий и окончания начатых мною научных исследований, я закончил свою заграничную командировку посещением колониального заведения для душевнобольных в близ Лейпцига, заведения в Галле, находящегося под заведыванием профессора Nytzig'a, Мюнхенского психиатрического заведения с анатомической лабораторией, находящегося под заведыванием профессора Gudden'a и осмотром лаборатории психиатрического отделения, находившегося под заведыванием профессора Meunert'a в Вене.

Вернувшись из-за границы в Петербург, я поехал тотчас же представиться Г. Министру. Прием был более чем любезный. Министр, увидев меня впервые и услышав мою фамилию, выразил живейшее удовольствие, что я перехожу на

³³ Шарко Жан Мартин (1825-1893) – французский невропатолог. Руководитель больницы Сальпетриер в Париже. С 1860 г. – профессор невропатологии Парижского университета. Исследовал клинику органических заболеваний нервной системы. Описал боковой амиотрофический склероз. Известен исследованиями гипнозизма и клиники истерии.

службу в Министерство народного просвещения, тотчас же припомнил лестные отзывы, данные о мне профессором И.П. Мержеевским и И.М. Балинским, выразил удивление по поводу количества моих работ, расспрашивал меня, где и как я провел время за границей, интересовался вопросом о распространенности и развитии нервных и душевных болезней за последнее время и, наконец, перешел на тему о талантливых русских врачах, между прочим о профессоре Захарьине³⁴, в то время лечившего графа Д.А. Толстого³⁵, и о С.П. Боткине. Затем, сказав еще несколько лестных слов по моему адресу, Министр закончил длившуюся более часа беседу восклицанием: «Да. Может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов русская земля родить. Вот может и родить».

Я вышел из приемной Министра совершенно очарованный любезностью и направился в Министерство, куда мне предложил обратиться за справками Г. Министр. Здесь я узнал, что мое назначение уже состоялось в июне месяце, и что я назначен вопреки ожиданиям, экстраординарным профессором психиатрии. По поводу последнего обстоятельства мне заявили, что иначе не могло и произойти, так как иной вакансии не имелось, но что при первой открывшейся при Университете ординатуре меня назначат ординарным профессором, что и осуществилось приблизительно через полтора года вступления моего на службу в Казанский Университет. Будучи в Министерстве, я не преминул напомнить, между прочим, о том, что мне было обещано дать суммы на устройство кабинета, открыть должность ассистента или ординатора при моей кафедре и устроить клинику при Окружной Лечебнице. Обещания были подтверждены, причем мне было заявлено, что Министерство Народного просвещения дало свое согласие на назначение директора Лечебницы от Министерства Внутренних Дел только под условием назначения профессора психиатрии консультантом лечебницы, как клиники, с правом преподавания нервных и душевных болезней. Из Министерства народного просвещения я отправился в Медицинский Департамент Министерства Внутренних Дел для того, чтобы узнать из уст Г. Директора Департамента свое будущее положение при лечебнице. Сие было сказано. Что я буду назначен консультантом специально с целью клинического преподавания при лечебнице и что с этой целью я должен буду войти в соглашение с Г. Директором лечебницы и выработать совместно с ним правила психиатрической клиники при лечебнице, которая и будет утверждена Министерством Внутренних Дел.

Вступительная моя лекция в клинической аудитории Казанского Университета о причинах и распространении душевных расстройств в современном обществе привлекла большое количество слушателей и произвела впечатление; на следующий же день она была подробно реферирована в местной прессе. Покойный помощник попечителя Казанского округа г. Малиновский, присутствовавший на лекции, долго изливал мне свой восторг по поводу этой лекции и впоследствии почти при каждом свидании вспоминал о ней с чувством особенного удовольствия.

³⁴ Захарьин Григорий Антонович (1829-1897/98) – российский терапевт, основатель московской клинической школы, почетный член Петербургской АН (1885). Автор широко известных клинических лекций. Усовершенствовал анамнестический метод исследования.

³⁵ Толстой Дмитрий Андреевич (1823-1889) – граф, действительный тайный советник. В 1865-1880 гг. – обер-прокурор Св. синода, совмещая этот пост с апреля 1866 г. по апрель 1880 г. с должностью министра народного просвещения. Провел реформу среднего образования (1871) на основе сословного принципа: низшая школа – для народа, реальные училища – для буржуазии, университеты – для дворянства.

Кроме чтения лекций и составления курса первым моим делом по приезде в Казань было обставить кафедру средствами и пособиями, служащими для демонстративного преподавания, а равно и в клиническом отношении. Дело в том, что по приезде в Казань я не нашел при кафедре никакого решительно имущества, могущего служить пособием к демонстративному или клиническому преподаванию психиатрии.

Окружная Лечебница также блестела отсутствием учебных пособий и только благодаря заботам бывшего директора ее, ныне Директора Медицинского Департамента Министерства Внутренних Дел, она стала впервые обзаводиться научными средствами.

Когда я в одном из первых заседаний Факультета заявил о курсах своей кафедры, прося Медицинский Факультет ходатайствовать об открытии при занимаемой мною кафедре места сверхштатного ординатора с содержанием и об отпуске мне одновременно тысячи рублей на устройство кабинета и 300 руб. ежегодно на его содержание, многие из членов факультета охотно соглашались на представление моего ходатайства в Министерство, тем не менее, отнеслись с полным недоверием к возможности осуществления подобного ходатайства. Между тем бумага моя, будучи заслушана в совете, получила уже разрешение из Министерства, так как последнее, отпуская особые добавочные суммы Университету, оговорило, что известная часть должна пойти на основание кабинета при кафедре психиатрии.

С этих пор при Казанском Университете было положено начало психиатрической лаборатории, обладающей уже разнообразными средствами и приборами, необходимыми для исследования анатомии и физиологии центральной нервной системы, а также и пособиями для исследования в области экспериментальной психиатрии.

Лаборатория эта, в которой уже имеет богатое собрание эмбриологических и патологоанатомических препаратов из центральной нервной системы служит не только для занятий молодых врачей, подготовляющих себя к практической деятельности в области невропатологии и психиатрии, но является важнейшим подспорьем при чтении общего курса психиатрии.

Вскоре после разрешения суммы на основание психиатрической лаборатории при Университете ходатайство об открытии места ординатора при кафедре получило также удовлетворительное разрешение, и вместе с тем мне удалось организовать клинический курс психиатрии при Окружной Лечебнице.

Прежде всего, сообщая с бывшим ее директором, Л.Ф. Рагозиным³⁶, были выработаны правила устройства психиатрической клиники при Окружной Лечебнице, которые и были затем утверждены Министерством Внутренних Дел.

Учреждение психиатрической клиники при лечебнице, заменив прежнюю личную унию лечебницы и Университета, возникшую благодаря служебному совместительству, не только обеспечило за Университетом право практического преподавания психиатрии при Окружной Лечебнице при кровати больного, но и придало самой лечебнице характер учебно-вспомогательного учреждения, которого она вовсе не имела или почти не имела в прежнее время.

Без сомнения, клиника при лечебнице, управляемой Директором и имеющей в высшей степени сложное и обширное хозяйство, не могла обладать тою полноправностью, которая в этом была бы желательна, тем не менее, учреждение ее

³⁶ Рагозин Лев Федорович (1847-1908). В 1889 г. Л.Ф. Рагозин получил повышение по службе и возглавил медицинский департамент при министерстве Внутренних Дел в СПб.

является, несомненно, успехом в деле организации клинического преподавания психиатрии при Казанском Университете, которое ранее, сколько известно, даже и не велось систематически. С 1886 г. по моему ходатайству на университетские средства организовано для лекций студентам 5-го курса правильное и бесплатное сообщение с лечебницей на извозчицких экипажах, благодаря чему были устранены до известной степени и те неудобства преподавания в лечебнице, которые связаны с отдаленным положением ее от города. Наконец, в течение 1889-1890 учебного года при Окружной Лечебнице был образован особый клинический кабинет, представляющий собрание препаратов, необходимых при всестороннем исследовании психических больных, разбираемых на лекциях перед студентами.

За последнее время надежды Казанского Университета складываются около проектируемой постройки новых факультетских клиник, в числе которых предполагается иметь и психиатрическую. С устройством последней Казанский Университет в отношении клинического преподавания психиатрии будет обставлен также, как и многие из Университетов Западной Европы и вместе с тем он приобретет себе тот научный центр, который естественным образом будет привлекать к себе значительное число молодых сил, желающих потрудиться на практическом и научном поприще клинической психиатрии.

2. КОРРЕСПОНДЕНЦИИ С ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ. СЕВЕРНЫЙ ВЕСТНИК (ГАЗЕТА).

1877, № 55, 24.06., стр. 3; № 62, 01.07., стр. 3; № 65, 04.07., стр. 2; № 67, 06.07., стр. 2-3; № 81, 20.07., стр. 2; № 85, 24.07., стр. 4; № 86, 25.07., стр. 2; № 88, 27.07., стр. 2; № 101, 09.08., стр. 3; № 102, 10.08. стр. 2-3; № 106, 14.08., стр. 3; № 116, 24.08., стр. 2-3; № 117, 25.08., стр. 3; № 120, 28.08., стр. 3; № 129, 07.09., стр. 3; № 130, 08.09., стр. 2; № 141, 19.09., стр. 2; № 148, 26.09., стр. 2; № 149, 27.09., стр. 2; № 150, 28.09., стр. 3.

СЕВЕРНЫЙ ВЕСТНИК 1.³⁷

24.06.1877. №55. ИЗВЕСТИЯ С ТЕАТРА ВОЙНЫ³⁸

1. РУССКИЕ

Александрия, 13-го июня (Корреспонденция «Северного Вестника»). Я выехал из Букарешта в составе легучего санитарного отряда Красного Креста, который предназначается на перевязочный пункт к месту переправы. Отряд составляют 7 врачей, 25 студентов и 44 санитаря; сюда же вошел и персонал санитарного отряда Рыжова. Кроме того, к этому отряду должны принадлежать 17 сестер милосердия с докторшей Зибольд, которые выезжают из Букарешта несколько позже нас. Вместе с носильщиками и служителями всех лиц, составляющих отряд, более ста человек. Весь отряд находится под ведением главного хирурга

³⁷ Редактором газеты «Северный Вестник» был В.Ф. Корш (1828-1883) с 1877 по 1878 гг. – известный отечественный публицист, до этого в течение 12 лет он был редактором газеты «СПб Ведомости». Газета «Северный Вестник» просуществовала не более года и была запрещена в 1878 г. за публикацию письма В. Засулич, оправданной судом присяжных (Энцикл. под ред. С.Н. Южакова, СПб., 1903, Т.11, С. 383-384)

³⁸ Война начала Россией для укрепления своего влияния на Балканах в условиях обострения международных противоречий на Ближнем Востоке. Способствовала национально-освободительному движению против турецкого владычества (с мая 1877 г. на стороне России выступила Румыния, а позже Сербия и Черногория). Велась на Балканах русской Дунайской армией (185 тыс. человек), в которую вошло и болгарское ополчение (до 7,5 тыс. человек) против 206-тыс. турецкой армии и на Кавказе русской кавказской армией (75 тыс. человек) против турецкой Анатолийской армии (65-75 тыс. человек). На балканском театре военных действий после переправы через Дунай у Зимницы русские войска овладели крепостями Ловча и, после длительной осады, Плевна и, заняв Шипкинский перевал, отразили контрнаступление турецкой армии. На Кавказе русские войска заняли крепости Баязид и Ардаган, в Авлияр-Аладжинском сражении 1877 г. нанесли поражение турецкой Анатолийской армии и овладели крепостью Карс. К 1878 г. соотношение сил на Балканах изменилось в пользу России, в войну вступила Сербия. Дунайская армия нанесла поражение турецкой армии при переходе через Балканы зимой 1877/1878 гг., в сражениях у Шейново, Филиппополя и Адрианополя и в феврале 1878 вышла к Босфору и Стамбулу. На Кавказе русская армия овладела Батумом и блокировала Эрзурум. Война закончилась Сан – Стефанским мирным договором (пересмотрен Берлинским конгрессом 1878 г.). Русско-турецкая война 1878 г. способствовала освобождению балканских народов от османского ига, обеспечила Румынии, Сербии и Черногории национальную независимость, а Болгарии – возможность создать национальное государство.

Ринико³⁹. Нас сопровождают уполномоченные от Общества красного Креста, князь Черкасский⁴⁰, князь Долгорукий⁴¹, граф Толстой, Голенищев-Кутузов⁴² и Писарев. Князь Черкасский, как известно, назначается управителем Болгарии после занятия последней русскими войсками. Его роль в Болгарии должна состоять в том, чтобы дать болгарам систему самоуправления и поставить этот народ на ноги для самостоятельного развития. Князь невысокого роста, седой, выглядит из себя лет 60, держит себя очень просто. Герой шестидесятих годов в крестьянской реформе, он, несомненно, исполнит свою культурную миссию наилучшим образом. Он сопровождает теперь наш отряд с тем, чтобы после переправы русских за Дунай тотчас приступить к своему назначению. Все болгары теперь уже знают о такой миссии князя Черкасского и весьма интересуются получить о нем какие-либо сведения. По дороге, во время наших стоянок в деревнях, к нам иногда подходили по несколько болгар, выслывшихся из своей страны во время турецкого террора, и спрашивают о князе. Они называют Черкасского своим отцом и благодетелем, и ждут – не дождутся его прибытия в их родину. Мы выехали из Букарешта рано утром целым обозом в 13 повозок.

Чувство томительного ожидания, которое отравляло дни нашего пребывания в Букареште, сменилось каким-то тихим восторгом (который, если не высказывается на словах, то каждым испытывается), когда длинная вереница обоза медленно двинулась по дороге к Александрии. Утро было ясное; солнце едва только поднялось на горизонте; в атмосфере температура умеренная; – все это вместе с бодростью отправляющихся составляло прелесть минуты. Местность кругом Букарешта представляет равнину, покрытую густой зеленью, так что куполы городских церквей долго еще не могли скрыться из наших глаз. Но вскоре с прекрасного шоссе мы повернули на проселочную дорогу, и местность начала разнообразиться. Дубовые и кленовые леса, разбросанные по холмам, и горные речки, с шумом протекающие по оврагам, иногда рисуют самые живописные пейзажи. Но сами проселочные дороги убийственны. По ним встречаются иногда такие пни, что езда невозможна без вылазки всех пассажиров, ямы и овраги просто страшны; мосты из легких жердей, перекинутые через речки, сделаны на живую руку, дрожат под телегой и грозят обвалиться вместе с нею. Такие дороги трудно найти и у нас в России. Ночью по здешним дорогам проезд совершенно немислим, вот почему наш обоз двигался очень медленно. В некоторых местах приходилось своими силами помогать лошадям выбраться из ямы, или проводить осторожно повозку за повозкой по пням и буеракам, неожиданно встречающимся по дороге;

³⁹ Ринико Александр Христианович (1837-?) – выпускник СПб. МХА (1864), доктор медицины (1867). В 1878 г. избран профессором госпитальной клиники и оперативной хирургии киевского университета.

⁴⁰ Черкасский Владимир Алексеевич (1824-1878) – князь, российский государственный деятель, публицист, славянофил. С 1877 г. руководил устройством гражданского управления в Болгарии.

⁴¹ Долгоруков Владимир Андреевич (1810-1891) – князь, генерал от кавалерии (1867), генерал-адъютант (1855). С 1865 по 1891 гг. – Московский генерал – губернатор. Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. при активном содействии князя Долгорукова в Москве и Московской губернии было организовано около 20 комитетов Общества Красного Креста, собрано около 1,5 млн. рублей пожертвований в пользу Общества, свыше 2,2 млн. рублей для приобретения судов Добровольного флота, устроен госпиталь на 2400 коек, снаряжены 2 санитарных поезда, которые перевезли свыше 12,5 тыс. больных и раненых. (В. Федорченко // Императорский Дом, Красноярск-М., 2000. – С. 403 – 404).

⁴² Вероятно, речь идет о Голенищеве-Кутузове Арсении Аркадьевиче (1848-1913) – графе, обер-гофмейстере. В 1877-1879 гг. он был уездным предводителем дворянства в Тверской губернии.

наконец, не один раз приходилось останавливаться из-за различных поломок. К ночи и во время дневной жары мы делали привал в деревне, где-нибудь под тенью деревьев, и располагались походным образом с закуской и чаем. Надо сказать, что все румынские деревни очень красивы. Они состоят обыкновенно из белых глиняных мазанок с тростниковой крышей, на которой приютилось семейство аистов. Эти мазанки, хотя располагаются неправильно и сами по себе не составляют особенно приятного вида, но всегда густо обсажены фруктовыми деревьями (вишнями, сливами, яблонями и тутовыми деревьями), что придает всей деревне необыкновенно красивый вид. Невдалеке от деревни протекает речка по берегам, обросшим лесами; а по тучным лугам ходят стада быков, буйволов и баранов, свидетельствующие о зажиточности их хозяев. Деревенские мазанки не высоки (часто вход в них спускается как в подземелье) с небольшими, двумя или тремя косячетыми окошками. Пол внутри мазанок заменяет земля; вместо стульев и лавок кругом стен расположены нары. В этих мазанках румыны скрываются только от дневной жары и во время ночи, остальное время дня они проводят на вольном воздухе. Сами румыны народ очень любезный и приветливый. Когда мы вошли в одну из таких мазанок, нас очень любезно приняла хозяйка, хотя незнание языка не позволило ей высказать на словах свое приветствие. Она с удовольствием показывала нам свою работу по шелководству и когда увидела, что мы этим интересуемся, позволила взять несколько коконов для себя. Занятие шелководством в этих местах очень распространено между румынами и совершается обыкновенно домашним образом. Шелковичных бабочек румынка располагает на влажном полотне около печки, где они кладут яички. Когда выйдут из последних черви, румынка несет их на тутовое дерево, где они вырастают и свивают свои коконы. Затем порядок обработки коконов обыкновенный. Пряжа идет на продажу в ближайшие города.

Румыны одеваются очень просто и опрятно. Костюм мужчин состоит из холщовой рубашки, которая спускается до колен; рубашку обтягивает широкий кушак, на голове круглая барашковая шапочка, а ноги обучаются в кожаные башмаки – вот и весь летний костюм румына. Костюм румынок почти тот же, только сорочка гораздо длиннее и от пояса спускается передник. Напротив, праздничный костюм румынок очень красив и оригинален. Он состоит из белой сорочки и такой же юбочки, красиво вышитых разноцветными шерстями, а на груди свешиваются бусы или серебряные деньги, нанизанные на нитку. Проезжая по румынской деревне в воскресенье, мы долго любовались этими красивыми нарядами румынок, которые играли в это время хоровод. К сожалению, мы не могли видеть их танцев, так как около этого времени мы были извещены, что русские уже перешли Дунай около Галаца, и нам нужно было торопиться к месту назначения, так как переправа и в других пунктах Дуная не заставит себя ждать.

Мы прибыли в Александрию утром, 13-го июня. Город расположен в ложбине между невысокими холмами. Около него на громадном протяжении располагаются полковые обозы; но войска уже вышли из этой местности. Мы застали здесь только один артиллерийский полк, который должен двинуться сегодня же. Здесь мы узнали, что вчера, 12-го, происходила сильная канонада из русских батарей в Журжево. Турки со своей стороны отвечали; но результат бомбардировки неизвестен. Я хотел известить вас об этом телеграммой, но оказывается, что здесь в Александрии телеграф так завален официальными депешами, что частные русские депеши совершенно не принимаются. Говорят, что и румынские депеши отправляются отсюда с большим трудом.

САНИТАР.

P.S. Главная квартира переносится не в Александрию, а в местечко Драчу, к юго-западу от Александрии.

01.07.1877. №62. ИЗВЕСТИЯ С ТЕАТРА ВОИНЫ

1. РУССКИЕ:

Зимница, 17 июня. (Корреспонденция «Северного Вестника»). Я извещал вас, каким образом доехали мы до Александрии. 14 июня наш отряд получил инструкцию отправиться в Пиатру, где мы должны были получить новое назначение. Замечательно, что почти до последней минуты не могли знать, куда мы отправляемся, так как все передвижения действующей армии совершались под строгим секретом; мы были только извещены, что наш отряд должен будет действовать при переправе. Маршрут мы получали от пункта до пункта: из Александрии мы были направлены в Пиатру, из Пиатры получили назначение в Сухой, и только в Сухое узнали, что отправляемся в Зимницу. В Пиатре мы должны были ночевать в ожидании дальнейшего назначения. Всю ночь (с 14 на 15) слышалась сильная канонада со стороны Никополя. Удары были так сильны и часты, что мы, утомленные продолжительной ездой, долго не могли заснуть; только к утру канонада на некоторое время затихла с тем, чтобы вскоре возобновиться с еще большею силою. Говорят, что в эту ночь в Турну был открыт сильный огонь со всех русских батарей. Турки надеялись, что русские здесь начнут переправу, собрали сюда на этот случай массу войск и отвечали русским страшной бомбардировкой. Рано утром, когда мы выехали из Пиатры, канонада со стороны Никополя все еще продолжалась с такой же силой, но в это время мы уже слышали первые пушечные удары со стороны Систова. Утро было тихое, погода стояла ясная и канонада на заре раздавалась сильными ударами, когда мы подъезжали к Сухой. Отсюда уже ясно видно Систово. Весь противоположный турецкий берег выступал перед нашими глазами высоким хребтом, по крутым скатам которого у самого подножья красиво разбросан город. Куполы минаретов ярко блистали на солнце. В нескольких местах из города дым высоко поднимался клубами, по всей вероятности от пожаров, произведенных русскими бомбами. В это время из Систова действовало только одно орудие и выстрелы были не часты, между тем как со стороны русских батарей слышался удар за ударом непрерывно. Неподалеку от Сухой к нам прискакал казак с извещением, чтобы мы торопились, так как переправа давно уже начата и получены первые раненые. Мы должны были двинуться на рысях и только около 11 часов утра мы могли достигнуть Зимницы. Зимница расположена на слегка возвышенном ровном берегу, который спускается к Дунаю невысоким, но крутым скатом. В этом месте Дунай делится на два рукава, которые образуют прямо против города низменный остров, остававшийся во время разлива под водою. В настоящее время этот остров не вполне еще обсох, так что во многих местах он покрыт еще болотами. Благодаря этому острову, Дунай здесь значительно суживается (рукав, прилежащий к турецкому берегу, имеет 730 сажен ширины), между тем как прямо против Систова, расположенного несколько выше Зимницы, ширина Дуная достигает двух верст.

Весь турецкий берег против Зимницы высокий нагорный и господствует над нашим. Он спускается к Дунаю страшными обрывами и крутизнами, которые поперек пересекаются глубокими оврагами и ущельями; все скаты этого берега покрыты пролесками из фруктовых деревьев, а ямы и овраги обросли густым кустарником. Турецкий лагерь был расположен на самых высотах и скрыт за

холмами верст на 7 ниже по течению Систовы и в расстоянии 6 верст от нашей стороны. Высоты над Систовым были также укреплены турками. В самом городе находилась турецкая батарея.

Такие природные условия дают все преимущества обороняющемуся неприятелю и, при мало-мальски осмысленной тактике со стороны турок, никакая армия в мире не смогла бы взять эти неприступные высоты. Несмотря на это, переправа началась в ночь с 14 на 15 июня. Русские, прежде всего, вечером устроили незаметно от неприятеля понтонный мост на острове, заняли весь остров войсками и затем через другой рукав Дуная приступлено было к переправе на лодках. В распоряжении русских находилось около 60 понтонных лодок. Переправу начала 14-я дивизия. На первых лодках были отправлены 300 пластунов и часть волынского полка. Пластуны должны были перерезать часовых и сломать проволоки, между тем как на волынцев была возложена обязанность очистить часть берега и сделать удобную пристань для переправы следующих войск. Этот первый десант был сделан незаметно от неприятеля; турецкие часовые, говорят, в то время спали. Но когда русские уже высадились на берег и работа началась, один из турецких караульных успел взобраться на горы и известить конный караул об опасности. Весть немедленно была доставлена в лагерь, и турки быстро рассеялись по всему берегу, заняли все овраги и ущелья и укрепились за шанцами, так что второй рейс со стороны турок был уже встречен страшным огнем. Турки, скрывшись за кустами, с крутого берега стреляли прямо в понтоны и нанесли нашим большой ущерб. Говорят, что несколько несчастных понтонов, которых снесло течением, нагнулись на целый неприятельский батальон и были почти все перебиты, так что к берегу пристали одни трупы. Несмотря на такой страшный огонь, открытый по второму рейсу, наши смело вскарабкались на берег и встретились неприятеля лицом к лицу. Обе стороны схватились на ура. Русские ударили в штыки, так как неприятель скрылся за прикрытиями и в шанцах, откуда открыл убийственный огонь по нашим. Нужно было его во что бы то ни стало выбить из этих прикрытий. Произошло страшное дело.

Турки защищались отчаянно, но к нашим вовремя подоспело подкрепление 136 гвардейцами и частью минского полка. Последние снова ударили в штыки и с криком ура бросились на неприятеля; турки не выдержали и отступили на высоты за новые шанцы, откуда их пришлось выбивать с такими же усилиями. Но первое дело было уже сделано: русские очистили берег и дали возможность следующим войскам переправляться с меньшей безопасностью. Между тем все это время непрерывно совершалась переправа и русские получали постоянные подкрепления свежими силами. Переправой командовал генерал Драгомиров⁴³. Человек с большими знаниями, бывший профессор академии генерального штаба, он оправдал на деле ожидания своих сослуживцев. Под его командой переправа во время самого жаркого дела совершалась в полном порядке. Он сам переправился с третьим эшелоном на турецкий берег и все время был героем дня. Переправа, как сказано, после взятия первых береговых турецких шанцев, начала

⁴³ Драгомиров Михаил Иванович (1830-1905) генерал от инфантерии с 1891 г., генерал-адъютант с 1878 г. В ходе русско-турецкой войны отличился при форсировании р. Дунай у Зимницы (июнь 1877 г.), участник обороны Шипки (август 1877 г.). Был тяжело ранен в ногу, но продолжал командовать войсками, самостоятельно перевязав рану носовым платком, до тех пор, пока не потерял сознание от потери крови. Обладал разносторонними интересами и начитанностью во всех областях знаний, что позволило ему опубликовать не только труды по военной специальности, но и «Разбор романа «Война и мир» Л.Н. Толстого» с военной точки зрения.

совершаться с меньшей безопасностью. Но к утру, часам к 3-м, когда немного рассвело, послышались первые пушечные удары, направленные против наших понтонов из батареи в Систове и из неприятельского лагеря на высотах. Вся дальнейшая переправа должна была совершаться под страшной бомбардировкой. Гранаты сыпались то вправо, то влево от наших понтонов. Одна из них ударила прямо в навес понтона с двумя горными орудиями. От удара стоявшие в понтоне артиллерийские лошади шарахнулись в сторону и опрокинули понтон. Оба орудия вместе со всеми людьми и батарейным командиром Стрельбицким, погибли; спаслось только два офицера. Это единственный крупный вред, который сделала турецкая батарея. Надо вам сказать, что турки из пушек стреляют очень метко, так что пускают по несколько гранат в одно место; но они, говорят, не так удачно владеют переводами орудия с одного направления на другое, что весьма облегчало нашу переправу. Достаточно было приноровиться обходить те места, в которые сыпались турецкие снаряды, чтобы быть уверенным, что следующий снаряд упадет в то же место, не причинив нашим понтонам никакого вреда. Этим только и можно объяснить наш незначительный урон во время переправы в сравнении с тем, что мы могли бы понести при такой страшной бомбардировке. Но, как бы то ни было, переправа при таком незначительном количестве лодок, которыми мы владели, не могла совершаться быстро, что ставило в опасность войска, расположенные на острове и готовящиеся к переправе, так как турецкие снаряды весьма легко достигали нашего берега. Но около 7 часов утра подоспел к переправе пароход «Анета». Этот пароход, говорят, переделан из бывшего турецкого, который был случайно потоплен месяца три тому назад при столкновении с австрийским пароходом. Русские потом его подняли и в настоящее время воспользовались для переправы. Пароход «Анета» пришел сверху и прошел мимо Систова без флага, вследствие чего турки не сочли нужным его обстреливать. Затем для безопасности он прошел по ближайшему к Зимнице рукаву, обогнул весь остров, и когда подошел к месту переправы, поднял русский флаг. Тогда только турки опомнились и начали целить в него своими снарядами, но безуспешно. С пароходом переправа пошла быстрее, что было весьма важно, так как русские, имея пред собой неприятеля с численным превосходством и в самых лучших позициях, постоянно нуждались в подкреплениях. Малейшее промедление могла погубить все дело.

Со взятием первых береговых позиций трудности дела для русских не уменьшились. Нашим солдатам приходилось лезть буквально на стены. Один солдат поднимал другого на руках с тем, чтобы тот сверху подал ему ружье и при помощи последнего дал ему возможность вскарабкаться на обрыв за своим товарищем. А в это время турки, рассеянные за кустами, осыпали наших градом пуль. Весь лес был покрыт густым ружейным дымом, когда русские по трупам своих товарищей поднимались на горы. Наконец к 9 часам утра левый фланг русских взобрался на высоты и занял неприятельский лагерь. Турки оставили на месте свои орудия и бежали в страшном беспорядке. Между тем правый фланг русских к 12 часам успел занять высоты, господствовавшие над Систовой, и прогнать турок. Бежавшие турки по пути начали резать несчастных болгар. Русские преследовали турок на далекое пространство. К вечеру наши войска вступили в Систово. Батарея в городе, которая так сильно повредила нам во время переправы, была сбита гораздо раньше. Против нее с нашей стороны на острове была выставлена батарея из 7 орудий. К 5 часам утра неприятельская батарея начала уже стихать. Выстрелы из нее стали слышаться реже; а когда мы прибыли сюда около 11 часов,

мы слышали еще 3 или 4 выстрела. Затем после удачного выстрела с нашей стороны на месте неприятельской батарее поднялся клубами кверху дым, и канонада с турецкой стороны окончательно замолкла. Отступивший неприятель дал сигналы по всему берегу о своем поражении. Русские вследствие этого ожидали, в случае прибытия к туркам подкрепления, нового нападения со стороны последних или прибытия мониторов. Действительно, на следующее утро из Рущука прибыл сюда турецкий монитор. Против него сейчас же расположена была батарея и направлена миноносная лодка. Увидав последнюю, монитор почувствовал себя слабым, быстро повернулся и ушел обратно на всех парах. Систово русские заняли без выстрела, так как перед занятием города все турки бежали из него, захвативши с собой все ценное из имущества. Для русских они оставили только много вина и табаку. Болгары встретили русских весьма радушно, с хлебом-солью. Все они в отличие от турок нашли на своих рукавах белые кресты. Русским войскам было строго запрещено проникать в болгарские дома, и действительно, благодаря дисциплине наших войск, собственность болгар осталась в полной безопасности.

Все наши потери во время этого дня до сих пор не могут быть приведены в известность. До настоящего времени через все наши перевязочные пункты прошло 436 раненых; убитых можно полагать приблизительно около 300. Потери со стороны турок определить невозможно; но, как передают пленные турки, они должны быть громадны и ни в каком случае не меньше русских. С нашей стороны особенно пострадали и отличились вольнский и минский полки и гвардейцы. Из числа всех 120 действовавших гвардейцев потеряно 36 человек убитыми и ранеными. Эти гвардейцы, как сказано, переправились с 3 эшелонами и участвовали в самом горячем деле. Об их действиях отзываются с большой похвалой и армейцы. Но, как передают офицеры, гвардейская форма была не совсем знакома для нашей армии. Так, рассказывают, однажды наши приняли гвардейцев за неприятеля и нацелили на них ружьями. Тогда произошла трогательная сцена: все гвардия перекрестилась перед своими, командующие офицеры начали махать платками, так что у русских, принявших гвардейцев за своих врагов, невольно опустились ружья. До чего доходило остервенение во время жаркого боя с обеих сторон, могут указать следующие факты. Около 50 турок спрятались от наших штыков в один дом и заперлись там. Русские требовали их сдачи; но турки наотрез отказались, тогда наши подожгли дом и все находившиеся в доме турки погибли в огне. Они предпочли сожжение русскому плену. Сами турки приходили по нескольку раз, чтобы добывать раненых русских, вследствие чего на трупах наших встречаются по десяти ран и более. В нашем госпитале в настоящее время лежит один раненый солдат Александр Рак минского полка, 2 стрелковой роты, который рассказывает, что после ранения ему долгое время приходилось лежать под трупами своих товарищей. Он видел, как турки дважды приходили к ним, обирали наших раненых и докалывали их штыками. Сам он вместе с тремя своими товарищами спаслись тем, что притворились мертвыми. Было много случаев, что раненый турок просит русского о помощи, и когда русский к нему подходит для помощи, турок выхватывает кинжал из ножен и закалывает русского на месте. Таким образом, один из раненых турок убил на нашем перевязочном пункте фельдшера, подошедшего к нему для перевязки.

В храбрости туркам отказать никак нельзя. Вообще они дрались очень хорошо, как отзываются сами русские раненые и наши офицеры, и только благодаря бессмысленной тактике своих командующих и отчаянной стойкости наших, они

весьма скоро уступили свои неприступные позиции русским. Рассказывают случай, доказывающий невероятное бесстрашие турок. К вечеру, когда все турецкие позиции были взяты и берег очищен от неприятеля на большое пространство, несколько сотен русских расположились для отдыха на пригорке в лесу. Вдруг раздается выстрел, затем другой и третий. Оказалось, что это один турок осмелился напасть на целый лагерь наших войск. Услышавши выстрелы, наши всполошились и быстро рассеялись со штыками по всему лесу; но все усилия поймать храбреца были напрасны.

Все турки обмундированы и вооружены превосходно. У них находили отличные английские ружья снайдеровской системы и иногда по 200 патронов. Вообще все, что говорили и писали о турецкой армии, наполненной оборванцами, можно считать чистой ложью. В настоящее время турецкий берег занят нашими на протяжении более 20 верст. Турки ушли далеко; но, говорят, из Рущука и Никополя сюда собираются турецкие войска.

PS. Об устройстве здешних госпиталей и вообще о медицинской помощи во время сражения напишу вам в следующем письме. САНИТАР.

04.07.1877. №65. ИЗВЕСТИЯ С ТЕАТРА ВОИНЫ.

1. РУССКИЕ:

Зимница, 21-го июня. (Корреспонденция «Северного Вестника»). Вся организация медицинской помощи во время сражения под Систовом состояла из одного дивизионного лазарета на 200 больных, находящегося в Зимнице, перевязочного пункта и госпиталя (Рыжова), который временно исполнял роль перевязочного же пункта. Но собственно здесь в Зимнице предполагалось оставлять только наиболее тяжело раненых, которые не могли бы вынести никакой перевозки; всех же остальных решено было немедленно транспортировать в постоянные военные госпитали и преимущественно в Пиатринский госпиталь, находящийся в 24 верстах отсюда. Этот последний занимает одно громадное здание, два сарая и 20 киргизских кибиток; он в состоянии вмещать 600 больных и в настоящее время находится под ведением хирурга (профессора дерптского университета) Бергмана⁴⁴. Этот госпиталь устроен, можно сказать, во всех отношениях образцовым образом; но более всего обращают на себя внимание киргизские кибитки, рекомендованные доктором Приселковым для военно-передвижных госпиталей, которым по всей вероятности суждено играть, как нынче, так и впоследствии, видную роль в устройстве военно-медицинской помощи. Каждая киргизская юрта состоит из складной решетки, со спицами толщиной в палец, которая может быть легко разложена и поставлена на землю в форме круга, оставляя свободное место для дверей. Эта решетка составляет стены юрты и укрепляется тремя шестами. На решетку ставится в форме свода съемная круглая крыша (составленная из отдельных спиц), в центре которой находится окно, так что спицы крыши с одной стороны упираются в решетчатую стену, а с другой – в деревянное кольцо,

⁴⁴ Бергман Эрнст (1836 г., Курляндия – ?) знаменитый хирург и клиницист. Изучал медицину в Дерпте, Вене, Берлине. В 1860 г. был назначен в Юрьеве ассистентом хирургической клиники и вскоре защитил докторскую диссертацию. Во время германской войны 1866 г. заведовал лазаретом в Кенигингофе в Богемии, в Мангейме и Карлсруэ. С 1871 г. – профессор кафедры хирургии Дерптского университета. В 1877 г. был консультантом русской армии на Дунае. После войны работал в Вюрцбурге, а с 1882 г. – профессор хирургии Берлинского университета. С открытием вакансии в ИВМА Конференция академии единогласным решением предложила занять кафедру хирургии, но он отказался. (Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, М., 1992 – Т.2. – с. 115.)

образующее окно для вентиляции. Затем все это обтягивается войлоком; окно же сверху юрты покрывается особым куском войлока, который для открытия окна легко может быть откинут при помощи веревки. Кругом юрты вырывается канава для стока дождевой воды. Такая юрта может вместить от 6 до 8 больных. Она удобна во-первых тем, что может быть всегда хорошо вентилируема: войлок, обтягивающий стены, можно не спускать до земли, и тогда чистый воздух будет свободно проходить через юрту в достаточном количестве; во-вторых тем, что легко снимается и расстается; при хорошем навыке такую юрту можно расставить в полчаса, а сложить в несколько минут; в-третьих, к удобствам юрты принадлежит ее дешевизна: на месте она стоит 100 руб., с пересылкой от Оренбурга сюда 145 руб.; между тем как обыкновенная госпитальная палатка стоит не менее 350 руб. без пересылки. Наконец киргизскую палатку легко применить и к холодному времени года, если в середине ее поставить печку для отопления, чего с обыкновенной палаткой никак сделать нельзя. К неудобствам юрты относятся: во-первых, большая тяжесть ее в сравнении с палаткой (каждая юрта весит 26 пудов); во-вторых, отсутствие пола, что при закупорке юрты в холодное время года должно затруднять вентиляцию. Из этих неудобств второе, во всяком случае, легко устранимо, если настлат в юрте дощатый пол не менее как на четверть высотой от земли. Но неизвестно еще, насколько эти юрты будут удобны для заразительных форм болезней. Дело в том, что войлок способен впитывать в себя миазмы, а поэтому, в случае заразительной формы болезни, может заражать массы других больных. Может быть, это обстоятельство удастся устранить выщелачиванием и выпариванием войлока. Во всяком случае, из войлока легче изгнать заразу, чем из дерева, что дает большое преимущество юрте перед бараками. Все эти вопросы, касающиеся удобств и неудобств юрты, должны получить практическое разрешение при первом опыте в настоящую войну. Сколько мне известно, таких юрт привезено уже на место кампании 50, и 26 юрт находятся в дороге; но в случае оправдания возлагаемых на них надежд, их может быть привезено сколько угодно.

Кроме Пиатринского госпиталя, из таких же юрт устраивается передвижной госпиталь, назначенный для действия в Болгарии. Эти юрты у нас уже применялись в хивинскую кампанию, где в пустынных местностях они оказались незаменимыми; но из европейских войн они в первый раз здесь получают свое применение. Я думаю, что киргизские юрты составляют одно из удачнейших средств для устройства военных передвижных лазаретов.

Когда мы приехали сюда, в день самой переправы, в 11 часов утра, здешний дивизионный лазарет уже был переполнен ранеными и уже не было места для помещения больных; мы должны были поторопиться устройством своего госпиталя. Наскоро раскинув свою палатку на дворе одного из болгарских домов и вынув необходимые вещи и средства для лечения, мы отправились для получения раненых на перевязочный пункт, который был расположен на острове против Зимницы. На пути нам привелось видеть и самую переправу. Русские солдаты перед переправой сменяют свое платье на чистое и садятся в лодку с крестным знаменем. В это время начинает бить барабан, а громкая музыка веселого марша заглушает звуки убийственной канонады, и несколько десятков лодок разом отчаливают от берега. Впрочем, в то время, когда мы проезжали, переправа не представляла уже много опасностей, так как турки были отбиты от берега, и бомбардировка начала затихать. Перевязочный пункт расположен невдалеке от переправы под прикрытием леса. Говорили, что его пришлось передвигать

с места на место, так как турки несколько раз пытались обстреливать Красный Крест, так что все перевязки делались под перекрестным огнем. Наконец, принуждены были снять флаг с красным крестом и перенести пункт в лес. Из персонала на перевязочном пункте были убиты осколком гранаты один фельдшер и несколько санитарных служителей.

Мы застали нескольких врачей, которые усердно накладывали перевязки раненым и вынимали пули. Больных сюда приносили санитарные роты с того берега на носилках. Собственно говоря, в то время перевязочный пункт уже был перенесен на турецкий берег, а здесь осталось только несколько врачей, чтобы перевязать и отправить последних больных. Мы уложили этих больных в свои фуры и отправили их в свой госпиталь. Наш госпиталь расположен невдалеке от берега Дуная, в саду одного из болгарских домов. В нашем обладании находятся один небольшой домик в четыре комнаты, одна палатка для больных и две небольшие палатки для персонала. Это, правда, еще не все помещение, которым мы можем располагать, так как на днях ожидаем прибытия еще палатки из Бухарешта. Всех больных в нашем госпитале в первое время находилось 19, не считая амбулаторных, из них в настоящее время осталось только 9, остальные все увезены. Из оставшихся трое ранены в руку с переломами и раздроблением костей, четверо в ногу, из которых трое с раздроблением бедренной кости, 1 в грудь и 1 в спину. Все раненые чувствуют себя хорошо и вид имеют бодрый, несмотря на то, что все повреждения принадлежат к числу тяжелых. Один из раненых, пластун Ларион Сухоносков, у которого пуля прошла около позвоночного столба и вероятно повредила последний, так как у него вся нижняя часть тела парализована, переносит свои ужасные страдания замечательно стойко. Он по временам смущается только тем, что не в состоянии управлять своими ногами; он не может дожидаться, когда он выздоровеет, чтобы снова отправиться в сражение, и весьма сожалеет о том, что к тому времени его полк уйдет уже далеко, так что, может быть, ему не придется встретиться в бою со своими товарищами. Вчера утром к нам привезли еще одного раненого героя Лопатина, из флотского гвардейского экипажа. Несчастный пролежал в продолжение 5 суток без всякой медицинской помощи и без всякой пищи. Его нашли случайно только 20 июня на одном из островов Дуная, в расстоянии трех верст отсюда, и привезли в лазарет 9 дивизии, откуда он был доставлен к нам. По его рассказу, он был ранен в левую руку во время самой переправы, когда греб веслами. В то же самое время и все находящиеся в понтоне были перебиты турками с берега, а сам понтон пошел ко дну. Из всех бывших в понтоне 50 человек спаслись только трое (остальные все погибли), в числе которых и наш Лопатин. Двое из раненых поплыли в направлении к нашему берегу и потом потерялись из виду, а сам Лопатин ухватился за весло и начал сбрасывать с себя верхнее платье; но в это время был ранен в другую руку, после чего не мог уже сопротивляться течению. Его принесло водой на остров, где он и находился все пять дней в ужасном состоянии. Все ночи по случаю холода он не мог спать и проводил их, сидя в воде, чтоб хоть сколько-нибудь омыть свои грязные раны, так как в них уже завелись черви; днем он немного засыпал. Все время он оставался голодным, так как пищи ему неоткуда было достать, и только может быть избыток воды спас его от голодной смерти. На него случайно наткнулись проходившие товарищи, которых он узнал и окликнул. Теперь положение его хотя и весьма опасно, но есть некоторая надежда на выздоровление. Оставаясь пять дней без пищи, он очень ослабел и исхудал, раны без медицинской помощи приняли дурной вид и началась сильная лихорадка. Вчера великий князь

Алексей Александрович⁴⁵, посетивший наш госпиталь, собственноручно надел ему георгиевский крест; это так ободрило Лопатина, что он выразил надежду еще бить турок после своего выздоровления.

Наш госпиталь несколько раз посещал Государь Император⁴⁶. Его Величество подходил к каждому больному, заботливо расспрашивал больных о здоровье, утешал и благодарил их.

Здесь военный госпиталь расположен в центре города на площади и состоит из десяти палаток, из которых каждая в состоянии вмещать до 20 раненых и более. Через этот госпиталь в первые дни прошло не менее 400 раненых. Когда я зашел туда в первый день, то застал там кипучую деятельность. Масса раненых лежала на носилках; несколько врачей, под руководством профессора Корженевского⁴⁷, были заняты перевязкой больных и выниманием пуль; сестры милосердия помогали врачам при перевязках, укладывали больных в постели, приносили им пить и пр.; сам профессор оперировал. Дух раненых и здесь также бодр, как и везде; стона нигде не слышно. Раны большею частью все тяжелые. Замечательно, что оказалось весьма мало больных с одной пулевой раной; почти все имеют по две, по три, по четыре и даже по девяти ран – доказательство, что наши солдаты дрались весьма упорно и не оставляли строя после получения первых ран. Вообще наши солдаты даже не понимают опасности огнестрельных ран, и достаточно раненому вынуть пулю, чтоб он считал себя совершенно здоровым. Так, один из раненых, которому доктор только что вынул пулю из мягких частей плеча, стал умолять меня, чтоб его сейчас же выписали из госпиталя и отправили обратно в полк. Весьма много ран в голову, в грудь и в верхние конечности. Большинство больных уже было перевезено в Пиатринский госпиталь, но сегодня еще приведено 30 больных, преимущественно с горячечными формами болезней, которых должны увезти сегодня же.

Подводя итог всей военно-медицинской помощи во время сражения под Систовом 15 июня, надо сказать, что она была организована в возможно лучшем виде и в достаточном количестве. Действовавшие перевязочные пункты и госпитали успели перевязать и оперировать почти всех раненых в первый же день, а те раненые, которые могли вынести перевозку, были немедленно отправляемы в постоянные госпитали. На другой и на третий день перевязывали только тех больных, которые не могли быть найдены в первый день на поле сражения.

САНИТАР.

⁴⁵ Алексей Александрович (1850-1908) – великий князь, четвертый сын имп. Александра II и имп. Марии Александровны. В июне 1877 г. произведен в контр-адмиралы с зачислением в Свиту Е.И.В. Участник Русско-Турецкой войны 1877-78 гг.: состоял начальником всех морских команд на Дунае; за успешную проводку понтонных мостов их Никополя в Систово мимо неприятельских позиций и охрану переправы русских войск награжден золотой саблей с надписью «За храбрость» и орденом Св. Георгия 4-ой степени.

⁴⁶ Александр II Николаевич (1818-1881) – император Всероссийский с 19.02.1855г.

⁴⁷ Корженевский Ипполит Осипович (1827-1879) – действительный статский советник (1878), доктор медицины (1853), профессор хирургической клиники императорской Медико-хирургической академии (1871). После окончания МХА в 1850 г. работал в Варшаве, в 1853 г. защитил докторскую диссертацию «Анатомия человеческого тела». Был врачом при канцелярии наместника царства Польского. До 1871 г. работал в Варшавском университете, затем на кафедре хирургической патологии и терапии в СПб. МХА. Участник Русско-Турецкой войны (1877-1878 гг.) – помощник Н.И. Пирогова, начальник медицинской части Рушукского отряда.

06.07.1877 №67. ИЗВЕСТИЯ С ТЕАТРА ВОЙНЫ

1. РУССКИЕ:

Зимница, 23 июня. (Корреспонденция «Северного вестника»). Дня три тому назад здесь поставлен понтонный мост на ту сторону Дуная. Он переброшен через три острова, которые недавно показались против нашего города из воды, вследствие быстрого понижения уровня в Дунае, и в сложности имеет протяжения до трех верст. В настоящее время днем и ночью по мосту тянутся непрерывно бесконечными вереницами наши войска и полковые обозы, так что до сих пор сообщение с Систовым для частных лиц невозможно иначе, как при помощи лодок. Недавно я имел возможность посетить тот берег Дуная и Систово и воочию убедиться, что наши войска 15 июня сделали поистине один из невероятных в мире воинских подвигов. Можно с уверенностью сказать, что только впоследствии будут в состоянии оценить эту славную переправу. Недаром, говорят, Абдул-Керим-паша⁴⁸ смеясь выражался, что скорее у него на ладони вырастут волосы, чем русские перейдут Дунай у Систова, а когда турецкому главнокомандующему принесли известие о взятии нашими войсками Систова, он, говорят, пришел в такую ярость, что убил двух своих ординарцев. Весь турецкий берег Дуная, на всем протяжении против Зимницы, представляет отвесный обрыв. В этих местах наши войска по преимуществу и всходили на крутизну; но так как простыми лодками, при громадном их скоплении во время переправы, нельзя было хорошо управлять, то нашим солдатам приходилось слезать на берег там, где пришлось случайно высадиться. До сих пор на песке, по отвесным обрывам, остались, на удивление всех любопытствующих, следы наших солдат. Каким образом влезали они на эти стены, одному Богу известно; говорят, что в таких местах наши солдаты поднимали друг друга на веревках. Овладеть этим берегом было, несомненно, самым трудным и рискованным делом, так как турки с высот обрыва могли свободно стрелять в подъезжавшие понтоны и в высаживавшихся солдат почти в упор. Но, во всяком случае, после занятия берега оставалось еще немало дела при взятии турецких позиций, которые были укреплены природою наилучшим образом. Вся местность влево от места переправы, в направлении к неприятельскому лагерю, поднимается высокими, конусообразными холмами, покрытыми лесом и кустарником, в которых скрывались турки. Самый лагерь расположен на высоте 400 футов над Дунаем, и численность его определяют не менее, как в шесть таборов (около 5 000 человек). Между тем, вправо от места переправы, в направлении к Систову, наши должны были занять еще высоты, господствующие над городом, которые находятся приблизительно на такой же высоте, если не больше, как и неприятельский лагерь, и по своей крутизне еще более недоступны. Поистине надо удивляться, каким путем в продолжении нескольких часов нашим войскам удалось овладеть всей этой местностью. Здесь в главном штабе немало интересовались вопросом, почему, во время взятия нашими Систова, турки ниоткуда не получили подкрепления; но потом это более или менее объяснилось. Говорят, что отправленное сюда в день переправы подкрепление из Никополя, состоявшее из всех трех родов оружия, встретило на пути 75 подвод с турецкими ранеными, которые передали турецким войскам о своих потерях и о взятии русскими всех позиций. Это известие так напугало вспомогательный турецкий отряд, что он тотчас повернул обратно.

⁴⁸ Абдул-Керим-паша (1807-1885) – турецкий генерал, учился в Вене, был военным министром и много сделал для реорганизации турецкой армии. В 1877 г. командовал дунайской армией. Был признан недостаточно решительным в руководстве войсками, отозван с поля военных действий и сослан султаном на о. Лемнос, затем Родос. Умер в феврале 1885 г. в Метели (Лесбос).

Город Систово довольно большой; в нем считали до 20 тысяч жителей, но в настоящее время, с выселением турок, в нем можно считать не более половины прежнего числа жителей. Он построен по типу всех восточных городов, с кривыми и узкими улицами, расположенными в гористой местности, по-видимому, без всякой планировки. Дома большею частью на улице обращены глухими стенами, так что вы проходите по улице, как будто между двумя каменными стенами. Случается, что дом выдвигается на улицу своим углом и заграждает проезд. В настоящее время турецкий город имеет тем более мрачный вид, что турецкие дома представляют картину страшного разрушения. Стекла выбиты, двери разломаны; около них по улице разбросана масса различной рухляди, которая, очевидно, не понадобилась не только своим хозяевам, но и тем лицам, которые не прочь в таких случаях воспользоваться чужою собственностью. Я захожу в несколько турецких домов. В них все разбросано в страшном беспорядке, впрочем, кроме бесценной домашней утвари и старой одежды почти ничего не встречается. По полу валяются листки турецких молитв, напечатанных на особых длинных бумажках, и книжки Корана, как последнее воспоминание о господстве ислама; говорят, турки при оставлении города успели забрать почти все свои ценные вещи; все оставшееся досталось болгарам, которые теперь хозяйничают в турецких домах лучше, чем в своих собственных, когда здесь еще были турки.

Батарей в Систове, которая так упорно держалась против наших орудий, расположена на пригорке и имеет пять амбразур, из которых только две позволяли стрелять на переправу. Говорят, этой батареей во время сражения управлял английский офицер, чем и можно объяснить меткость стрельбы из орудий, не свойственную турецким артиллеристам. Вся местность около батарей изрыта русскими гранатами; последние сыпались, как видно, около самих орудий, но, по мягкости грунта, не могли разрываться. Болгары рассказывают, что последний удачный с нашей стороны выстрел попал в самое жерло пушки и заклепал ее; затем вскоре другая граната разорвалась около самого орудия и убила четыре человека прислуги.

В Систове теперь уже введено болгарское самоуправление под верховной властью русских. Болгары имеют свой муниципалитет (замещающий нашу думу), в распоряжении которого находится все хозяйство города; роль судейской власти исполняет трибунал или совет, состоящий из нескольких судей, и, наконец, административный совет, нечто вроде нашего губернского правления, в обязанности которого входит управление целым уездом. Со стороны русской военной власти в городе находится комендант.

В настоящее время в Систове не осталось ни одного турка. Все они бежали в первый же день переправы русских войск, еще до вступления последних в город; турок не только нет в Систове, но и во всей окружающей местности. Я уже сообщал вам, что турки, оставляя свои жилища, вспомнили свои прошлогодние зверства и начали снова резать болгар. Сегодня в наш госпиталь принесли две несчастные жертвы турецкой злобы. Один болгарин, человек лет 50, с здоровым телосложением, житель деревни Дяков, находящейся в расстоянии трех часов пути отсюда. Жена его рассказывает, что когда черкесы, жившие в деревне, услышали о переходе русских через Дунай, они тотчас поспешно забрали свое имущество и, вместе со своими семьями, переселились внутрь страны; затем, 21 числа, снова явились в свою деревню и начали грабить жителей. Последние в ужасе разбежались по лесам. На ее дом накинута десять черкесов. Они прежде схватили ее и начали сильно бить, требуя от нее денег; затем набросились на ее

мужа, отняли у него 500 лир – все состояние, какое они имели – и нанесли ему раны в голову, в спину и в руки сабельными ударами. Когда болгарина принесли к нам, он уже был в бессознательном состоянии. Череп его оказался пробитым в трех местах вплоть до самого мозга. Два часа спустя, болгарин умер в нашем госпитале. Несчастливая жена его осталась теперь с тремя сыновьями (старшему 20 лет, среднему 14 и младшему 10 лет), без куска хлеба и без копейки денег. С горя она все три дня ничего не ела и у нас отказалась от пищи, которую ей предложили. У гроба своего мужа, на паперти здешней болгарской церкви, она теперь всю ночь оплакивает свою участь. Другая жертва черкесского варварства – молодой болгарин, Атанас Ангелов, житель деревни Лужицы, в 25 верстах отсюда, по дороге к Никополю. В воскресенье, 20 числа, он пас волов в поле. Явились три черкеса, отняли у него волов и сделали по нем два ружейных выстрела. Одна пуля прошла в живот и остановилась сзади под кожей; она была вынута нами тотчас по прибытии его в наш госпиталь; другая пуля ударила в спину и повредила позвоночный столб, вследствие чего парализовалась вся нижняя половина туловища. Надежд на выздоровление никаких. Этот последний оставит после себя молодую жену. Сегодня Государь Император со всем двором посетил этих болгар. Между прочим, подошедши к умершему Нистурову (он скончался за несколько минут до прибытия Государя), Его Величество обратился к английскому агенту со словами: «Вот что делают ваши друзья; je vous prie d'admirer». Английский агент хладнокровно взглянул на обезображенный труп, но он, должно быть, не был вполне убежден, что турки способны на такие зверства, так как, после ухода Государя, он спросил окружающих: есть ли свидетели, что это дело черкесов? Ему сказали, что это видели наши офицеры. Тогда представитель Великобритании с обычною важностью отвернулся и совершенно спокойно начал разговор с одним из придворных о посторонних предметах.

Сегодня же мы имели возможность видеть 36 военнопленных турок – 20 черкесов и башибузуков, остальные из низама. Некоторые башибузуки действительно имеют замечательно зверские физиономии, между ними встречаются старики лет под 60, но все они без исключения страшно оборваны. У многих из них, кроме изодранной рубахи и штанов в лохмотьях, ничего другого нет; у одного прямо на голое тело накинута русская солдатская полукафта, безобразно подпоясанный грязным широким кушаком; голова повязана чалмой. Между тем низам одет более или менее прилично. На каждом короткая синяя куртка и такого же цвета шаровары; на ногах легкие кожаные ботинки, а на голове красная феска с синей кисточкой. Государь со многими из пленных лично разговаривал через переводчика, спрашивал о их службе и о их состоянии. Оказалось, что они уже 23 месяца не получали жалованья и все время жили впроголодь, большею частью питаются фуражировками и мародерством. Здешним положение военнопленных они очень довольны, так как они сыты и встретили со стороны русских очень мягкое обращение. В конце концов, Государь пожелал им всем здоровья, на что турки ответили, что они теперь отдают свою судьбу в руки императора и желали бы чем-нибудь послужить ему в России, а теперь молят Бога о даровании победы нашему Государю над врагами.

Здесь известно, что нашими казаками уже занято Тырново; говорят, турки оставили всю местность отсюда до Балкан, но уже успели перерезать до 300 болгар. Главная квартира переносится отсюда.

САНИТАР.

СЕВЕРНЫЙ ВЕСТНИК 5

26.09.1877 № 148. ИЗВЕСТИЯ С ТЕАТРА ВОИНЫ

1. РУССКИЕ.

С. Горный Студень, 7-го сентября. (Корреспонденция «Северного Вестника»). В прошлом письме я обещал вам написать о раненых под Плевной и о деятельности врачей во время штурма. Сегодня постараюсь исполнить мое обещание. Прежде всего, надо вам сказать, что в деле под Плевной, благодаря особой распорядительности военно-медицинской инспекции, участвовали почти все лучшие силы медицинской помощи, имеющиеся на театре войны. Кроме пяти дивизионных лазаретов (2-й, 5-й, 16-й, 30-й и 31-й дивизий), составлявших перевязочные пункты, под Плевну были приглашены многие из профессоров, между которыми я могу перечислить: проф. Бергмана из Дерпта, проф. Грубе из Харькова⁴⁹, проф. Левшина из Казани⁵⁰, проф. Корженевского и Пелехина⁵¹ из Петербурга. При некоторых из профессоров, кроме того, состоял особый врачебный персонал из врачей, студентов и сестер милосердия. Затем несколько врачей было специально послано из военно-медицинского управления. Под Плевной также участвовала помощь от Красного Креста, в числе нескольких врачей, не менее 10 студентов и около 20 сестер милосердия. Это еще не весь персонал. Не сочтены еще врачи и фельдшера, состоящие при полках. Весь этот громадный состав медицинского персонала был распределен перед началом сражения по означенным дивизионным лазаретам, которые были размещены по пунктам, наивозможно ближайшим к своим частям войск. Это организация медицинской помощи составила целую систему перевязочных пунктов, которые своевременно все были готовы к приему раненых. С перевязочных пунктов раненые должны были транспортироваться в ближайший военно-временной госпиталь, в Булгарени, для заведывания которым приглашен был проф. Склифосовский⁵². Несмотря на эти капитальные приготовления к помощи раненым, не оставляющие желать ничего лучшего, как вы увидите ниже, врачебных сил оказалось не вполне достаточно в виду того количества раненых, какое нас ожидало под Плевной – обстоятельство неустранимое на войне, где никакой расчет не может быть верным.

⁴⁹ Грубе Вильгельм Федорович (1827-1898) – прекрасный хирург и опытный практик. Окончил Дерптский университет и в 1850 г. и до 1859 г. был морским врачом в Кронштадте, с 1859 г. – избран ординарным профессором по кафедре хирургии в Харькове. Основная работа «О современном клиническом преподавании хирургии» и др. (Большая энциклопедия под редакцией С.Н. Юшакова, СПб., 1903, Т.7.- с. 640)

⁵⁰ Левшин Лев Львович (1842-1911) – хирург. Окончил ИВМА в 1866 г. и был ассистентом у профессора Китера. В 1870 г. защитил докторскую диссертацию. С 1874 г. – профессор кафедры общей хирургии в Казани. В 1877-1878 гг. на фронте русско-турецкой войны. С 1893 г. – профессор госпитальной клиники в Москве, где им был основан раковый институт, директором которого он был до момента кончины в 1911 г. Из научно-практических работ следует отметить введение антисептики еще в 70-х годах 19 в. Был соредактором журнала «Русская хирургия».

⁵¹ Пелехин Павел Петрович (1842-1917). Окончил МХА в 1863 г. с золотой медалью и именной премией академика И.Ф. Буша. В 1965 г. защитил докторскую диссертацию. С 1868 г. – по 1889 гг. – профессор кафедры хирургической патологии и терапии ИВМА. С июля по ноябрь 1877 г. принимал активное участие в оказании хирургической помощи раненым на театре русско-турецкой войны. Во многом благодаря усилиям П.П. Пелехина антисептика получила широкое распространение в России раньше, чем во Франции и Германии и даже на родине Джозефа Листера – в Англии. // Профессора Военно-медицинской (медико-хирургической) академии, СПб., 1998, с. 157.

⁵² Склифосовский Николай Васильевич (1836-1904) – российский хирург. Труды по хирургии брюшной полости и военно-полевой хирургии. Способствовал внедрению в хирургию принципов асептики и антисептики.

Я по преимуществу займусь своим перевязочным пунктом. Мы, т.е. весь наш санитарный отряд, состоящий из одного врача и семи студентов, был прикомандирован к лазарету 16-й дивизии. Здесь же находился и проф. Бергман, с тремя врачами, одной студенткой и одиннадцатью сестрами милосердия. В самом дивизионном лазарете находилось 5 врачей, несколько фельдшеров и санитаров. Врачебных сил было достаточно много, перевязочный запас также громадный. Сначала наш дивизионный лазарет расположился в трех верстах от Тученицы, где принимал раненых в период бомбардировки. Хотя первые раненые были все по преимуществу гранатными повреждениями, но они прибывали на перевязочный пункт в небольшом количестве, так что с ними было легко справиться. Всех раненых в период с 25 по 29 августа прошло через наш перевязочный пункт не более 200. После занятия радищевских высот наш перевязочный пункт передвинулся к самой деревне Тученице и расположился саженях в ста от нее. Ко дню штурма все в нашем лазарете было уже приготовлено для принятия большого количества раненых, т.е. выставлены на вид все перевязочные средства, чтоб иметь их всегда под рукой, а не бегать за ними, и вперед были распределены занятия для всех лиц, чтоб не было во время дела путаницы и сованья. Оставалось только ждать трех часов, когда предназначалась общая атака. С утра все заслушались сильнейшей канонады, которая подобно гигантскому молоту, стучащему по наковальне, заставляла содрогаться при каждом ударе, пока вдруг с 11-ти часов, вместо назначенных трех, началась страшная ружейная перестрелка. Залпы слышались настолько часто, что, кажется, сливались между собою и производили такую трескотню, что никакие нервы в мире не были бы в состоянии переносить ее спокойно. Не успели мы опомниться, как к нам уже начали прибывать фуры с ранеными, одна за другой. Все быстро поднялись на работу в должном порядке. Но затем еще и транспорты с ранеными, которые подвозились непрерывно. К вечеру уже собралось на нашем перевязочном пункте около 2 тыс. раненых. Сначала руки было опуститься, но затем все энергически принялись за работу. Прежде всего, надо было дать раненым помещение. День был, к несчастью, сырой, дождливый; кругом наших палаток грязь стояла непролазная. В палатки, разумеется, немислимо было поместить всех раненых, а под дождем оставлять – и того менее. Мы и то принуждены были напихать в палатки постольку больных, поскольку в другое время ни в каком случае невозможно было поместить. В нашем распоряжении существовало только 5 дивизионных палаток и 2 рыжовских, всего, стало быть 7, которые все вместе могли вместить в обыкновенное время не более 200 раненых, считая по 25-30 человек на палатку; а тут поневоле пришлось поместить около 100 человек на палатку. Больные должны были лежать в свалку; не оставалось свободного пространства не только для прохода слуги врачей к раненым, но, можно сказать в буквальном смысле, яблока некуда было уронить – и все-таки эти раненые были в счастливейшем положении, чем те, которым не было места в палатке. Для последних пришлось утилизировать все, что возможно. Стоящие фургоны и телеги, на которых были привезены раненые, все были набиты битком; из виксатиновых крыш двух рыжовских палаток, которые были расставлены с ординарной холщевой крышей, устроили навес, под которым поместилось более сотни раненых, и все-таки около тысячи раненых должны были оставаться под открытым небом. Все пространство от нашего лазарета вплоть до деревни было устлано ранеными. Для них была положена только солома. Но вы представьте весь ужас положения и врача, которому приходится быть бесполезным в данном случае, и раненых, которым приходится лежать во время холодной ночи

на грязной земле, слегка покрытой соломой, почти без всякого покрова (благо у кого есть шинель или сюртук, а другой оставил на поле сражения последнюю сорочку). А тут еще дождь хлещет чуть не ливнем, вы ходите кругом больных с фонарем, как шальной, шатаясь из стороны в сторону по непролазной грязи и не знаете, что делать. Один скрежещет зубами, другого бьет сильная лихорадка и он с силой стискивает челюсти. Кругом вас стон и крик от голода (многие раненые оказались три дня ничего не евшими), холода и ран. Один кричит: «я ничего не ел, как вышли на позиции, дайте хотя кусочек хлеба», а другой кричит – «оденьте хотя чем-нибудь, я лежу совсем нагим, на мне и сорочки нет»; третий кричит – «выньте пулю, которая меня сильно мучит»; четвертый – «кровь течет», пятый – «питье несите скорее». В одном конце вы слышите просьбу убрать поскорее труп товарища, который только что на глазах всех скончался в страшных мучениях; в другом конце вы слышите молитву к Всевышнему о ниспослании скорейшей смерти, в третьем конце всхлипывания и рыдания. Сердце разрывается на части при виде этой ужасной картины. Подбегаешь к одному, к другому, к третьему, забываешь всякий отдых, делаешь все, что можешь, и все-таки чувствуешь себя бессильным уменьшить страдания несчастных хоть на половину, что приводит человека в крайнее раздражение. Пусть те, кто более всех настаивали на войне и кричали о ней из своих кабинетов, придут сюда и взглянут на эти тысячи несчастных. Которые с замечательной покорностью судьбе, без всякого ропота и упреков кому-либо, переносят адские муки (а многие ли из них понимают, за что они терпят страдают и мучаются!) Пусть послушают они этот стон, разрывающий душу, этот предсмертный лепет и последний вздох, вызывающий слезы на глазах у самого крепкого человека! Неужели у них не содрогнется сердце, не заслезятся глаза при виде умирающего, который просит только не оставить без присмотра, без помощи, его жену и малолетних детей, забывая себя и свою участь! Или вот посмотрите на этого несчастного, у которого обнажилась часть мозгов от удара осколком гранаты в голову: в бессознательном состоянии он поднимает руку к своей голове и выцарапывает свои собственные мозги. Невольно с ужасом отворачиваешься от этой картины.

В то время как раненые с грехом пополам размещались, где было возможно, немедленно приходилось приступать к перевязкам. В этой массе раненых, прежде всего, необходимо ориентироваться: у одних сильное кровотечение – им нужна перевязка безотлагательно; другому необходима немедленная ампутация – его тотчас же на операционный стол; остальные могут пока подождать. Но вы представьте трудности, как ориентироваться среди раненых, так и делать перевязки, когда между больными нет места, чтобы пройти, а приходится шагать через головы их. А тут еще каждый раненый кричит «перевяжите мне, перевяжите мне». Весь день и всю ночь напролет пришлось поработать, не зная ни отдыха, ни сна (не было возможности, что называется, куска хлеба перекусить). Постоянно переходя от одного раненого к другому, ноги до того устали, что положительно отказывались двигаться, руки занятые постоянно перевязками, отказывались работать, а голова в крайнем напряжении – все рисуются ужасные страдания того или иного раненого. А к утру подоспели новые фуры с ранеными. На следующий день пришлось еще около тысячи раненых. Работы, стало быть, увеличилось. Пришлось призвать на помощь все свои силы. К счастью для больных на следующий день выступило солнце и их свободно можно было помещать на открытом воздухе. Всех раненых через наш перевязочный пункт прошло около 3-х тыс. Благодаря неутомимости и усердию всего врачебного персонала, присутствовавшего на

нашем перевязочном пункте, в три дня все раненые были транспортированы в букарештский госпиталь в самом лучшем виде. Все случаи для ампутаций были оперированы; все случаи для гипсования были загипсованы. На всех были наложены лучшие повязки благодаря богатству хорошего перевязочного материала, имевшегося в большом запасе, как у проф. Бергмана, так и у г. Рыжова.

(Окончание завтра).

САНИТАР.

27.09.1877 № 149. ИЗВЕСТИЯ С ТЕАТРА ВОИНЫ

1. РУССКИЕ.

Горный Студень, 8 сентября. (Корреспонденция «Северного Вестника»). 2 числа, совсем освободившись от раненых, мы воспользовались свободным временем, чтобы отправиться осмотреть позиции. Мы начали с нашего правого фланга. Сначала подъехали к одной нашей осадной батарее, расположенной немного левее деревни Гривицы. Здесь все застали в самом спокойном виде. Пять стоящих орудий молчали; некоторые из солдат тут же спали около ложементов, вероятно чувствуя себя в полной безопасности, и действительно турки в последнее время почти перестали отвечать нашим (у них, говорят, недостача в снарядах), да и турецкие пушки не достигают до нашей осадной батареи. С редута, на котором мы стояли, хорошо видны неприятельские позиции. Ближе вправо по долине располагалась деревня Гривица. Тотчас за ней на гребне виден занятый нами 30 августа турецкий редут; дальше за ним остаются еще турецкие редуты и за всем тем расположен в центре всей неприятельской дистанции турецкий укрепленный лагерь, окруженный высоким земляным валом, из амбразур которого высматривают жерла тяжелых орудий; но они давно уже безмолвны. Пять орудий нашей осадной артиллерии, которые в то время тоже молчали, направлены против всех доступных глазу турецких укреплений. Самого города Плевны с батареи не видать. Когда мы въехали на другую нашу осадную батарею, расположенную на радишевских высотах (по счету справа, это будет третья осадная батарея, потому что одну, расположенную между Гривицей и Радишевым, мы пропустили) пред нами расстилалась широкая долина реки Вида, покрытая кукурузой и виноградниками. По ней цепью были расположены наши аванпостные войска. За этой долиной возвышался неприятельский редут (радишевский), за которым расположен там же укрепленный турецкий лагерь; все гривичские позиции оставались далеко вправо. Долина по реке протягивается, до самого города, который отлично виден в особенности во время ясного дня, когда его многочисленные минареты сверкают яркими лучами солнца. Я посмотрел на город глазами крестоносца, имеющего пред собой Иерусалим. Город расположен между горами и очевидно обладает красивейшим местоположением. Для нас была доступна только та часть его, которая выдвигалась из-за гор. Белые каменные здания и две мечети можно было разглядеть с ясностью в подзорную трубу. Затем хорошо виден плес реки, по одну сторону которой стоит гор. Плевна; по другую ее сторону раскинуты холмы и гребни, на которых турки настроили такие же редуты и все пригорки усыпали ложементами, как и здесь, на фронтовых позициях, так что взятие города с тылу доставило бы не менее хлопот, чем с фронта. В то время, когда мы въехали на нашу третью осадную батарею, на ней не было тихо. Наши орудия обстреливали самый город, так как накануне болгары донесли нашим, что в одной из турецких мечетей турки сложили громадный запас пороха.

Все намерения наших заключались в том, чтобы сбить эту мечеть и уничтожить пороховой погреб. Командир батареи по этому случаю обещал два золотых тому наводчику, которому удастся попасть в указанную мечеть. Началась стрельба поочередно из каждого орудия. Снаряды ложились весьма близко от цели, то вправо, то влево, что разжигало сильнее нетерпение наводчиков. Одним снарядом даже удалось произвести пожар вблизи мечети, но пока все усилия наводчиков орудий, страстно желавших получить приз в два золотых, оставались бесплодными. Мы не могли дожидаться конца бомбардировки, так как уже стало смеркаться и нужно было поторопиться домой, но они, наверное, сшибут мечеть, так как уже настолько пристрелялись, что орудия переставлять приходилось на какие-нибудь пол-линии.

Но этой батарее на меня произвело глубокое впечатление еще одно обстоятельство – это вид наших убитых на самом поле сражения. Один артиллерийский офицер навел для меня подзорную трубу на пригорок, по которому во время бывшего сражения проходили наши полки для взятия сильнейшего радишевского редута. Вы знаете, вероятно, что эта неудачная для нас атака радишевского редута стоила всего больше потерь; считают, что здесь убитыми и ранеными вместе мы потеряли более 5 т. человек. Когда я взглянул в подзорную трубу, я увидел картину, которая производила подавляющее впечатление, но такой силы, что его трудно передать словами. Все поле, имеющее форму лобного места, было усеяно трупами наших солдат. Вы ясно различаете даже положение и одежду. Один лежит навзничь с разбросанными в стороны руками, другой – сильно согнувшись, повернулся на бок и в таком виде уснул вечным сном... третий... вы встревожены и изумлены – поднимает кверху правую руку, затем голову, стараясь, как видно, приподняться но, в бессилии снова падает на землю. Это оказывается наш раненый. Их, говорят, между трупами осталось много, но мне не удалось заметить между другими лежащими на поле какого-либо движения: может быть, они уже умерли. Когда видишь эту печальную картину поля сражения, так и рисуется в твоём воображении вся битва от начала до конца. Вот подходят наши полки к неприятельскому редуту, откуда их встречают целыми тучами пуль, а они идут вперед, теряя один ряд за другим и не имея права уже пустить в отместку ни одного выстрела неприятелю. Вот от полка уже осталось не более батальона, вот, наконец, и последняя рота гибнет пред самым редутом, который она считала уже для себя достигнутой целью. На подкрепление первого полка выступает другой. Но, увы! И с ним та же участь... и, наконец, после смерти нескольких тысяч (вы подумайте – нескольких тысяч!!), благоразумие составляет предел этой бесчеловечной бойне, прекращая бесполезную атаку редута. Всю эту картину в живых лицах вы видите здесь на поле сражения, усеянном костями. Не нужно никакого описания, никаких рассказов. Эта печальная картина поля сражения еще долго вероятно будет терзать воображение наблюдателя и передавать ему все ужасы бывшего сражения, так как уборка трупов и раненых до сих пор оказывается невозможной. Несколько раз наши посылали туда своих санитаров, но турки открывали по ним огонь с своего редута, вследствие чего два наших санитаров были убиты, а третий ранен. Наконец наши посылали в турецкий лагерь своего парламентаря с специальной целью выговорить позволение – убрать трупы и раненых – но получили отказ. Никакие убеждения не могли повлиять на турок. Ни указание на заражение воздуха разлагающимися трупами, ни то обстоятельство, что подобная же участь принадлежит одинаково как нашим раненым, так и турецким – не могло склонить турок к человечности.

Их ответ передают в нескольких словах: «пускай трупы сгниют, раненые гибнут». До каких пор еще будут терпеть турок на европейском материке, – неужели чаша еще не переполнилась?

Когда мы уезжали с позиций, начало уже смеркаться, но огонь с наших батарей не утихал; напротив, он начал учащаться. Наконец все наши батареи приняли участие в перестрелке, и турки стали отвечать с своей стороны. – Страшный грохот орудий, повторяемый каждый раз горным эхо, слился в какой-то гул, затем послышалась ружейная трескотня, весьма неприятная по своему звуку, – это, должно быть, наши аванпосты и цепь начали перестрелку с неприятелем. Но было уже темно, останавливаться не было времени, и мы поскорее постарались вернуться в Тученицу – откуда через день мы приехали в Горный Студень.

САНИТАР.

28.09.1877 № 150 ИЗВЕСТИЯ С ТЕАТРА ВОЙНЫ

1. РУССКИЕ.

Горный Студень, 9 сентября. (Корреспонденция «Северного Вестника»). Сегодня мне привелось здесь случайно видеть интересную картинку полевого суда во время процесса. Взвод солдат окружает площадку, посередине которой поставлены два простых стола для суда и для прокурора. Когда я подошел, обвиняли одного солдата магометанина из Симбирской губернии за перебеж на сторону неприятеля во время дела под Ловчей и за передачу туркам имеющихся при нем патронов и оружия. Со взятием нами Ловчи он попался в числе военнопленных и призван на скамью подсудимых. Обвиняемый представлял весьма жалкий вид. Вследствие продолжительной лихорадки он был до того изнурен и обессилен, что не был в состоянии держаться на ногах. После вопросов председателя и обвинительной речи прокурора, которая отличалась особенной строгостью, военный суд ушел для совещания в палату. Через несколько минут судьями был вынесен приговор о наказании смертной казнью через повешение. Приговор должен быть еще утвержден главнокомандующим. Вы не представляйте себе суд при той публике, какая напр., у нас в Петербурге. Такой строгий приговор здесь, по-видимому, ни на кого не произвел сколько-нибудь сильного впечатления.

Наши собственные дела уже приходят к концу. Существование нашего санитарного отряда продолжалось около четырех месяцев, тогда как он рассчитан был всего на три; к тому же весь наш перевязочный материал истрачен в последнем деле под Плевной; все же оставшееся придется раздать по военным госпиталям. Считаю долгом от лица всех участвующих в нашем отряде высказать глубочайшую благодарность представителям здешнего военно-медицинского управления, которые всегда с живейшим участием относились к делам отрядам и много помогли нам в деле распределения помощи раненым, именно там, где в ней больше всего нуждались. Вообще наша частная помощь со стороны всех имеющих отношение к военно-медицинской части была принята с таким сочувствием, что все мы навсегда – остаемся им много обязаны и благодарны.

В заключение, возвращаясь с театра войны на родину, я считаю нужным еще высказать несколько общих впечатлений. К стыду моему я должен сознаться, что никогда не мог думать, чтобы мы были в состоянии привести свою армию в такой блестящий вид, что обратило своевременно внимание всей Европы. Вообще все, что мне ни приводилось здесь видеть, оказалось в лучшем порядке, чем я мог себе представить, живя в Петербурге. Начать с того, что каждый наш солдат при

хорошей обмундировке, снабжен всякой необходимой хозяйственной утварью, так что ему достаточно вырыть где-нибудь в поле печку и он уже становится полным хозяином на новом месте. Относительно продовольственной части также можно сказать, что она устроена более или менее удовлетворительно. Сухари везде я видел отличные, мясо и хлеб солдаты получают в достаточном количестве. Бывают, конечно, и исключения, но я говорю вообще. Затем, что касается другой стороны нашей армии – ее военной выправки и подготовленности – то в этом отношении не остается желать ничего лучшего. Все, разумеется, давно знают о тех подвигах, которые покрыли нашу молодую армию неувядаемой и вечной славой; но мне бы хотелось сказать несколько слов о характере и чертах нашего солдата. В этом отношении нигде так не выставляется душевная сторона боевого человека, как на перевязочном пункте, куда он является тотчас с поля сражения. Прежде всего, я должен обратить ваше внимание на одну приятную черту, которую мне удалось подметить среди наших солдат – это на истинно братские отношения их между собою. В трудные минуты, когда всем приходится быть при страшных невзгодах и когда обыкновенно преобладают эгоистические чувства самосохранения, наши солдаты все дружно переносят посылаемые на них Провидением тягости: никогда между ними вы не увидите ни спору, ни желания обидеть другого в пользу себя. Товарищ у нашего солдата на первом плане; за него он часто идет в самый страшный ружейный огонь и нередко умирает сам, вырывая из рук неприятеля своего собрата. Во всех тех подвигах, которые прославили нашу армию, это чувство глубокой солидарности между собой играло всегда видную роль. Наблюдая в госпиталях, на перевязочном пункте, вы нередко наткнетесь на трогательную картину, когда умирающий в страшных мучениях солдат начинает бредить своим товарищем – «один не выходи... не открывай дороги, пойдем вместе... друг друга поддерживай...» слышите вы агонический лепет. «Ребята дружно сюда... нашего башибузука одолевает...» слышится с другой стороны... Обыкновенно первый вопрос солдата, когда его приносят на перевязочный пункт – это вопрос о своих товарищах, о своем полке: «ей, где-то мой полк, знать далеко уже ушел, мне уж видно не догнать его» – и солдат с оторванной рукой и с параличом нижних конечностей вследствие поранения в позвоночный столб умоляет врача поскорее вылечить ему ноги, чтобы он скорее мог догнать своих товарищей и снова идти с ними на поле сражения. «Да тебе братец без руки-то нельзя будет идти снова в дело», замечает врач. «Ничего, ваше б-дие, мне бы только ноги, а с одной-то рукой я еще справлюсь... не одного турка еще убью». Но вы никогда не можете себе представить той взаимной радости двух солдат-товарищей, когда они, по печальному стечению обстоятельств, встречаются на одном перевязочном пункте: тут они с истинно братской задушевностью передают друг другу различные подробности и эпизодов из своего участия в деле. «А славная брат это штука, ложементы: лежишь себе, только патроны набиваешь, а между тем подступу ему (неприятелю) не даешь», начал рассказывать один солдат своему товарищу, как видно в первый раз испытывавший прелесть ложементов во время дела 19-го числа (под Пелишатом) – «Да брат, славная штука», высказывается другой, побывавший в первый раз в деле; а если такой огонь бывает, так ничего, драться можно». – «Да это что за огонь! Турки, видишь, стрелять не умеют: положит себе ружье на локоть и жарит себе; ну, оно ружье-то хотя и аглицкое, за 2,000 шагов берет, а вреда-то мало приносит. А то бы что! Дай-ка нам такие ружья, у нас бы ни одного турка с места не ушло». И вот в этих суждениях друг с другом наши солдаты забывают свои тяжелые раны, свои страшные мучения.

А вот взгляните на плачущего раненого солдата, сидящего под кустиком на поле боя после сражения. Вы думаете он плачет, жалея себя? Нет! Глубоко ошибаетесь. Он печалится о том, что после получения раны был не в состоянии уже выручить своего товарища, который долго отбивался от трех турок и участь которого ему осталась неизвестной. Раз наткнетесь на такую сцену – и вы навсегда оставите в себе глубочайшее уважение к этим умирающим героям.

САНИТАР.

Из Горного Студеня «Новому времени» телеграфируют, от 25 сентября: «к Сулейману-паше прибыли подкрепления и транспорты хлеба. Сулейман ежедневно бывает на боевых позициях и готовится к новым атакам. Болезни и дезертирства ослабляют его армию. На Шипке выпал снег, но охрана ее обеспечена вполне. Для нашей армии делаются большие приготовления. В губерниях Систовской и Тырновской заготавливаются на зиму 100 000 четв. ржи и пшеницы для войск. Овса заготовлено тоже значительное количество. Запас сена 300 000 пудов, покупаемых у населения. В Габрове, Тырнове и Систове заказано 12 000 полушубков для болгарского ополчения».

«Голосу» пишут оттуда же: «Турки в Добрудже, как и за Балканами, казнят болгар за сочувствие к нам. Так, говорят, было и в Мангалии. Небольшой наш отряд, состоявший из четырех сотен при двух орудиях, под начальством флигель-адъютанта ротмистра Милютина, сына военного министра, был послан в Мангалию с поручением, между прочим, ввести там гражданское управление. Надо заметить, что Мангалия отстоит от Бюкмустафлара, где тогда были расположены наши главные силы, верст на 60, а Базарджик, где стоят турки, находится в 30-ти верстах от Мангалии. Отряд исполнил поручение; но едва он удалился, как явились орды башибузуков, схватили вновь поставленных управителей из болгар, мучили их, истязали, и, в конце концов, сожгли, приговаривая: «вот вам, собаки, русское управление!».

3. CURRICULUM VITAE. 1893 г.
(архив мемориального музея
В.М. Бехтерева, фонд I, ед. хр. 24)

«Владимир Михайлович Бехтерев, ординарный профессор Императорского Казанского Университета, 36 лет, русский, православный, уроженец Вятской губернии. По окончании Вятской гимназии в 1873 году В.М. Бехтерев поступил в бывшую Медико-хирургическую академию (ныне Военно-медицинскую), в которой и окончил курс в 1878 –м году *sum eximia lauda*. За время своего пребывания в Медико-хирургической академии в течение лета 1877 г. В.М. Бехтерев исполнял обязанности врача на поле военных действий в Европейской Турции, участвуя помощью раненым при переправе русских войск через Дунай под г. Систовым и в битвах под Плевною, за что и был осчастливлен личной благодарностью покойного императора Александра II. При выходе из Академии весной 1878 г. В.М. Бехтерев за свои отличные успехи был признан докторантом без экзамена, сверх того награжден премией Иванова и вместе с тем получил право

на оставление при Академии с целью дальнейшего усовершенствования в науках с зачислением в Профессорский институт врачей при Медико-хирургической Академии. Но прежде зачисления в означенный институт В.М. Бехтерев по случаю военного времени состоял в течение 2-х лет во временно организованном при С.-Петербургском клиническом военном госпитале запасе врачей действующей армии. Оставаясь все это время в С.-Петербурге при клиническом военном госпитале, В.М. Бехтерев занимался специально нервными и душевными болезнями в психиатрической клинике, заведываемой проф. И.П. Мержеевским.

Весной 1880 г. В.М. Бехтерев был зачислен в число врачей Профессорского института при Медико-хирургической Академии, в каковом звании он продолжал свои занятия по психиатрии и нервным болезням в вышеозначенной клинике. Весной 1881 года В.М. Бехтерев сдал диссертацию на степень доктора медицины под заглавием: «Опыт клинического исследования температуры тела при некоторых формах душевных заболеваний». Осенью того же года по прочтении двух пробных лекций В.М. Бехтерев был признан конференцией Академии в звании приват-доцента. В начале 1884 г. В.М. Бехтерев был определен врачом клиники душевных и нервных болезней в С.-Петербурге, а весной того же года по баллотировке в конференции Академии В.М. Бехтерев был избран на одну из зарубежных академических вакансий. За границей В.М. Бехтерев частью продолжал свое клиническое образование по психиатрии и нервным болезням в научных центрах Германии и Франции, главным образом, в Берлине, Лейпциге и Париже (у профессора Шарко), частью же заботился пополнить и по возможности расширить свои знания в подготовительных отделах своей специальности, в особенности по анатомии и гистологии нервной системы и по психологии. С этой последней целью В.М. Бехтерев занимался, между прочим, в г. Лейпциге в лаборатории следующих профессоров: по анатомии и гистологии нервной системы у Флексига и Гаузе, в лаборатории профессора Людвига, а затем по экспериментальной психологии в лаборатории профессора Вундта. Летом 1885 г. В.М. Бехтерев был назначен экстраординарным профессором в Казанский Императорский Университет, а весной 1886 г. произведен в ординарные профессора того же Университета. В Казани, благодаря заботам В.М. Бехтерева, была учреждена клиника для душевных больных при Казанской окружной лечебнице, правила которой были утверждены г. министром внутренних дел в декабре 1885 года. С этого времени при Казанском Университете началось правильное преподавание психиатрии, а для большего удобства слушателей – студентов в виду дальности расстояния Окружной лечебницы от Университета, организовано бесплатное для студентов Университета сообщение с выше означенной клиникой. В том же году при Казанском университете В.М. Бехтеревым было положено основание психо – физиологической лаборатории, являющейся в настоящее время важнейшим подспорьем в деле преподавания психиатрии в Казанском Университете.

При означенной лаборатории благодаря заботам В.М. Бехтерева в настоящее время собраны обширные коллекции эмбриологических, анатомических и гистолого-анатомических препаратов из центральной нервной системы. Начиная с 1886 года и до настоящего времени из этой лаборатории вышло уже свыше 35 научных работ в области анатомии и физиологии нервной системы, а также в области экспериментальной психологии, произведенных частью самим В.М. Бехтеревым, частью другими лицами под его непосредственным руководством (см. описание этой лаборатории со списком из нее вышедших работ в *Travaux des Congres international a Moscou, 1892*).

В.М. Бехтеревым устроен на средства Университета особый кабинет при психиатрической клинике в здании Окружной лечебницы.

Весной нынешнего 1893 года по ходатайству В.М. Бехтерева положение о клинике нервных и душевных болезней при Окружной лечебнице было значительно расширено и дополнено, чем окончательно закреплено за этим заведением значение учебно-вспомогательного учреждения Казанского Университета.

Далее по инициативе В.М. Бехтерева при Казанском Университете учредилось общество невропатологов и психиатров, устав которого утвержден г. министром Народного Просвещения весной 1892 года. В.М. Бехтерев был также организатором первоначальной деятельности этого общества, заявившего о своем существовании уже целым рядом научных сообщений, и по настоящее время состоит его председателем. Начиная с января 1893 года под редакцией В.М. Бехтерева стал выходить в г. Казани научный журнал «Неврологический Вестник», являющийся органом вышеозначенного общества.

В.М. Бехтерев состоит членом Итальянского Психиатрического Общества (Societa freniatico italiano), членом Общества психиатров в С.-Петербурге, членом Общества невропатологов и психиатров при московском Университете, членом Общества Невропатологов и психиатров при Казанском Университете, а также членом многих других врачебных и неврачебных научных обществ».

---

4. АВТОЭРГОГРАФИЯ. ВЛАДИМИР БЕХТЕРЕВ

«Я не сразу согласился на предложение издать мою автоэргографию, так как мне были известны трудности объективной оценки моих научных изысканий. Ввиду этого в последующем изложении я решил ограничиться исключительно одними фактическим данными, избегая оценки результатов своих исследований, что, возможно, делает изложение более сухим, чем следовало бы, но я все же предпочел в большей степени придерживаться фактических данных моих исследований, нежели допускать их оценку в том или ином отношении.

Я родился 20 января (по ст. стилю) 1857 года в селе Сарали Вятской губернии и мне уже исполнилось 68 лет. Мое начальное обучение протекало в сельских условиях и в маленьком городе Вятка, где я посещал гимназию, затем поступил в Медико-Хирургическую Академию (ныне Военно-Медицинскую) в Санкт-Петербурге (ныне Ленинград), обучение в которой я закончил 1 мая 1878 г. Во время изучения медицины, как и многие другие, я последовательно увлекался то одним, то другим предметом. Одни предметы, такие как, например, физиология, привлекали мое внимание точностью своих методов, другие приложением этих методов в область медицинских знаний. Но еще во время своего пребывания на студенческой скамье я окончательно остановился на изучении нервных и душевных болезней. Первые привлекли меня точностью диагностики органических поражений, главным образом, спинного мозга, но, естественно, особенно притягательной была мысль о возможности уточнить до той же степени и диагностику болезней головного мозга, тем более что учение о локализациях в головном мозге тогда только начало намечаться благодаря исследованиям Charcot и его школы. После сдачи конкурсного экзамена в Академию для подготовки к профессуре, я начал заниматься душевными и нервными болезнями в клинике профессора И.П. Мержеевского. Несмотря на благоприятное материальное состояние клиники, существовавшее благодаря возможности использовать на нужды клиники оплату больных, условия для научных занятий были не особенно подходящими, поскольку клинический материал был относительно беден. Неврологических больных почти не было (для них отводилось всего 6 коек), а материал по душевным больным – 100 коек, из них 80 для военных и 20 для платных гражданских – был крайне однообразен, поскольку в клинику, как учреждение военного ведомства, могли быть помещены только солдаты и офицеры и их жены, и все они

направлялись в клинику распоряжением военного начальства, а не директора клиники; платные больные, напротив, были интересны для клиники больше с точки зрения оплаты. Вследствие этого изменения состава больных были крайне незначительны, тем более что офицеры, согласно закону, оставались в клинике не только в течение года, но и могли претендовать на дополнительный годичный срок. Поэтому они обычно находились в клинике не менее двух лет, а их жены оставались даже на все время службы мужей, ввиду их права на лечение семьи за казенный счет. Поэтому были нередки примеры пребывания больных жен офицеров в клинике в течение нескольких десятилетий. Что же касается нижних чинов, то хотя их срок пребывания в клинике был короче (хотя и их пребывание растягивалось на долгое время), как необразованные, они относительно редко представляли клинический интерес. Наконец, платные гражданские больные содержались не столько ввиду их научного интереса, сколько ввиду вносимой за них платы, которая целиком шла в пользу самой клиники. Так как эта плата шла в значительной мере на улучшение стола и быта больных, то лаборатории клиники не были хорошо оборудованы.

Что касается научного руководства со стороны директора клиники профессора Мержеевского, то в клиническом отношении оно могло осуществляться, главным образом, в области нервных болезней (Мержеевский причислял себя к ученикам Charcot), а в теоретической части, главным образом, в области патологической анатомии нервных болезней, где Мержеевский, вследствие его работ по патологической анатомии, прогрессивному параличу и идиотизму, тогда считался специалистом.

Но своими научными задачами я видел изучение строения мозга и его функций, что делало бы возможным проникновение в суть структуры нормальной личности и выяснение механизмов закономерных проявлений личности в отношении к окружающему миру. Если, с другой стороны, это знание было бы применено в невропатологии и психиатрии, то это сделало бы основой психиатрии невропатологию и патологию личности. В силу вышесказанного, для получения научных результатов пришлось не столько рассчитывать на руководство шефа клиники, сколько добиваться получения знания иными путями и больше полагаться на свои собственные силы.

Сообразуясь с имевшимися возможностями, первые годы своих научных занятий, наряду с общим изучением строения мозга, я посвятил почти исключительно изучению функций мозга, и начал с изучения путем разрушения и раздражения тогда еще мало изученных подкорковых ганглиев мозга, а затем перешел к изучению функций спинного мозга и коры головного мозга.

С научной целью в 1884 г. я был командирован за границу, где пробыл около 15 лет и имел возможность существенно пополнить свои знания по экспериментальной психологии у W. Wundt и по структуре головного мозга у P. Flechsig в Лейпциге. Последнему я особенно благодарен, как своему учителю в области анатомии головного мозга. Лишь со времени работы в его лаборатории я получил возможность разрабатывать во всех направлениях проводящие пути мозга.

Что касается моих клинических исследований, то они развивались естественным образом в связи с теоретическими работами и сообразно имевшемуся клиническому материалу. Из зарубежных клиницистов, курсы которых я слушал, я упомянул бы P. Flechsig, C. Westphal и Charcot.

Когда я в 1885 г. переехал в Казань, как профессор кафедры психиатрии (избрание состоялось еще в 1884 г.), я получил возможность, с одной стороны,

пользоваться большой физиологической лабораторией проф. Н.О. Ковалевского, где я провел ряд работ по функциям головного мозга, в особенности по влиянию его на вегетативные функции, до тех пор, пока не была достаточно оборудована основанная мною психофизиологическая лаборатория, и, с другой стороны, использовать для своих клинических лекций и работы огромный материал большого Окружного Казанского госпиталя с несколькими сотнями больных, который был предоставлен мне в качестве клиники.

Благодаря этим возможностям, я смог не только поставить на должную высоту клиническое преподавание психиатрии в Казани, но и вскоре создать первую школу своих учеников, что обусловило возможность создания Общества невропатологов и психиатров при Казанском Университете, президентом которого я оставался до своего отъезда из Казани, и выпустить под моей редакцией журнал «Неврологический вестник».

Когда осенью 1893 года я получил приглашение занять кафедру душевных и нервных болезней в Санкт-Петербурге (теперь Ленинград), я был вынужден оставить Казанский университет и заместить кафедру нервных и душевных болезней своего учителя проф. И.П. Мержеевского.

Здесь первым моим делом была реорганизация в научном направлении и в отношении клинического материала расширенной клиники для душевно- и нервнобольных, а также дополнение ее постройкой особой клиники для нервнобольных; здесь впервые по моему предложению и плану было построено нейрохирургическое отделение, которое под моим первоначальным руководством заложило основу для развития хирургической невропатологии в России.

Новая клиника для нервных и душевнобольных, которой я руководил в качестве директора в течение 20 лет, была рассчитана уже на 130 коек и была моими трудами обеспечена не только контингентом больных, госпитализируемым по выбору директора и подвергавшимся возможно скорой смене, но и целым рядом вновь созданных научных кабинетов и лабораторий: экспериментально-психологической, физиологической и анатомической. Это дало возможность поднять клинику, как в отношении преподавания, так и отношении научных разработок предмета на такую высоту, на какой она никогда до этого времени не была. В отношении преподавания, среди прочего, я могу отметить введение предложенного мною курса объективной психологии и завершение курса психиатрии учением о гипнозе и суггестии с демонстрациями больных (1). Последний курс я начал еще тогда, когда в России этот предмет был еще малоизвестен и мало популярен, кроме того, перед чтением курса нервных болезней мною читался курс основных проводящих путей головного и спинного мозга с соответствующими демонстрациями больных как основа топической диагностики нервных болезней.

Что касается научной стороны дела, то можно отметить, что за 20 лет моего руководства клиникой в ней работали в общей сложности более 1000 врачей, причем ежегодно над различными научными вопросами работало не менее 40 врачей. Этим объясняется то, что за указанный период времени вышло под моим руководством из клиник огромное число научных исследований и диссертаций. Они обычно заслушивались как доклады в следующих мною организованных и руководимых обществах:

1. Общество врачей клиники душевных и нервных болезней;
2. Русское Общество нормальной и патологической психологии;

3. Психиатрическое Общество, президентом которого я был, и затем печатались в редактируемых мною журналах:

1. «Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии»,
2. «Неврологический Вестник»,
3. «Вестник психологии, педологии и криминальной антропологии»

Поскольку я не мог рассматривать клинику как длительную стабильную базу для психологических и неврологических исследований, поскольку клиника, как и всякая клиника, должна была лишь поддерживать на должной высоте преподавание, то я в связи с имеющимися успехами, для развития этих знаний возымел мысль устроить на частные средства Психо-Неврологический Институт с целым рядом научных дисциплин для всестороннего исследования личности, ее воспитания и гигиены душевной сферы, а также для изучения профилактики и лечения нервных и душевных болезней с курсами для того, чтобы эти знания посредством привлечения любознательной молодежи передавались бы преемственно новым творцам науки.

Мне удалось для этой цели за короткое время привлечь пожертвование за пожертвованием, расположить к самой идее власти, которые также шли навстречу в известной мере отпуском средств и выделением 13 десятин (гектаров) земли в черте города. Вскоре эта площадь была увеличена еще на 75 десятин, затем при Временном Правительстве на 5, а несколько позже еще на 7 десятин. На этой площади было возведено до 10-ти корпусов, которые и образовали ядро Психо-Неврологического Института. Среди этих зданий было одно большое 4-этажное лабораторное здание, Антиалкогольный ныне Патолого-Рефлексологический Институт, Нейрохирургический Институт, Педологический Институт, Анатомический Институт, Клиника Душевных и Нервных Болезней, Клиника для эпилептиков и др. Кроме того, Психо-Неврологический Институт располагал другими зданиями вне этой площади в городе.

Идея Психо-Неврологического Института оказалась настолько плодотворной и популярной, что, когда были объявлены курсы, не дававшие, в сущности, никаких прав, то молодежь со всех концов России, вплоть до самых отдаленных ее окраин, стала стекаться в таком количестве, что аудитории института были переполнены слушателями, и их приходилось постоянно расширять; одновременно вслед за общим образованием, даваемым на курсах, пришлось первоначальное ядро курсов преобразовать в основное отделение с правами факультета и дополнить его специальными высшими курсами в виде медицинского факультета с фармацевтическим отделением, юридического и педагогического факультетов с естественно-историческим и историко-филологическим отделениями. Посредством такого в целом пятилетнего курса для молодежи достигался выход в жизнь. Несколько лет спустя эти курсы Психо-Неврологического Института вследствие огромного количества слушателей пришлось развернуть в большой частный университет (в то время первый в России), уже с правами, который имел одно время до 8000 слушателей, и как по количеству, так и по качеству учебно-вспомогательных пособий не уступал ни одному русскому государственному университету. Здесь получали и заканчивали образование многие из тех, кто по условиям тогдашнего времени не могли получить образование в государственных университетах, что, естественно, вызывало недоброжелательность со стороны государственных профессоров и властей. Во время Февральской революции был внесен проект о признании Психо-Неврологического Института высшим Государственным обучающим научным учреждением, что и было осуществлено

через несколько месяцев. Вскоре за этим Институт подвергся большим преобразованиям. Прежде всего, по моему ходатайству был создан в качестве самостоятельного научного учреждения Институт по изучению мозга с несколькими лабораториями для исследования проблемы работы, который в Ленинграде размещался в двух больших зданиях, затем из Психо-Неврологического Института выделились и развились в самостоятельные высшие учебные заведения 1. Химико-Фармацевтический Институт, 2. Ветеринарно-Зоотехнический Институт, 3. Государственный Институт Медицинских Знаний. В остальной части бывший Университет Психо-Неврологического Института слился с Первым Петроградским университетом. Институт как научное учреждение был преобразован в Государственную Психо-Неврологическую Академию, в которую как преемник бывшего педагогического факультета вошел вновь организованный при участии моего ученика проф. Грибоедова Педагогический Институт педологии и дефектологии со следующими факультетами: педологическим, дефектологическим, психо-рефлексологическим и теперь также факультетом физической культуры. Одновременно с этим в академию вошли созданные частично по моей инициативе и частично при моем непосредственном руководстве исследовательские и научные учреждения: Институт исследования детей (для исследования состояний развития детей), Клиническо-Воспитательный Институт для нервно-больных детей, Институт морального воспитания (для морально-дефектных детей), Центральный Институт Глухонемых, Вспомогательная школа для отсталых детей, Педологический Институт, Патолого-Рефлексологический Институт для душевно и нервнобольных, наркоманов и эпилептиков, включавший в себя и Нейро-Хирургический Институт. К этой большой научной ассоциации затем примкнули и ряд других институтов научного и научно-практического характера, таких как Ото-фонетический Институт, Институт Индивидуального Воспитания и Институт Слепых.

Такова краткая история создания тех институтов, которые возникли при осуществлении идеи Психо-Неврологического Института, и мне, как президенту Психо-Неврологического института (сейчас академии), пришлось потратить бесконечно много труда и энергии, чтобы организовать и поднять эти научные и научно-практические учреждения на должную высоту, что, конечно, не могло бы быть достигнуто без деятельного участия моих учеников и помощников (в особенности, проф. Гервера, Грибоедова и других). Мне самому как президенту Государственной Академии и как директору Института по изучению мозга, Патолого-Рефлексологического Института и Клиническо-Воспитательного института для нервнобольных детей, и до сих пор приходится затрачивать немало времени и сил на административные обязанности.

Кроме того, я возглавляю кафедру клинической психиатрии, клинической невропатологии, а также общей и коллективной рефлексологии и гипноза в Государственном Институте Медицинских Знаний и еще читаю такой же курс рефлексологии и гипноза в Ленинградском медицинском институте. Одновременно с этим я редактирую новые журналы, такие, например, как

1. «Вопросы изучения и воспитания личности»,
2. «Обозрение психиатрии, невропатологии и рефлексологии»,
3. «Вопросы психофизиологии и рефлексологии труда» (совместно с Н.А. Миславским),
4. научно-популярный журнал «Вестник Знания» и сборники, выходящие в разное время, такие как

5. «Вопросы изучения алкоголизма»,
6. «Вопросы изучения труда»,
7. «Вопросы рефлексологии и физиологии нервной системы».

Для одного человека это, конечно же, слишком много, но Россия так нуждается и нуждается в научно-просветительской деятельности, что я ни в коем случае не мог отказаться, и не жалел затраченные на все это время, труд, силы и здоровье. Скажу открыто: силы и здоровье особенно, если принять во внимание то бесконечное количество трений, без которых в России не обходится ни одно большое дело.

Переходя к моим научным трудам, хочу заметить, что они сосредоточились, главным образом, на изучении строения головного мозга и функций мозга, клиники нервных и душевных болезней, гипноза и объективной психологии или рефлексологии, с объективным изучением личности с момента рождения в нормальных и патологических условиях.

Прежде всего, я поставил себе задачей изучение строения головного мозга и его функций. В этом отношении многие работы, опубликованные мной и моими учениками, были выполнены, главным образом, по методам развития и дегенерации (окраска по Weigert, Pal, Marchi, Nissl и др.). Я хочу перечислить здесь только самое существенное из того, что может быть признано самым новым результатом для своего времени (см. мои «Проводящие пути»).

В спинном мозге мною были подробно изучены:

1. Ход задних корешков с их расчленением на отдельные группы в соответствии с их развитием;
2. Описана особая группа клеток у внешних отделов серого вещества ближе к основанию заднего рога, обычно обозначаемая в научной литературе (французской) моим именем. В боковых канатах спинного мозга мною были описаны:
3. Задний внутренний пучок внутри пограничного слоя P. Flechsig;
4. Передний внутренний пучок, располагающийся по внешней границе переднего рога в шейном отделе спинного мозга и в задних столбах;
5. (Совместно с Э.А. Гизе) вентральный люмбальный пучок.

Кроме того, по методу развития мною был описан ряд пучков, обнаруженных ранее по методу дегенерации, вследствие моего описания они были подтверждены как особые системы. Сюда относится описанный мною независимо от опубликованного Gowers чувствительного пучка,

передний внешний пучок,
соответствующий пучку Helweg параоливарный пучок,
затем пучки Löwental, Монакова,
зона Lissauer,
запятая Schultze и
срединно-периферический пучок в заднем столбе.

В стволе мозга мною была подробно изучена ранее мало исследованная ретикулярная формация с ее разными ядрами. Из ядер ретикулярной формации мною впервые были описаны:

1. Сетевидное ядро (*Nucleus reticularis*) на уровне покрывки Варолиева моста;
2. Лежащее выше него срединное ядро (*N. medianus*), расположенное по обеим сторонам шва на уровне заднего четверохолмия; затем,
3. верхнее центральное ядро с рассеянно лежащими крупными нервными клетками, расположенными приблизительно на том же уровне, но в центральных частях покрывки;

4. Лежащее еще выше, на уровне переднего четверохолмия, обрамленное снаружи и снизу волокнами петлевого слоя, безымянное ядро (*N. innominatus*) и

5. Расположенное сбоку между ядрами двуххолмия маленькое ядро соответственно *N. parabigeminus*. Кроме того, мною описано

6. Лежащее в стороне, у наружного угла четвертого желудочка особое ядро, названное «ядром Бехтерева» и служащее окончанием *N. vestibularis*.

Из больших пучков ствола мозга мною были описаны впервые:

1. центральный пучок покрывки (центральный покрывочный путь), связывающий нисходящими волокнами большие подкорковые узлы, в особенности, *n. lenticularis* с нижними оливами по P. Flechsig;
2. Пучок, идущий от верхних олив к ядру *n. abducens* и заднему продольному пучку (верхний оливарно-отводящий пучок);
3. доказан переход *n. cochlearis* во внешние акустические ядра и *Tub. acusticum*, а также *n. vestibularis* в ядро Deiters и ядро Бехтерева;
4. Описаны рассеянно лежащие пучки тонких волокон внутри петлевого слоя, вступающие в него на уровне верхнего четверохолмия из основания *pedunculus cerebri* (церебральные связи черепных нервов?);
5. Особый вертикальный пучок моста, связывающий ядра моста и, возможно, часть волокон *pedunculus cerebelli* с различными формациями покрывки, такими как сетевидное ядро *N. reticularis* покрывки с задним двуххолмием; наконец,
6. Нисходящие связи таламуса и субталамической области.

При исследовании связей мозжечка мною было обнаружено впервые:

1. Все спинальные центрипетальные проводники стремятся к червя мозжечка. При этом мозжечковый пучок боковых канатов и пучок ядра заднего каната при вхождении в мозжечок через внешние отделы задних мозжечковых ручек (тела канатов) идут к верхнему червя, при этом пучки связки Gower, прилегающие к соединительным ножкам, приближаются к нижнему червя. Опускающиеся от червя проводящие пути направляются со своей стороны к центральным ядрам, проходят к спинному мозгу через средние отделы задних ручек до ядра Deiters и от последнего соединяются с нисходящими связками Löwental и задними продолговатыми связками, волокна направляются к глазным нервам и спинному мозгу;

2. Что касается *N. vestibularis*, то он после предварительного окончания в мною описанном ядре (ядро Бехтерева) продолжается в медиальном отделе связки мозжечка, достигая центральных ядер мозжечка, причем как вышеназванная связка Löwental и интермедиарный пучок внутри пирамидной связки, так и они вместе служат этому нерву нисходящими рефлекторными проводящими путями, при этом пучки соединительной ножки мозжечка образуют продолжение вестибулярного нерва в мозге.

Вследствие этого ясно, что червь и центральные ядра мозжечка являются рецепторами идущих от периферии тела импульсов (от кожи, мышц и связок с одной стороны и полукружных каналов с другой) и наоборот, посылают импульсы к мышцам тела. Полушария мозжечка, напротив, имеют ближайшие связи с варолиевым мостом и гемисферами большого мозга.

3. Эти связи возникают, как я убедился в результате моих исследований, через среднюю мозжечковую ножку в форме двух больших связок: а) ранее развивающейся мозговой, возникающей из коры лобных и затылочно-височных извилин, спускающейся в медиальной и латеральной частях основания ножек мозга до ядер моста и протягивающихся от последних до задних частей полушарий мозжечка;

б) позднее развивающаяся связка средней мозжечковой ножки, которая связывает кору передних отделов мозжечка с варолиевым мостом и среди прочего с мною описанным *N. reticularis* посредством проходящей через шов вертикальной связки.

4. В моем другом исследовании, касающемся мозжечка, по методу исторического развития мне впервые удалось доказать сложное строение ножек мозжечка, состоящих из четырех отдельных, развивающихся в различное время связок (в соответствии с числом центральных ядер мозжечка).

5. Кроме того, мои исследования показали, что *Striae medullares* продолговатого мозга (*Conductor sonoris*) не имеют ничего общего с продолжением слухового нерва, как ранее полагалось, а служат только для связи различных отделов мозжечка данной или противоположной стороны, что было подтверждено в более поздних исследованиях.

В «Проводящих путях мозга» мною впервые было указано на то, что в гемисферах имеет место:

1. Строгое обособление субкортикальных ганглиев основания мозга в *globus pallidus* с одной стороны, и *n. caudatus* и *putamen*, которые образуют извилину мозга, протягивающуюся от *substantia perforate anterior* до верхушки височной доли (2).

2. Мои исследования (совместно с доктором Антушевичем) в случае размягчения коры в области центральных извилин привели к выводу по методу дегенерации (метод Marchi), что и связи с корой обоих образований неодинаковы, поскольку в *globus pallidus* были открыты обширные дегенерации волокон крупного калибра, тогда как в *putamen* и *n. caudatus* имелись лишь очень тонкие рассеянные глыбки, которые могли быть отнесены только к тончайшим нервным волокнам. Это заставляет меня прийти к выводу о различном отношении обоих формаций к коре мозга, а именно, *globus pallidus* связан с корой мозга посредством больших пучков нисходящих волокон, тогда как *putamen* и *n. caudatus* получают, видимо, только коллатеральные пучки, проходящие через внутреннюю капсулу. (3)

Другим моим результатом исследований в области полушарий мозга было

3. доказательство того, что наружный отдел *pedunculus cerebri* или пучок *Türk*, признаваемый во времена Meynert и Charcot чувствительным и, следовательно, центрипетальным, не может быть признан таковым, ибо моими исследованиями было установлено, что этот пучок дегенерирует в нисходящем, а не в восходящем направлении. Затем

4. Мне удалось показать точным методом (метод развития), что рано покрывающийся белой оболочкой наружный обонятельный корешок идет непосредственно в кору *G. uncinatus*, вследствие чего этот путь должен быть признан одним из ранних путей проведения обонятельных раздражений. Поскольку волокна свода и, вероятно, переходящая непосредственно в свод фимбрия, как я убедился, всегда дегенерируют в нисходящем направлении, то становится ясно, что как фимбрия, так и свод должны быть признаны нисходящими корковыми пучками, подобно другим имеющимся связям *bulbus olfactorius* с субкортикальными ганглиями, такими как медиальный обонятельный пучок и *stria cornea*, идущая из области *subst. perforata* к *g. habenulae*, чьим продолжением является *facs. retroflexus*, который передает обонятельное раздражение к ганглиям ствола мозга.

5. Мною была описана во внешних слоях коры мозга особая полоска белых волокон, чем были пополнены наши сведения об ассоциативных волокнах коры мозга. Полоска эта некоторыми авторами (O. и C. Vogt и др.) названа «полоской Бехтерева». Наконец,

6. Особым научным достижением я считаю то, что повсеместно в схеме строения полушарий мозга, в каждой области коры, к примеру, лицевой, слуховой, кожно-мышечном центре и других, мы обнаружили парное распределение восходящих и нисходящих проводящих путей, что мною было описано еще в русском издании «Проводящих путей» (1896-1898), причем к одному восходящему проводнику часто могут примыкать не один, а несколько центрифугальных связей, как это мы видим, например, в коре центральных долей.

Результатом моих исследований в области строения мозга, кроме ряда отдельных работ, было издание моего большого труда «Проводящие пути спинного и головного мозга» (на русском языке), I и II том, переведенное с дополнениями на немецкий язык «Die Leitungsbahnen im Gehirn und Rückenmark», Leipzig, A. Georgi, 1899, и на французский язык «Les voies de conduction du cerveau et de la moelle», Lion-Paris, 1900. Этот труд постановлением Российской Академии Наук был удостоен премии Бэра.

Изучение строения мозга имело для меня основной целью более точное выяснение функций мозга, без знакомства с которыми совершенно невозможно найти правильный путь к изучению здоровой и больной личности.

Более чем очевидно, что изучение физиологии мозга, не исключая легко доступной разрушению коры, без знания проводящих путей и связей мозга, неосуществимо без опасности сделать большие ошибки, как о том свидетельствует история научных открытий в этой области. Как известно, со случайного открытия двигательных центров Hitzig и Fritsch прошло уже более 50 лет, а, между тем, выяснение взаимосвязи этих центров с кожной и мышечной чувствительностью до сих пор остается не разрешенной полностью задачей, потому что до последнего времени для нас оставались не ясными взаимосвязи между центрипетальными и центрифугальными проводниками в центральной извилине головного мозга. С другой стороны, Goltz, этот превосходный экспериментатор, потратил много усилий на отрицание локализаций в мозге, а между тем, если бы он ближе был знаком с проводящими путями, ему нетрудно было бы обнаружить, что к различным полностью ограниченными областям коры подходят определенные проводящие пути от различных структур. Знание же одного этого могло бы в корне устранить его воззрения на функцию коры и отрицание локализаций мозга, напоминая старое учение J.-P. Flourens. Точно также Schiff не отрицал бы чувствительную функцию сигмоидальной извилины коры мозга и не строил бы схемы центристремительных путей в мозговых полушариях с обходом ими коры мозга, если бы ему были известны проводящие пути мозга. Да, был бы возможен целый ряд работ таких солидных авторов, как Hitzig, Ferrier, H. Munk и др. относительно локализации зрительного центра в коре внешних поверхностей теменных и затылочной долей, если бы эти авторы знали о направлении заканчивающихся в медиальных поверхностях затылочных долей пучков *Gratiolet (fiss. calcarina)*, где у людей находится зрительный центр по Henschen.

Здесь такие физиологи, как Munk, потерпели неудачу. Известно, что H. Munk жестоко критиковавший Ferrier за грубость и ошибочность его опытов и отвергавший его локализацию зрительного центра в *gyr. angularis*, сам обозначил зрительный центр на внешней поверхности затылочной доли. Незадолго до своей смерти после точных исследований Минковского, которые последовали за моими работами, он вынужден был опровергнуть свои собственные результаты, и согласиться с моими исследованиями и более поздними работами Минковского, по более точной локализации зрительного центра у собак и обезьян на медиальной поверхности затылочной доли.

Словом, не было бы очень многих ошибок при изучении функций мозга, если бы мы были бы знакомы с анатомическими связями частей мозга, над функцией которых приходится работать. В этом отношении и некоторые из моих первых работ в области изучения функций мозга потребовали в дальнейшем исправлений. Сюда следует отнести работы, которые касаются волокон, суживающих зрачок, и некоторые данные, касающиеся функции четверохолмия.

Что же было внесено положительного мной в область изучения функций головного мозга?

Мое внимание с начала 80-х годов было направлено на органы, функциями которых было поддержание равновесия и статической координации, что в то время представлялось еще очень мало выясненным вопросом, ибо мы тогда знали только о роли полукружных каналов в равновесии тела по исследованиям в этой области Zions и других авторов, кроме того, со времени Magendie было известно, что перерезание *pedunculus cerebri* вызывает вращательные движения животного вокруг своей оси. Но и в отношении этого между авторами имелись разногласия, причем одни признавали, что перерезание мозжечковой ножки приводит к вращению животных вокруг оси тела на свою сторону, тогда как другие находили, что перерезание мозжечковой ножки вызывает вращение животных вокруг оси тела в обратную сторону, т.е. в направлении здоровой стороны. При этом удовлетворительного объяснения этим разногласиям не находилось. В то время не представлялся ясным даже и собственно характер и основной механизм двигательных расстройств, вызванных повреждением полукружных каналов и мозжечковых ножек, причем большинством авторов они понимались исключительно как явления раздражения, другими – как явления выпадения.

Мне удалось впервые выяснить при перерезании *n. acusticus*, включающем и *n. vestibularis*, что

1. При этой операции происходит вращение животных вокруг длинной оси тела в оперированную сторону, с винтообразным поворотом головы и шеи в ту же сторону и своеобразным отклонением одного глаза (соответствующего стороне вращения) вниз и кнутри и другого глаза вверх и кнутри с нистагмом.

2. Обусловленное этим перерезанием расстройство движения, с одной стороны, должно быть направлено на устранение (через давление эндолимфы) возникающих импульсов в каналах, которые постоянно притекают через вестибулярный нерв к центрам (мозжечку), и, с другой стороны, на возникающий отсюда перевес естественного раздражения вследствие давления эндолимфы в каналах другой неповрежденной стороны. Иначе говоря, в двигательных явлениях с характером навязчивых движений мы имеем не симптомы раздражения, как полагали одни авторы, и не симптомы выпадения, как полагали другие авторы, а симптомы выпадения на одной стороне и физиологического раздражения на другой стороне одновременно. Поэтому если у оперированных животных с вращением вокруг оси тела в одном направлении, вызванным односторонним перерезанием слухового нерва, перерезать тот же нерв на другой стороне, вместе с этим сразу устраняются симптомы вращения вокруг оси тела, сменяясь общим расстройством равновесия тела. Ясно, что симптомы навязчивого движения, обусловленные повреждением других частей тела, например, ножек мозжечка, также зависят от выпадения функций на одной стороне и вследствие этого развившегося раздражения функций, которые остаются не уравновешенными на другой стороне. Мне удалось выяснить, что

3. Вращение вокруг оси тела со всеми его характерными особенностями в отношении поворота тела и глаз, которые наблюдались у тех же оперированных животных в периоде реконвалесценции, склонность падать на сторону бывшего вращения, а затем кружение с неестественными (манежными) движениями в противоположном направлении, являются лишь различными ступенями развития и тем же самым способом проявления.

Далее мне удалось выявить

4. Что перерезание задней мозжечковой ножки, как и глубокие повреждения задних медиальных областей полушарий мозжечка (на путях пучков задней рукоятки) всегда вызывает вращение в оперированную сторону, тогда как перерезание средней мозжечковой рукоятки влечет за собою вращение животных в здоровую сторону. Дальнейшее разрушение передних наружных областей мозжечка вызывает у животного склонность падать и часто склонность к вращению в здоровую сторону или неестественное кружение в оперированную сторону, что позволило нам предположить, что мы имеем дело с повреждением двух различных проводящих систем. Мной было показано, что одностороннее перерезание слухового нерва, включая вестибулярную ветвь, приводит к вращению животных в оперированную сторону, тем самым было доказано, что причина каждого импульса, устранение которого может происходить перерезанием задней мозжечковой ножки, лежит в полукружных каналах. А так как вестибулярный нерв, после предварительного окончания в описанном мной ядре (ядре Бехтерева), имеет своим продолжением волокна медиального отдела задней мозжечковой ножки, то это дает объяснение тому, что при перерезании задней ножки мозжечка и глубоких повреждениях задней медиальной части мозжечка симптомы вращения вокруг оси на свою сторону зависят от повреждения восходящих к центральным ядрам мозжечка продолжений вестибулярного нерва. Но одновременно с этим становилось ясно, что это дает и другие поражения, которые имеют отношение к глубоким частям передних наружных отделов мозжечка, повреждение которых также приводит к расстройствам с характером кругового движения, но в противоположную сторону. Затем

5. Мной было обнаружено никем не наблюдавшееся до того времени явление, что повреждение задней внешней части 3-го желудочка по разработанному мной методу операции через пасть животного в результате вызывало симптом вращения в противоположную сторону со своеобразным косоглазием и нистагмом в том же самом направлении, но повреждение других, более впереди лежащих частей в области 3-го желудочка вызывало навязчивые движения другого характера (неестественное кружение в одних случаях и вынужденное движение бегства вперед в других случаях). Эти явления заставляли подозревать существование функциональной связи между этой областью большого мозга и мозжечком, и потому я в то время пытался объяснить вышеуказанные симптомы присутствием на этом уровне особого органа равновесия, но все мои последующие анатомические исследования с целью выяснения проводников импульса отсюда к мозжечку не были достаточно успешными. Поэтому становится возможным и другое толкование этих явлений, а именно, что при операции в области третьего желудочка повреждаются волокна каких-либо систем, идущих к мозжечку или от мозжечка. Возможно, все симптомы повреждения области третьего желудочка на этом уровне могут быть объяснены как повреждения пучков передней ножки мозжечка. Мои исследования затем показали, что

6. Кроме полукружных каналов существует еще один важный источник импульсов, служащих для установки равновесия тела и статической координации. Это периферический кожно-мышечный аппарат, устранение которого (путем перерезания задних корешков или при их дегенерации при *tabes dorsalis*, снятием кожи с лапок лягушки, анестезией подошв у человека) достаточно, чтобы вызвать сильное расстройство равновесия тела и статической координации движений. Повреждения спинного мозга, затрагивающие наружные части спинного мозга, как я убедился, обуславливают у людей склонность к падению на соответствующую сторону, даже без явлений ясно выраженного паралича соответствующей ноги, а раздражение периферии верхней части перерезанного спинного мозга у животных приводит к движениям головы в противоположную сторону. Повреждения задних столбов, как показано в работах моей лаборатории (мною и др. Боровиковым), приводят к нарушению статической координации, а, с другой стороны, повреждения ядер задних столбов, как я убедился в своих опытах, также приводят к повороту тела в оперированную сторону.

Отсюда ясно, что импульсы с периферии тела (от кожи, мышц и сухожилий) направляются к мозжечку через задние корешки, ядра *Clark* и соответствующие боковые пучки мозжечка *P. Flechsig*, с одной стороны, и через задние корешки, связки *Gowers* и задние столбы, с другой стороны, а также через ядра пучков задних столбов в продолговатом мозге на той же стороне и дальнейшие связи этих ядер с мозжечком. При этом импульсы передаются к соответствующему червя, и отсюда через нисходящие пути медиальной части задней ножки мозжечка, ядро *Deiters* и нисходящий пучок *Löwental*, клетки передних рогов, передние корешки и двигательные нервы они находят свой путь к мышцам туловища и конечностей. Что касается локализации особых моторных центров в коре мозжечка, то в этом отношении детальные исследования были проведены Greker в моей лаборатории. Они показали, что центральная доля мозжечка, или червь, а не полушария мозжечка, имеют особую координаторно-моторную функцию. Повреждение передней части спуска вызывают дисметрию и расстройство передних конечностей, а повреждения задней части червя – повреждения задних конечностей. Удаление половины червя приводит к возникновению вращательных движений в оперированную сторону.

7. В органах статической координации или органах равновесия я видел физиологическую основу для установления пространственных отношений, но моя теория принимает во внимание не только одни полукружные каналы, как у *Zion*, но и другие органы статической координации, к которым следует причислить периферический кожно-мышечный аппарат.

8. Другим моим достижением в области изучения функции мозга было выяснение функциональной роли зрительных бугров. Исследования эти начались с 1883 г. и потребовали несколько лет. До моих исследований зрительный бугор всегда рассматривался как чувствительный или воспринимающий узел, и этим общим воззрением все и ограничивалось. О моторной его функции не было и речи. Между тем, мои исследования по методу раздражения и разрушения привели к выводу, что зрительный бугор, помимо его чувствительной функции, имеет еще и прямое отношение к так называемым выразительным движениям, и что зрительный бугор действительно является самым важным, центром субкортикальных ганглиев, формирующим мимические движения. При этом зрительный бугор, с одной стороны, является станцией на пути соответствующих импульсов коры мозга, и одновременно он представляет собой важный рефлек-

торный центр мимических движений, поскольку животные с удалением полушарий мозга, но с сохранением зрительных бугров, в действительности ничего не утрачивают из рефлекторных проявлений мимических движений, при этом при удалении полушарий мозга вместе со зрительными буграми утрачиваются все основные рефлекторные мимические движения за исключением однообразного голоса, который возникает при болевых раздражениях на чисто рефлекторном пути через ниже лежащие центры на уровне заднего четверохолмия. Тогда же мной, а позднее и другими авторами, были опубликованы клинические случаи, которые подтверждали роль зрительного бугра в отношении мимических движений, в результате выяснилось, что к собственно мимике имеет отношение только его медиальное ядро, тогда как латеральное ядро или ядро *Burdach* образуют чувствительный центр

9). После завершения своих начальных исследований зрительного бугра с весны 1884 г. я был отвлечен на этой стадии от работы вследствие длительной командировки с научной целью за границу, где я посвятил много времени изучению анатомических связей мозга. После моего возвращения из-за границы, во время своей профессуры в Казани, я вновь обратился к изучению функции зрительного бугра, я придерживался того, что мимические движения сопровождаются в жизни целым рядом явлений в соматической сфере, и направил свое внимание на выяснение роли зрительного бугра в отношении функции внутренних органов. Поскольку тогда психофизиологическая лаборатория в моей клинике была не полностью оборудована, я воспользовался любезным предложением проф. Н.О. Ковалевского и провел в его лаборатории в сотрудничестве с его ассистентом др. Н. Миславским целый ряд исследований, которые подтвердили мои предположения об отношении промежуточного мозга к функциям соматических органов. В целом ряде наших исследований было доказано, что

10. Раздражение очень слабым (едва ощущаемым на языке) электрическим током посредством изолированных до самых своих окончаний иглообразных электродов, введенных в область зрительного бугра, вызывает сильно выраженные сердечно-сосудистые эффекты (повышение кровяного давления, учащение сердцебиения), а также движения желудка и кишечника, сокращение мочевого пузыря, влагалища (у кроликов) и обильное слюноотечение в соответствии с последующим исследованием соответствующих срезов мозга. Эти функции, вероятно, двусторонние. Другим моим исследованием было доказано

11. Отношение зрительного бугра к статической координации, поскольку разрушение зрительного бугра на одной стороне вызывает маневное движение животного в эту сторону. Впоследствии эти результаты были подтверждены в совместной работе с П. Останковым одним ярким клиническим случаем с внезапным развитием у больного насильственных круговых движений и появлением острой сыпи и красноты на противоположной стороне. При вскрытии внутри ткани зрительного бугра было обнаружено небольшое ограниченное величиной с горошину свежее кровоизлияние.

На основании этих исследований пришлось признать, что зрительный бугор как сложное образование с целым рядом содержащихся в нем ядер (некоторые авторы признают в нем до 20 анатомически обособленных клеточных скоплений), имеет также сложную функцию важного рефлекторного субкортикального ганглия и, вместе с тем, промежуточной станции на пути от коры к периферии и обратно, функции которого относятся, с одной стороны, к чувствительной сфере (внешнее ядро *Burdach*), с другой стороны, к мимической соматической функции

(медиальное ядро и, возможно, другие ядра), и, кроме того, к локомоторной функции (область вхождения части пучков передней ножки мозжечка).

В отношении иннервации соматической сферы зрительный бугор, очевидно, делит функцию с субталамической областью и с областью серого вещества 3-го желудочка, которая является главным центром вегетативной функции. Между прочим, мной было показано, что раздражение глубоких отделов серого вещества на уровне передней части зрительного бугра вызывает все симптомы раздражения шейного симпатического нерва (выпирание другого глаза, исчезновение третьего века, а также резкое расширение зрачка).

Мои исследования зрительного бугра, которые долгое время оставались изолированными в мировой литературе, и только время от времени подтверждались клиническими наблюдениями, пришлось вспомнить при обнаружении и изучении эпидемического энцефалита, при котором поражаются как раз ганглии мозга, т.е. зрительный бугор и тесно связанный с ним *corp. striatum* с двумя его частями – *neostriatum* и *paleostriatum* – и где мы наблюдаем среди постоянных симптомов амимию, нарушение равновесия (так называемые пульсии), затем сердечно – сосудистые изменения и обильное слюнотечение.

Что касается других больших ганглиев основания мозга, *corp. striatum*, то я, как уже упоминалось, указывал еще в 1894-1896 гг. на четкое анатомическое разделение *corp. caudatum* и *putamen* от *glob. pallidus*. В функциональном отношении мною было установлено, что

12. *n. caudatus* после дегенерации, вызванной предшествующим разрушением центробежных пучков этого ганглия, проходящих через внутреннюю капсулу, остается абсолютно не чувствительным к раздражению электрическим током, что согласуется с данными др. Minor (В. Бехтерев. «Физиология двигательной области коры головного мозга», «Архив психиатрии», 1886-1887).

Много позднее исследования в моей лаборатории (др. Шайкевич) показали, что *n. lenticularis* (собственно, *glob. pallidus*) является двигательным ганглием, поскольку его раздражение вызывает проявления, подобные судорогам. Этот факт дал мне еще больше оснований для обособления *neostriatum* от *paleostriatum*.

Из других мозговых узлов мной была выявлена

13. роль *subst. nigra* как глотательного центра, затем осуществленной в моей лаборатории работой на собаках была показана связь этой формации с надсильвиевой областью коры, где находятся центры глотания и жевания.

14. В опытах по раздражению *corp. mamillare* наблюдался экспираторный эффект, который возникал и при раздражении основания областей, находящихся рядом с *bulbus olfactorius*; из этого следует, что эти ганглии играют роль рефлекторного центра, участвующего в возбуждении дыхательного аппарата при обонянии. Далее

15. область заднего четверохолмия с глубоко лежащими частями на основании моих опытов по разрушению и раздражению была признана мною в качестве центра голоса (согласно с Ferrier) и рефлекторного движения уха, а

16. описанное мною сетчатое ядро покрывки отнесено к двигательным центрам, имеющим, вероятно, отношение к функции стояния.

В области спинного мозга я интересовался исследованиями проводящих путей кожной и мышечной чувствительности уже тогда, когда топография их в спинном мозге не была в достаточной мере выяснена. Для этой цели

17. уже в 1884 г. произвел опыт с перерезанием задней половины грудной области спинного мозга у собак и убедился, что животное с признаками пареза

и атаксии задних конечностей (атактический парез) безразлично относилось к смещению их в пространстве, тогда как кожная чувствительность к колющим раздражениям в них была сохранена. Этим опытом было доказано, что проводящие пути мышечной чувствительности и движения проходят через задние половины спинного мозга, а проводящие пути колющих раздражений – через их передние части. В других опытах с перерезанием задних столбов спинного мозга в шейной области я убедился, что собаки с проявлениями атаксии одновременно обнаруживают расстройство равновесия. Дальнейшие исследования в этом направлении были осуществлены в моей лаборатории др. Holzinger и др. Боровиковым. Первый, работая над проводящими путями для колющих раздражений, на основании многочисленных опытов над собаками пришел к выводу, что эти проводники лежат в боковом столбе на уровне переднего отдела пирамидных пучков (мой переднее-наружный пучок). Второй, работая над проводниками мышечной чувствительности, также путем многочисленных опытов на собаках подробно исследовал атаксию движения и утрату животными мышечной чувствительности при перерезании задних столбов спинного мозга. Затем

18. мои опыты над новорожденными собаками имели целью прояснить у них возбудимость различных областей мозга, причем я убедился, что возбудимостью обладают только миелинизированные части спинного и продолговатого мозга. Таким образом, мне удалось показать, что волокна ретикулярной формации и основной пучок переднебоковых столбов обнаруживают прямую возбудимость и, с другой стороны, что задние столбы и пучки мозжечка на периферии боковых столбов обнаруживают рефлекторную возбудимость при раздражении их центрального конца.

19. Одним из важных научных достижений в области изучения функций коры мозга я считаю установление мною еще в 1900 г. локализации центра вкуса у человека в коре мозга в области *operculum* у нижнего конца центральных извилин. До моих исследований в этом отношении вопрос этот оставался совершенно неизученным, поскольку указываемое другими авторами (Ferrier, Munk) определенное положение этого центра в Аммониевом роге было опровергнуто исследованиями моего ученика профессора Осипова. Установленная мною локализация была подтверждена затем, как упоминалось, очень компетентно. В этом отношении я считаю нужным привести слова К. Goldstein (5), который по поводу моего открытия говорит следующее: «Общепризнанное мнение о том, что центр вкуса располагается рядом с обонятельным центром, очевидно, неверно. Новые исследования Börnstein, проведенные в моем институте, не оставляют никаких сомнений, что еще в 1900 году обнаруженное Бехтеревым расположение центра вкуса в *operculum* является правильным. Близость вкусовой области в самой нижней части задней центральной извилины, жевательного центра в соответствующем *operculum* к передней центральной извилине и к извилине Heschel может при наличии здесь даже очень маленького очага поражения вести к характерной триаде симптомов».

Далее 20. моими исследованиями была впервые установлена локализация кожной и мышечной чувствительности у собак не только в *g. sigmoideus*, как обычно считалось, но также и непосредственно позади *g. sigmoideus*, в области теменной доли. Если принять во внимание, что не только *sulcus cruciatus*, но и *sulcus coronarius* соответствуют центральной борозде у человека, и что разрушение *g. sigmoideus* приводит к развитию пареза противоположных конечностей с подобным же нарушением кожной и мышечной чувствительности, то этим исследованием

устанавливается полная параллель с функцией центральной извилины коры у человека. Как у последнего двигательной функцией обладает передняя центральная извилина, так у собак двигательной функцией обладает сигмовидная извилина; кожно-мышечная же воспринимающая область расположена у человека на задней и передней центральной извилине, а у собаки на *g. coronarius* и *g. sigmoideus*.

21. Подобное же соответствие мне удалось обнаружить и в отношении топографии зрительной области коры мозга у собаки и человека, так как и Hitzig, Ferrier и H. Munk, как сказано выше, определяли топографию зрительной области у собак исключительно на наружной поверхности полушарий, тогда как у человека она локализуется на медиальных поверхностях затылочной доли в области *f. calcarina*. Мои исследования, между тем, привели к выводу, что зрительная область у собак расположена на медиальной стороне затылочной доли, что впоследствии было констатировано также и в трудах работавшего в моей лаборатории профессора Агаджанова. Приват-доцент Минковский, работавший много позднее меня, подтвердил тот же факт и, исследовав подробно область зрительного центра у собак, установил, что она локализуется, как и у человека, в области полоски *Vicqd'Azylrs (region ariata)*.

22. Далее мои исследования еще с середины 80-х годов были направлены на изучение функций так называемой двигательной области коры мозга, и здесь мне удалось впервые доказать опытами на собаках, что эта область служит для изолированных движений конечностей, причем при посредстве ее выполняются и обученные движения. Последние, как и другие автоматические движения, до этого времени авторы были склонны локализовать в субкортикальных областях мозга, между тем, работая с дрессированными собаками, мне удалось тогда впервые установить, что вслед за удалением *gyr. sigmoideus* такое обученное или сочетательное рефлекторное движение у собак, как подача лапы на показываемую руку или на зов хозяина «дай лапу!», а равно и хождение на задних лапах при показывании пищевой приманки, утрачивается животным навсегда. Это открыло путь для целого ряда исследований локализации других ассоциативных рефлексов в коре мозга, о чем будет говориться позднее.

23. В другой серии исследований в моей лаборатории (др. Чудновский) и мной самим было доказано, что также локальные моторные рефлексы, такие как рефлекс движения свешенной лапы при поглаживании против шерсти и движения уха при раздражении меха кисточкой, утрачивается у животного при удалении сигмовидной извилины, из чего ясно, что эта область служит не только для кожной, мышечной, но и для волосистой чувствительности, где играет роль, в сущности, уже симпатическая нервная система. Что кора мозга имеет отношение к симпатической нервной системе, указывалось мною уже в 1880 году, когда я

24. В результате опытов на собаках смог установить, что локальное повреждение коры мозга в области *gyr. sigmoideus* и соседних с ним областей вызывает изменения периферической температуры тела на противоположной стороне. В дальнейшем исследования в этой области были расширены в различных направлениях мною и моими учениками. Следует отметить, что до наших исследований эта область научного изучения была совершенно не разработана. В этом отношении имелись только неполные и недостаточно серьезно выполненные исследования Landois, Eulenburg и Bochefontaine, которые тогда в научной литературе подвергались сомнениям и критике.

При детальном исследовании в сотрудничестве с Миславским я установил, что:

25. Не только из сигмовидной извилины, но также и с большой территории коры мозга удавалось получить сердечно-сосудистый эффект в виде повышения давления и учащения пульса, а иногда также урежения пульса, имевшего характер вагусного пульса, и иногда также снижение давления. В этом отношении мы исследовали все внешние поверхности коры мозга и часть внутренних и, в конце концов, пришли к выводу, что только затылочные и лобные области у собак в этом отношении являются наименее активными. Все остальные области коры, включая сигмовидную, теменную и височную извилины, дают чрезвычайно резко выраженный сердечно-сосудистый эффект. Этот эффект не мог быть отнесен к субкортикальным областям мозга, поскольку примененный ток был таким слабым, что едва ощущался на языке.

26. Можно легко вызвать расширение капилляров, коры, сигмовидной извилины и других областей, при этом я убедился, что после перерезания шейного симпатического нерва происходит расширение зрачка, что согласуется с исследованиями Браунштайна (Харьков) и говорит о возможности подавляющего действия коры на окулomotorные ядра, что в последнее время подтверждено и другими авторитетными исследователями. Мы убедились также, что

27. с коры мозга нередко получается не только возбуждающий сердечно-сосудистый, но иногда и угнетающий эффект, который затем сменяется эффектом возбуждения. Все это доказывает, что, в сущности, одни и те же области коры в зависимости от степени раздражения и от большего или меньшего функционального истощения способны вызывать как возбуждающий, так и угнетающий эффект.

Из других воздействий коры на вегетативные функции нервной системы мне в сотрудничестве с П.А. Останковым удалось

28. доказать наличие специального центра глотания в коре и в сотрудничестве с Миславским мною было показано, что

29. раздражение сигмовидной извилины у собак вызывает сокращение желудка, тонкого кишечника, мочевого пузыря и влагалища (у кроликов и собак).

В дальнейшем работами в моей лаборатории (проф. Осипов) было показано, что раздражение сигмовидной извилины легко вызывает сокращение также и толстого кишечника, и еще раньше исследования, произведенные в моей лаборатории (др. Meyer), дали возможность обнаружить в верхнем отделе сигмовидной извилины также места воздействия коры на сфинктеры мочевого пузыря и прямой кишки (около центра хвоста). С другой стороны, др. Erikson подробно исследовал в моей лаборатории влияние коры на сокращение селезенки, др. Пуссеп, работая в моей лаборатории, обнаружил у собак половые центры (для пениса и простаты), д-р Плохинский – такие же центры для матки, а проф. М. Жуковский подробно исследовал дыхательные центры коры.

Всеми этими исследованиями устанавливалась несомненным образом роль коры в отношении движения вегетативных органов, что нам, между прочим, объясняет бурные явления со стороны этих органов во время эпилептических припадков.

Другой нашей задачей было исследовать влияние коры на секреторную функцию. В этом отношении еще во второй половине 80-х годов в сотрудничестве с Н. Миславским мне удалось доказать, что у собак может быть легко вызван эффект слюноотделения из областей, лежащих выше сильвиевой борозды

(от *gyr. compositusant* и назад), и, хотя и не столь резкий, но все же очень отчетливый эффект слюноотделения может быть обнаружен и со значительной части теменных извилин. Такая обширная территория для слюноотделения находится, очевидно, в двусторонних взаимоотношениях с еще более обширной сердечно – сосудистой областью.

Эти исследования стали краеугольным камнем для дальнейших объяснений – врачами, работавшими в моей лаборатории, участия коры в секреторной функции организма. В работах др. Карпинского было показано влияние коры в области *sulc. eguciatus* на отделение мочи, работами проф. Гервера – влияние коры, лежащей поблизости от *gyr. sigmoideus*, на выделение желудочного сока, работой др. Вирсаладзе было доказано влияние сигмовидной части коры на желчеотделение, проф. Никитиным – влияние коры вблизи от центра лицевого нерва на отделение молока у лактирующих овец, а проф. Грибоедовым – влияние, помимо других областей, коры сигмовидной извилины на потоотделение у жеребят.

То, что этот эффект не мог быть отнесен к передаче возбуждения к другим корковым или подкорковым областям мозга, доказывалось еще и тем, что круговое отсечение коры не устраняло эффект раздражения, а подрезание белого субкортикального вещества его совершенно уничтожало.

Надо заметить, что некоторые из этих центров были обнаружены мной и у человека. Это относится к дыхательным центрам, поскольку мне удалось получить резко выраженный инспираторный эффект при раздражении коры спереди от центра руки на границе 2-й лобной и передней центральной извилины. Резко выраженный вазомоторный эффект в форме вазоконстрикции на противоположной стороне, повышения кровяного давления, пульса и температуры тела был мною обнаружен и описан как при травматических повреждениях, так и при операциях на мозге в этих же областях. Кроме того, при операциях на мозге у людей мне удалось вызвать эрекцию пениса электрическим раздражением передней центральной извилины рядом с центром бедра. Кроме того, имеются наблюдения и относительно воздействия области центральных извилин на отделение желудочного сока (булимия) и на другие вегетативные функции. Отсюда ясно, что вышеприведенные данные не лишены и клинического значения, поскольку они объясняют расстройства этих функций при душевных и нервных болезнях – тем более, что аналогичное воздействие коры следует предполагать и по отношению к железам внутренней секреции.

Наконец, мы могли убедиться, что и воспринимающая функция вегетативной нервной системы представлена в коре. Это доказано в моей лаборатории работой др. Чудновского, в опытах которого удаление сигмовидной извилины сопровождалось утратой волосистой восприимчивости на противоположной стороне. Следует при этом заметить, что удаление корковых областей, с которых получался соматический, двигательный и секреторный эффект, не обнаруживается какими-либо явными расстройствами со стороны вегетативных органов, и поэтому возникает вопрос, какую, собственно, роль могут играть в жизни животных вышеуказанные корковые вегетативные области. Выяснению этой задачи был посвящен дальнейший ряд работ в моей лаборатории. Так, диссертационной работой проф. Жуковского, опубликованной еще в 1898 г., было впервые доказано, что хотя удаление кортикальных дыхательных центров у собак не вызывает никаких видимых последствий для функции дыхания, но они все же сопровождаются выпадением рефлекторных сочетательных эффектов

на дыхание. Например, если к морде оперированной собаки поднести кошку, то у животного не проявляется уже ускорения и подъема дыхательных движений, которые обнаруживались у той же собаки до операции. Это заставило признать, что кортикальные центры дыхания участвуют в осуществлении сочетательных рефлексов в мимико-соматических (эмоциональных) состояниях. Сравнивая с теми данными, полученными мною еще в середине 80-х годов, что выпадение у собак с разрушением сигмовидной извилины двигательного сочетательного рефлекса в виде подачи передней конечности на руку (приобретаемого путем дрессировки, т.е. искусственной тренировки), можно было признать, что в результате своего жизненного опыта путем естественной тренировки животное приобретает рефлексы не только в виде использования конечностей как орудий, но и в форме соответствующих реакций в мимико-соматической сфере, причем и те, и другие приобретенные рефлексы осуществляются при участии коры мозга. Этот вывод подтвердился и в других исследованиях коры мозга, осуществленных в моей лаборатории (др. Протопопов). То же самое было показано в диссертационной работе др. Пуссепа при исследовании кортикальных половых центров, впервые обнаруженных у собак в заднем отделе сигмовидной извилины. При раздражении этой области можно было вызвать отчетливую эрекцию полового органа, удаление же этой области приводило к тому, что животное, которое ранее проявляло все признаки полового возбуждения с эрекцией полового органа при контакте с самкой во время течки, после операции вело себя безразлично по отношению той же самке, не проявляя вовсе полового возбуждения и эрекции. С другой стороны, в осуществленной в моей лаборатории диссертационной работе проф. Никитина по изучению лактирующих овец было установлено, что если перед электрическим раздражением области, соседней с центром фацциалиса, в соски вымени были введены канюли, то при раздражении начиналось обильное выделение молока каплями. Что касается эффекта удаления этих областей коры, то обнаружилось следующее: если к не оперированной лактирующей овце с введенными в соски стеклянными пипетками подвести ягненка-сосунка, то из пипеток начинает обильно вытекать молоко, и даже одного бляения детеныша, находящегося вне поля зрения матери, достаточно, чтобы молоко начало истекать. Но при удалении вышеуказанных центров эффект выделения молока полностью исчезал.

Таким образом, роль корковых вегетативных центров, обнаруженных путем электрического раздражения, становилась совершенно ясной: без того, чтобы играть непосредственную роль в выполнении соответствующей функции и без непосредственной регуляции этих функций, означенные центры служат для воздействия на эти функции путем высших или сочетательных рефлексов, подобно тем, с которыми мы познакомились выше.

Есть основания полагать, что локальные кожные рефлексы, которые частично являются кортикальными рефлексами, как было доказано в моей лаборатории (мною и проф. Протопоповым), также представляют собой ассоциативные рефлексы, как и упомянутые выше.

Плодом этих наших исследований в области изучения мозговых функций и ряда других физиологических работ, опубликованных в изданиях и журналах того времени, явился мой большой труд «Основы учения о функциях мозга» в 7 выпусках на русском языке и в 3 больших томах на немецком языке “*Über die Funktionen der Nervenzentra*”, Jena, Fischer, Heft 1-3. Некоторые части этого труда были переведены и на французский язык.

Вышеуказанные исследования подвели меня к изучению сочетательных рефлексов у животных и в других направлениях. Мы убедились, что, как уже ранее было упомянуто, локализация таких оборонительных движений, как отдергивание собакой свешенной передней лапы при поглаживании против шерсти и при ударе палочкой по когтю, а также защитное движение ушной раковины при звучании камертона перед ухом собаки и моргание век при угрожающем жесте имеют все особенности приобретенных ассоциативных рефлексов, и, по исследованиям в нашей лаборатории (моим, Ларионова, Протопопова), оказались корковыми рефлексами. А упомянутые ранее мои опыты на дрессированных собаках, осуществленные еще в середине 80-х годов, давали возможность найти метод искусственного воспитания сочетательных рефлексов («Архив психиатрии» [русский], 1886-1887). Особенно показательными в отношении функциональной роли коры мозга при развитии сочетательных рефлексов являлись вышеуказанные опыты с утратой сочетательных и дыхательных рефлексов у собаки при приближении кошки (1898). Это дает основания предполагать возможность воспитания искусственным путем сочетательных двигательных рефлексов. В то время как мы были заняты этой мыслью, в «Трудах общества русских врачей» за 1904-1905 г. появилась работа доктора Болдырева об искусственном вызывании у собак слюнного рефлекса в ответ на звуковой раздражитель путем многократного комбинирования раздражителя с кормлением животного. Но слюноотделение как рефлекс неприменимо к исследованию человека и, к тому же, обеспечивает лишь пищеварительные функции животного. Поэтому нашей следующей задачей было найти способ лабораторной выработки сочетательного рефлекса в двигательной сфере. После многих попыток нам удалось в течение зимы 1906 г. вызвать у собак искусственный сочетательный дыхательный рефлекс, вводя сначала громкий звук как основной раздражитель. **Вскоре затем нам удалось получить сочетательный рефлекс на дыхание и у человека. Уже в мае 1907 г. я сделал доклад о новом методе исследования в Клиническом обществе врачей.** После чего в диссертационной работе, выполненной на собаках в моей лаборатории д-ром Протопоповым, вышеуказанная методика исследования была еще более усовершенствована путем применения электрического раздражения передней лапы собаки, на которой также воспитывался сочетательный рефлекс на звуковой раздражитель. Затем по моему предложению другим работавшим у меня врачом, д-ром Молотковым, в диссертационной работе эта же методика была перенесена на человека. Она состояла в том, что электрическое раздражение как основной возбудитель, давалось в подошву стопы вблизи пальцев при посредстве предложенного мною аппарата, и одновременно с ним совмещался другой индифферентный раздражитель, например, свет электрической лампочки. В других опытах, выполнявшихся в лаборатории, свет с одинаковым успехом заменялся определенным тоном музыкального инструмента или тактильным раздражением и т.п. Позднее, в сотрудничестве с работавшим у меня Н. Щеловановым, мы стали применять методику сочетания разных индифферентных раздражителей с электрическим раздражением ладони или пальцев. Далее в педологическом институте применялась специальная методика для исследования звуко- и светосочетательных рефлексов у младенцев в сочетании с кормлением.

Наконец, методика, которая, по моему предложению, основывалась на применении аппарата проф. Жуковского для движения руки, была далее усовершенствована при работе в моей лаборатории с детьми с применением словесных ассоциаций без электрического раздражения. Таким образом, методика сочета-

тельных моторных рефлексов, с которой мы работали, была расширена как на различные возрастные группы людей, так и на защитные и наступательные движения. Я хотел бы еще добавить, что сердечно – сосудистая система десять лет назад использовалась по моему совету для исследования сочетательных рефлексов у людей в моей лаборатории доктором Чалым при применении плетизмографа. Со времени введения искусственных сочетательных дыхательных рефлексов в методику имелось в виду, с одной стороны, выяснить механизм развития приобретенных рефлексов у человека, с другой стороны, восполнить объективное изучение здоровой и больной личности человека, начатое мной с 1893 г. (см. «Труды Пироговского конгресса», дискуссия по докладу П.Я. Розенбаха о травматических психоневрозах, моя работа об объективном исследовании истерической анестезии и гиперестезии). Поскольку я уже работал в этом направлении, то уже в 1904 г., прежде чем появилось в печати вышеуказанное исследование др. Болдырева, опубликовал работу «Объективная психология и ее задачи» (см. «Вестник Психологии», 1904) (7), уже в которой были подробно изложены весь план и все вехи объективного изучения человеческой личности, которому затем были посвящены 3 выпуска моего сочинения «Объективная психология» (1907-1912) (6).

Из вышеизложенного ясно, что объективное изучение человеческой личности с помощью специальных методов исследования развивалось независимо от физиологических исследований.

Как только была введена в практику разработанная нами новая методика исследования, уже в самом начале выяснилась особая тонкость этой методики в применении как к животным, так и к человеку, поскольку она сразу же дала возможность проследить особую закономерность в развитии ассоциативных рефлексов, в то время как в работах, изначально проводившихся по слюнному методу на собаках, можно было говорить о специфичности условных и, соответственно, сочетательных слюнных рефлексов, я уже имел возможность констатировать два основных принципа в развитии сочетательных моторных рефлексов – это принцип дифференцирования, заключающийся в том, что каждый сочетательный рефлекс с того времени, как он развился и получил устойчивость, первоначально является общим и недифференцированным, проявляясь при всяком раздражении, действующем на тот же воспринимающий орган, но вместе с повторным возобновлением рефлекса на первоначальный раздражитель он становится постепенно все более и более дифференцированным и, в конце концов, возникает только на этот раздражитель. Но и при окончательной дифференцировке он не является постоянно специфичным, поскольку в случае торможения он вновь на время перестает быть дифференцированным. Другой выявленный мною принцип механизма сочетательных рефлексов – это принцип избирательного обобщения, сущность которого сводится к тому, что один и тот же рефлекс при комбинации двух или более звуковых или световых раздражителей с электрическим раздражителем может быть образован не на один, а на два или более разных раздражителя, тогда как на другие раздражители рефлекса не получается (8).

Наконец, мы хотим отметить еще «процесс индукции», который был выявлен в работе др. Протопопова и состоит в том, что дифференциация значительно совершенствуется, когда, например, в периоде дифференцирования звука от всех других этот звук воспроизводится перед окончательной дифференцировкой. Этот процесс индукции, нужно думать, состоит во взаимосвязи с принципом концентрации (см. ниже).

Благодаря такой крайне чувствительной методике дифференцирования, уже с самого начала стало возможным обнаружить способность собак различать цвета (др. Walker, доклад на клиническом обществе врачей), в то время этот факт полностью отрицался физиологической лабораторией, работавшей по слюнному методу на собаках (работа др. Орбели), и впервые была установлена особая способность собак различать звуки, вплоть до $\frac{1}{7}$ тона в аппарате Аппунша, тогда как до того времени было известно, что собаки могут различать $\frac{1}{4}$ тона, что было установлено по слюнному методу, и лишь позднее была выяснена также по слюнному методу способность собак различать до $\frac{1}{8}$ тона.

В одной из следующих выполненных у меня по тому же методу работ по ассоциативным рефлексам в ответ на тактильные раздражения (др. Шевалев) было обнаружено, что первично возникающий рефлекс не является стойким и возникает как локальный, а затем, вместе с закреплением, быстро генерализуется и распространяется на всю поверхность тела, после чего начинает дифференцироваться и постепенно концентрируется в месте раздражения.

Из вышеуказанного принципа дифференцирования стало очевидным, что корковое возбуждение первоначально быстро распространяется при возникновении сочетательного рефлекса, иррадируя через всю территорию, соответствующую раздраженному органу, и затем под влиянием упражнения постоянно все более и более концентрируется. В дальнейшем, в почти одновременно выполненной у меня работе др. Израельсона, было установлено, что разрушение сигмовидной извилины коры мозга у собак сопровождается отчетливым торможением тактильного сочетательного рефлекса, который при неполном торможении сопровождается значительным ослаблением процесса дифференциации, благодаря чему кожная область, путем тактильного раздражения которой может быть вызван сочетательный рефлекс, расширяется на пути тактильного раздражения, и, хотя со временем она снова суживается, но даже при тренировке для выработки сочетательных рефлексов она не достигает своего прежнего объема.

Кроме того, проводившиеся у меня исследования сочетательных рефлексов показали, что в период закрепления и дифференцировки сочетательного рефлекса на данный раздражитель и как следствие возбуждения соответствующей области коры происходит торможение сочетательных рефлексов в других частях той же области коры. Это особенно хорошо можно наблюдать на кривых, записанных с сочетательного дыхательного рефлекса. Этот рефлекс демонстрирует постоянно увеличивающуюся задержку в ходе того, как пробный раздражитель все более и более удаляется от основного раздражителя, на который вырабатывается данный сочетательный рефлекс. Отсюда ясно, что одновременно с возбуждением одной части коры другая часть коры подвергается угнетению. В развитии сочетательного рефлекса мы имеем сначала более или менее длительный латентный период постепенного нарастания возбуждения, которое соответствует нарастанию коркового возбуждения, при дальнейшем повторении этого рефлекса без подкрепления электрическим током латентный период сменяется периодом угнетения или торможения рефлекса. Таким образом, в работе коры мозга имеет место принцип реципрокности, состоящий в том, что в то время, как одна часть данной области коры работает, другая часть той же области коры тормозится и наоборот. В начальной точке возбуждения коры в ходе развития сочетательного рефлекса процессы торможения во время латентного периода сменяются процессами возбуждения и наоборот.

Далее в моей лаборатории было показано, что при выработке сочетательных рефлексов на сложные или комплексные раздражения, например, на свет и звук (работа проф. Платонова) выяснилось, что рефлекс первоначально формируется и на общее комплексное раздражение, и на его составные части, но неодинаковый по силе. На общее комплексное раздражение он сильнее, чем на каждую из его составных частей, которые также могут давать неодинаковый по силе рефлекс. При этом последовательным упражнением можно достигнуть того, что сочетательный рефлекс вырабатывается на цельное составное раздражение и не будет проявляться при действии каждого составного раздражителя в отдельности. Таким образом, речь идет изначально о соответствующем принципе анализа раздражения, причем как целое, так и каждая его составная часть отмечаются соответствующей силой рефлекса, тогда как в дальнейшем при формировании рефлекса имеет место принцип синтеза составных частей раздражителя, и рефлекс уже не формируется на составные части раздражителя, а только на цельное составное раздражение.

Затем в исследованиях нашей лаборатории (др. Чмыхов) было установлено, что если вырабатывать сочетательный рефлекс на один раздражитель в одной конечности, а на другой конечности – рефлекс на другой раздражитель, то, при многократном применении раздражителя, который вызывает сочетательный рефлекс на соответствующей конечности, в случае внезапной замены его на второй раздражитель, мы получаем рефлекс не с соответствующей, а с противоположной конечности, вопреки нашим ожиданиям. То же самое явление мы наблюдали и в словесных рефлексах, в которых мы договорились называть «свет» светом, а «звук» звуком, мы, после целого ряда быстро следующих друг за другом звуковых раздражений при внезапной замене их светом получали рефлекс на этот свет в виде слова «звук» и наоборот. Этот процесс мы назвали принципом замещения.

В третьей работе (др. Добротворская), после того как мы договорились звук метронома отмечать легким ударом указательного пальца по резиновому баллончику – для записи на кимографе, при внезапной остановке метронома мы получили дополнительные удары в количестве одного, двух или даже трех в зависимости от скорости, интенсивности и числа его ударов. Все эти и подобные проявления, как и наблюдаемое обычно формирование сочетательных рефлексов при их выработке в определенный промежуток времени, мы обозначаем принципом инерции.

Наконец, на основании целого ряда исследований, еще в 1912 г. в своей «Объективной психологии» (стр. 467-510) я сформулировал принцип концентрирования в работе центров мозга, состоящий в том, что при возбуждении работающего центра достигается особое напряжение с одновременным подавлением работы других центров, причем этому сосредоточению возбуждения помогают раздражения, идущие с периферии и других центров благодаря образованным связям. Этот принцип проф. Ухтомским и др. позднее в ряде исследований разных отделов нервной системы был назван доминантой.

Таким образом, при работах с сочетательными рефлексамми в нашей лаборатории, помимо известных ранее принципов торможения и растормаживания, были установлены такие основные принципы работы коры мозга, как принцип дифференцирования, избирательного обобщения, анализа, синтеза, замещения, инерции, реципрокности и концентрации или доминирования.

В ряде других работ, касающихся детского возраста, которые я начал еще в 1909 г., и которые продолжают сейчас в сотрудничестве с д-ром Н.М. Щеловановым в основанном мною и Зиминим Педологическом институте, изучение постепенного нарастания сочетательных рефлексов и развития концентрирования (доминанты) со дня рождения дает возможность глубже проникнуть в механизмы развития личности и тем самым основать генетическую рефлексологию, что делает возможным не только лучше узнать вследствие многолетнего жизненного опыта сложную взрослую личность, но и установить этапы развития личности, что, с одной стороны, дает возможность опереться на строгие объективные диагностические признаки, проследить подлинное их развитие и определить основные принципы ухода и воспитания в младенчестве, на что до настоящего времени невозможно найти практически никаких соответствующих научных указаний.

Разработанный нами метод сочетательных двигательных рефлексов получил и практическое применение. Он показал, что дифференцировка сочетательных рефлексов стоит в тесной связи с дифференцированным порогом в ощущении (при световом и звуковом раздражении) и с кругами Вебера на кожной поверхности, что привело меня к выводу о возможности применения этого метода для распознавания глухоты, слепоты и кожной анестезии. Достаточно мнимо глухому давать рефлексогенное раздражение пальца электрическим током, совмещая его со звуковым раздражением, которое имеет место либо одновременно, либо на 2-3 секунды раньше электрического раздражения, чтобы после нескольких таких сочетаний получить защитный рефлекс пальцев рук и усиление дыхания без электрического раздражения или перед ним в начале звукового сигнала. Ничего подобного, конечно, не может возникнуть при действительной глухоте. Если речь идет о неполной глухоте, нужно использовать раздражение, которое, по заявлению больного, для него не слышно и выработать вышеуказанным образом сочетательный рефлекс. Тот же метод применим и для обнаружения симуляции и в других воспринимающих органах или трансформаторах внешней энергии. Этот способ, премированный на Дрезденской физиологической выставке высшей наградой, безупречен в смысле точности и неуловим для испытуемого, что имеет особое значение в случаях симуляции. Другое практическое применение нашли сочетательные рефлексы в терапии истерической глухоты, анестезии и паралича. Метод заключается в том, что при совмещении «неощутимого» первоначально раздражения с электрическим током вырабатывается сочетательный рефлекс, и далее это ведет к устранению возникающего торможения по отношению к внешнему воздействию. Этот метод кажется во многих случаях более простым и надежным, чем гипнотическое внушение, для восстановления разнообразных истерических анестезий. Тот же метод сочетательных рефлексов применим к воспитанию слепых, слепоглухонемых и глухонемых, а также отсталых детей в смысле приобретения ими тех или других навыков, как и при дрессировке животных, которая, в конечном итоге, основана на воспитании сочетательных рефлексов. Нечего и говорить, что теория сочетательных рефлексов применима к выяснению природы гипноза и внушения (см. W. Bechterev "La suggestion et son role dans l'activité psychique", Paris) и целого ряда патологических состояний, таких как половые и другие извращения, онанизм, разного рода фобии, включая состояние навязчивостей. Таким же образом, в развитии патологического сочетательного рефлекса и концентрирования (доминанты) мы находим ключ к объяснению патологических состояний личности, включая и общие неврозы.

Но главное, что теория сочетательных рефлексов во взаимосвязи с объективным изучением личности, которое я, как указывалось выше, начал разрабатывать на животных с середины 80-х годов и на людях с середины первого десятилетия текущего столетия и провел в ряде моих последующих работ, оказалась вполне пригодной для создания нового направления в изучении здоровой и больной человеческой личности, которое я назвал рефлексологией и которому был посвящен целый ряд моих трудов. Плодом их явились следующие мои большие труды: I. «Объективная психология» 1, 2 и 3 вып. (на русском), "Objektive Psychologie oder Reflexologie" Berlin; "Psychologie objective" Paris. 2. «Общие основы рефлексологии» 1918 (1-е изд.) и 1923 (2-е изд.), Петроград; 1926 г. (3-е изд.), Ленинград.

Среди прочего, приложение теории сочетательных рефлексов дало возможность объяснить развитие мимики и жестов с новой точки зрения, которая устраняет господствовавшие до сих пор в этой области принципы, установленные Darwin (см. "Journal de psychologie norm. et path." 1919, Nr.5).

Объективное изучение человеческой личности как явления биосоциального характера не могло не привести меня и к изучению коллектива как собирательной личности. В этой области теория ассоциативных рефлексов оказалась столь же плодотворной, как и в других областях, ибо коллектив как собирательная личность базируется на том или ином социальном объединении и через экономическое или другое раздражение проявляет себя, в сущности, через те же рефлексы, что и отдельная личность (подготовительные, наступательные, оборонительные, подражательные и др.).

Эта область исследования, ускользавшая до сего времени от экспериментального изучения, в последнее время в моих аудиториях и в школе стала предметом многостороннего применения коллективного эксперимента — предварительный доклад о результатах которого был сделан мной на 1-м Психоневрологическом конгрессе, проходившем в Москве в январе 1923 г. Общие же результаты рефлексологического исследования коллективной деятельности человека изложены мною в большом труде под названием «Коллективная рефлексология», Петроград, 1922 г.

В заключение этого цикла работ замечу, что при объективном исследовании как явлений социального порядка, так и проявлений отдельной личности, доказано не только существование полной закономерности, но и согласованность общих законов деятельности человека как в форме проявлений в виде отдельного существа, так и в виде коллектива, с основными законами физического мира. Сюда относятся законы инерции, дифференциации, частичного обобщения, анализа, синтеза, реципрокности, замещения и т.д., что дает основу для объединения гуманитарных и физико-биологических научных дисциплин в основных формах познания неорганического или физического, органического или биологического, а также над органического или социального мира (см. В. Бехтерев «Коллективная рефлексология», 1922).

Необходимо добавить, что благодаря моим публикациям, публичным выступлениям о рефлексологии человека и курсам в нескольких высших учебных заведениях, новая научная дисциплина сделалась крайне популярной и получила большое распространение в России. Это потребовало организации курсов для врачей и педагогов, причем первая кафедра рефлексологии в Петрограде была открыта по моей инициативе в Психоневрологическом Институте в 1908 г. и была представлена мною. Впоследствии с выделением Государственного Института Медицинских Знаний из Психо-Неврологического Института вышеозначен-

ная кафедра была передана в это учреждение, и я продолжаю замещать ее по настоящее время. Затем организация кафедры рефлексологии потребовалась в Петроградском Медицинском Институте и в Педагогическом институте педологии и дефектологии. Кроме того, в последнее время открылся курс коллективной рефлексологии. В этих институтах мне пришлось читать рефлексологию. Сейчас эти курсы получили дальнейшее разветвление в форме генетической рефлексологии и индивидуальной рефлексологии или типологии, которые читаются моими учениками. На проходивших в последние годы в России съездах по психоневрологии и по научной организации труда существовали особые секции рефлексологии, а в высших учебных заведениях были организованы особые рефлексологические курсы. В упомянутом выше Педагогическом Институте педологии и дефектологии образован особый Психолого-Рефлексологический факультет, который возник вследствие реорганизации рефлексологического факультета на высших Педологических курсах. Независимо от этого, в Ленинграде уже в течение многих лет существует возникшее по моей инициативе большое научно-медицинское учреждение – Патолого-Рефлексологический институт, который имеет 225 коек для больных и соответствующие лаборатории. В нашем Институте по изучению мозга создано большое отделение рефлексологии со специальными лабораториями, среди которых имеется рефлексологическая лаборатория для изучения трудовых процессов. Наконец, в последнее время в Ленинграде бывшее Общество нормальной и патологической психологии реорганизовано в Общество Нормальной и Патологической Рефлексологии, Неврологии, Гипнологии и Биологической Физики. В настоящее время рефлексология распространяется уже и по другим городам (Москва, Харьков, Одесса, Пермь и др.), а русские журналы отводят все больше и больше места на своих страницах работам рефлексологического характера.

Среди работ, посвященных изучению личности, должны быть названы мои работы в области гипноза.

Надо заметить, что изучение гипноза и его практическое применение в России встретило большие препятствия и торможение своего развития. Когда известный гипнотизер Hansen появился в Петербурге и производил успешные сеансы в аристократических кругах, он произвел в обществе большую сенсацию, и тогда решено было пригласить его в дом, хозяин которого занимал высокий медицинский пост. Туда же в качестве экспертов пригласили почти всех тогдашних психиатров Петрограда во главе с проф. Мержеевским. К несчастью, Hansen не удалось загипнотизировать никого из врачей, хотя многие были к этому готовы. Это могло объясняться не только примитивностью самих приемов гипноза (фиксация на стеклянном шарике), но, вероятно, еще и полной предубежденностью присутствующих врачей против самого Hansen и гипноза. Hansen потерпел фиаско. На ближайшем заседании Медицинского Совета (высший коллегиальный институт по медицинским делам) профессор Мержеевский внес предложение не только о том, чтобы впредь были запрещены все публичные сеансы гипноза, но чтобы и врачебное лечение гипнозом подчинялось тем же требованиям закона, что и совершение операции, т.е. с обязательным участием двух врачей. Административное распоряжение, изданное в силу этого постановления Совета, требовало от врачей предварительной подачи прошения для получения права лечения гипнозом и внушением, что, как легко представить, явилось почти равносильным запрету заниматься и лечить гипнозом и внушением – тем более что в обществе того времени господствовало большое предубеждение против

гипноза и применения суггестии в практике, поскольку многие, даже солидные врачи, считали это шарлатанством. Автор, начавший заниматься гипнозом и внушением в России с конца 80-х годов, поставил себе целью рассеять среди врачей и в публике предубеждение против применения гипноза в практике. Когда я в 1893 г. перенял кафедру в Петербургской Академии, то я открыл лекционный курс гипноза в Академии с демонстрацией больных, а впоследствии мною также читались лекции в Медицинском Институте и в Государственном Институте Медицинских Знаний. В последних институтах эти лекции читаются мною до сего времени. Эти лекции, помимо большого числа студентов, привлекали много врачей и другой интересовавшейся гипнозом публики, и, тем самым, посредством этих лекций знания о гипнозе и внушении широко популяризировались не только среди врачей и медиков, но и среди широкой публики. Мало-помалу предубеждение против гипноза рассеялось, что по истечении нескольких лет дало мне как члену Медицинского совета возможность, в связи с репрессиями со стороны органов власти, направленными против врача Mazkewicz, осмелившегося применять лечение гипнозом в одном случае без соблюдения необходимых формальностей, после обсуждения этого вопроса на Пироговском Конгрессе внести предложение о снятии ограничений для применения гипноза во врачебной практике. Состоявшаяся по этому случаю отмена прежнего постановления Медицинского Совета дала возможность русским врачам свободно пользоваться гипнозом и суггестией и широко вводить их в практику.

Мои научные работы по гипнозу были направлены на констатацию объективных признаков гипноза и суггестии, особенно в направлении реализации суггестии, посредством фотографирования мимики при внушениях эмоционального характера, затем мне удалось показать, что внушенная слепота у истерической женщины, находящейся под гипнозом, при самых тщательных исследованиях зрения с помощью аппарата Snellen и других специальных приспособлений является действительной слепотой, подобной истерической, а не воображаемой или симулированной слепотой. Далее, в сотрудничестве с др. Нарбуттом, я показал то же самое и относительно внушенной анестезии и гиперестезии, путем исследования на колющее раздражение в первом случае и на тактильное раздражение дыхательных и сердечно-сосудистых рефлексов во втором случае. Было установлено, что при внушенной в гипнозе анестезии глубокие уколы не вызывают соответствующих рефлекторных изменений дыхания или пульса, тогда как при внушенной гиперестезии прикосновение тупым концом булавки вызывало резкий эффект учащения не только дыхания, но пульса. Воспроизведение в состоянии гипноза всего того, что происходило в припадках сомнамбулизма, указывает на родство гипноза с естественным сомнамбулизмом. Затем мною были приведены данные собственных наблюдений в пользу того, что гипноз не есть только внушенный сон, как учил Bernheim, а он вызывается и физическими приемами в условиях, устраняющих всякую возможность влияния внушения. В одном случае, состоявший под моим наблюдением известный невропатолог, страдавший поражением позвоночника, подобным раковому, и сам хорошо знавший методы суггестии, демонстрировал умеренный гипноз по методу Bernheim и погружался в глубокий гипноз только после продолжительного пассивного вращения стоп. Природа собственно гипноза как состояния была освещена мною с биологической точки зрения, и мной был разработан специальный метод лечения суггестии в форме перевоспитания, в смысле подавления болезненных проявлений посредством отвлечения, с одной стороны, и усиления активного сопротивления болезненным состояниям посредством сублимации, с другой.

В дальнейшем, общественное значение внушения было подробно освещено мною в специальных работах.

Наконец, гипноз был использован мною и в форме эксперимента для изучения галлюцинаций, причем мне удалось доказать, что локализация внушенных в гипнозе галлюцинаций, подобно галлюцинациям, испытываемым больными, соответствует направлению концентрации, которая вызывается либо суггестией, либо теми или иными внешними раздражителями.

Плодом моих исследований в области гипноза и суггестии, помимо отдельных работ, помещенных в различных журналах, явились две моих книги: 1. «Гипноз, внушение и психотерапия» (русский) и 2. “Suggestion und ihre Rolle im sozialen Leben”, Leipzig, 1899 г. Последняя книга переведена с соответствующими дополнениями автора на французский язык: “La Suggestion et son role dans la vie sociale”, Paris.

Мои клинические работы относятся к выяснению и применению объективных методик как при неврозах, так и при болезнях личности (соответственно, душевных болезнях), к описанию новых и оценке диагностического значения уже известных симптомов болезней, к выяснению природы и локализации тех или иных болезненных состояний, к описанию новых форм заболеваний, а также к профилактике и терапии нервных заболеваний и болезней личности.

Из описанных мною новых симптомов нервных болезней я ограничусь указаниями на важнейшие из них. Прежде всего, мной были изучены не бывшие еще предметом внимания других исследователей рефлексы. Из них отмечу как важнейшие на верхних конечностях:

1. Скапулярный (при постукивании по краю лопатки вблизи ее кости);
  2. Метакарпальный (в форме сгибания пальцев при постукивании по области плюсны на нижних конечностях);
  4. Сгибательно-пальцевой (рефлекс Бехтерева или Мендель-Бехтерева);
  5. Тыльный сгибательный при уколах в тыл стопы и
  6. при быстром сгибании пальцев стопы;
  7. Тиббиальный рефлекс (при постукивании по берцовой кости);
  8. Сакролюмбальный рефлекс у больных со спастическими параличами при постукивании плессиметром по сакро-люмбальным отделам;
  9. Глазной или орбикулярный рефлекс (при постукивании перкуссионным молотком вокруг глаза по лобной и носовым костям),
  10. Носовой при механическом раздражении носовой полости,
  11. Мигательный звуковой и
  12. Несколько мышечных рефлексов – ментальный, губной, щечный (при постукивании по мышцам щеки и по мышцам верхней губы и подбородка и скуловой кости), затем суперцилиарный и фронтальный рефлексы.
- Из брюшных рефлексов был мною отмечен, кроме прочих,
13. Гипогастрический или супраингинальный, которые получают при штриховом раздражении внутренней поверхности бедра под пупартовой связкой и которые характеризуются сокращением самых нижних брюшных мышц. Кроме этого, мною впервые были введены в невропатологию и разработаны исследования

14. Костных рефлексов, которые ранее не принимались во внимание как диагностические методы. Из патологических рефлексов мной описан также в судебно-медицинской практике для диагностики травматических неврозов

15. Важный зрачковый рефлекс, характеризующийся расширением зрачка при нажатии на болезненный рубец.

Из других диагностических симптомов в нервных болезнях хотелось бы отметить:

1. Потеря болевой чувствительности *Mm. gastrocnemii* как ранний симптом при *tabes dorsalis* и анальгезия при компрессии *N. poplitei*, проявляющаяся в большинстве случаев анальгезией при постукивании *n. ulnaris* (симптом Бернатского).
2. Болезненность подошвенной точки, остающаяся долгое время после неврита и служащая опорным пунктом для различения перенесенного множественного неврита от полиомиелита (9).
3. Неспособность больных, страдающих ишиасом, поднимать пораженную конечность на одинаковый уровень с вытянутой здоровой нижней конечностью.
4. Мною описан, как дополнительный симптому Lasseque, признак появления боли при вытяжении нижней конечности, пораженной ишиасом как четкий диагностический признак этого поражения, который состоит в том, что быстрое механическое разгибание коленного сустава при поднятой конечности вызывает резкую боль в подколенной области.
5. Болезненность скуловой дужки при постукивании врачом молоточком как признак внутричерепного поражения на основании мозга.
6. Установление поверхностной и глубокой (через плессиметр с большой силой) чувствительности по костям позвоночника и черепа к постукиванию как диагностический прием, в первом случае свежих, во втором – старых поражений мозга.

Из работ, относящихся к симптоматологии нервных болезней и болезней личности, хотелось бы отметить как важнейшие следующие работы:

1. Описанный впервые мной и позднее П. Останковым симптом кажущегося существования мнимых конечностей в случаях органического поражения мозга (*pseudomelia paraesthetica*).
2. Временное появление мелких шажков во время ходьбы после энцефалитического паркинсонизма и
3. (Совместно с доктором Шумковым) Развитие односторонних расстройств кожной чувствительности при местных травмах, как естественных, так и искусственных экспериментально вызванных с исключением условий, вызывающих суггестию и испуг. Это опровергает обязательность психогенного происхождения этих расстройств чувствительности, на чем настаивают такие авторы, как Babinski (Париж).

Из работ, относящихся к симптоматологии болезней личности, хочу отметить:

1. Работы по температуре и калориметрии душевнобольных;
2. Работы, посвященные галлюцинациям в целом и, в особенности, условиям, определяющим локализации галлюцинаций в пространстве (эксперимент с помощью гипноза);
3. Выяснение механизма развития фобий и
4. Извращенных половых влечений с позиции сочетательных рефлексов.

Из моих терапевтических достижений укажу пользующуюся в России большой известностью микстуру из адониса, брома и кодеина, предложенную мной против эпилепсии и неврозов в целом, которая в России имела большой успех и получила название микстура Бехтерева. При эпилепсии ее употребление может

быть совмещено с небольшими дозами люминала (или веронала), причем одновременное употребление обоих препаратов (микстура и люминал) в настоящее время считается одним из лучших симптоматических средств против припадков эпилепсии.

Из описанных мною новых форм болезней я упомяну об особой форме тугоподвижности позвоночника, сопровождающейся резко выраженными неврологическими симптомами (болями, парезами, атрофиями, изменением сухожильных коленных рефлексов и др.) без поражения больших суставов. Эту форму одеревенелости часто называют болезнью Бехтерева, в отличие от болезни, описанной Strümpel, мною и Marie, представляющей собой настоящий анкилоз позвоночника с хроническим поражением больших суставов конечностей. Поражения позвоночника, обнаруживаемые при патолого-анатомических исследованиях, показывают, что при первой болезни речь идет о хроническом поражении мягких мембран и об одеревенелости позвоночника с атрофией хрящей, но без ясно выраженного анкилоза, который может наступать на более поздних стадиях заболевания. В спинном мозге обнаружена дегенерация волокон, которая, главным образом, более резко выражена по периферии.

5. Затем под названием *hemiplegia apoplectica* я описал остро развивающееся заболевание мозга, носящее характер длительной апоплексии, но вместо паралича у больных сразу или после кратковременного пареза развивается резкое тоническое мышечное напряжение на одной половине тела, особенно резко выраженное в конечностях, что мешает больным пользоваться пораженными конечностями. Особенно характерно при этом заболевании то, что здесь идет речь о тонической контрактуре моторного характера, поскольку, например, рука может быть согнута в кисти, но при общих движениях больной кисть временно может принимать разогнутое положение, при этом не возникает атетоза, кожная чувствительность, как правило, обычно остается интактной, как и умственные способности. Далее

6. Мною описан сифилитический рассеянный склероз, представляющий собой рассеянное заболевание спинного и головного мозга с парезами конечностей и лица, затруднением речи и характером псевдобульбарного паралича с дрожанием вытянутых пальцев, насильственным плачем, повышением сухожильных рефлексов и другими симптомами, причем эта болезнь, подобно рассеянному склерозу, развивается приступообразно. При вскрытии в одном случае у больного был обнаружен множественный специфический процесс в виде мелких плотных на ощупь гнездовых поражений, захватывающих сосуды и корешки спинного мозга с гуммой величиной с небольшое лесной орех, в *thalamus opticus* с изменениями сосудов *Heubner* не только в местах поражения спинного мозга, но и в больших сосудах основания мозга. Микроскопическое исследование пораженных областей выявило сосуды с резко выраженным люэтическим артериитом и разрастанием соединительной ткани по окружности, а также вторичной дегенерацией волокон. От настоящего рассеянного склероза болезнь отличается специфической этиологией и атипичностью картины (нет характерной скандированной речи, типичного интенционного тремора и характерных изменений глазного дна); а также специфическим изменением центральной нервной системы и вторичной дегенерацией в ней и т.д.

Кроме того, 7. мною описана особая форма лицевого тика в виде характерных мимических движений, возникающих время от времени без возможности для больных удерживаться от них. Обычно тик в этих случаях постоянно повторяет одну и ту же гримасу, например, может быть смеющийся тик, шепчущий тик, носовой тик с характером одностороннего втягивания носовой слизи и т.п.

8. При алкоголизме мной описано впервые наблюдавшееся болезненное состояние с характером острой мозжечковой атаксии.

9. Из числа местных невротозов я также описал акроэритроз, характеризующийся резким расширением сосудов кистей, а иногда и стоп, не сопровождаемым какими-либо резкими явлениями в форме болей. Иногда этот невротоз сопутствовал эпилепсии, но в некоторых случаях проявлялся в виде совершенно самостоятельного заболевания, не связанного с какими-либо другими общими или местными формами заболевания.

10. Затем, мной описана под названием *epilepsia choreica* особая разновидность эпилепсии с тикообразными судорожными движениями, нарастающими ко времени припадков и затем значительно ослабевающими после припадка. Это состояние, очевидно, является родственным неразвернутой болезненной форме (Form von Unverrichtverwandt), известной под названием *myoclonia epileptica*.

11. В области общих невротозов мной и др. Шумковым («Невротозы местной контузии») описаны несколько новых, до того времени неизвестных форм фобий и навязчивых состояний, например: боязнь чужого взгляда, навязчивое потение рук, навязчивая улыбка и навязчивая рвота, страх подавиться, боязнь опоздать, боязнь коитуса (у мужчин и женщин), боязнь покраснеть (независимо от Pitres), а также профессиональные фобии (как, например, у церковнослужителей боязнь великого выхода во время богослужения, сценическая лихорадка у певцов и т.п.).

12. Среди болезней личности мной была описана особая форма заболевания с бредом нахождения под гипнозом (гипнотическое очарование или бред одержимости гипнозом) под названием *paranoia suggestion delira*. В этом случае речь идет о больных, которые верят, что они находятся под гипнозом других людей, вследствие чего они вынуждены действовать не по своей воле, а под влиянием гипнотизирующих лиц (раздвоение личности). Галлюцинации могут быть, но обычно с характером псевдогаллюцинаций. Больные иногда считают, что гипноз на них наводят с какой-либо бесполезной для них самих целью, например, для их лечения, в других случаях полагают, что применение к ним гипноза производится недоброжелателями, и просят врача разгипнотизировать их, снять с них гипноз путем контргипноза. В отличие от *paranoia chronica*, болезнь не имеет длительного продромального периода. Кроме того,

13. Мною описаны такие формы галлюциноза периферического происхождения, как, например, парасмофрения – болезненное состояние, связанное с раздражением оболочки *Schneider*, при котором больных преследуют запахи, которые, по их словам, исходят от них самих, чаще всего, газы, исходящие из ануса, мошонки и т.п. Слуховой галлюциноз также периферического происхождения, где речь идет об обильных, исключительно слуховых галлюцинациях, развивающихся у предрасположенных лиц в связи с хроническим поражением среднего уха, причем эти галлюцинации сопровождаются обильными акузмами в форме звона, свистов и т.п. В связи с этими галлюцинациями у больных могут развиваться бредовые идеи, но, как правило, эти бредовые идеи не касаются объяснения происхождения голосов какими-либо влияниями извне. В типичном случае это болезненное состояние не имеет ничего общего с алкоголизмом и алкогольным галлюцинозом, хотя по своим проявлениям болезнь может иметь много общего с последним.

14. Одержимость гадами (*reptilofrenia*), характеризующаяся бредом о содержании в желудке живых рептилий, например, змей, лягушек и т.п. Этот бред, очевидно, развивается в связи с раздражениями в области внутренних нервов

желудка и кишок. Больные в этих случаях могут не только ощущать движения живых существ в желудке, но иногда и слышать кваканье лягушек и тому подобное.

15. Соматофрения с бредом, относящимся к поражению внутренних органов, с постоянными жалобами на боли внутри тела, общее тяжелое состояние с резко выраженным сердцебиением и общей слабостью. Обычно дальше мнимого поражения внутренних органов бред этих больных не идет.

В последние десятилетия мои усилия были направлены на то, чтобы помочь психиатрии как науке о больной личности, подобно науке о здоровой личности, выйти из тисков субъективизма и, подобно объективному биосоциальному изучению личности (рефлексологии), сделать и психиатрию объективным знанием. Ряд работ в этом отношении уже дал возможность начертить общий план объективной, базирующейся на биосоциальном основании, научной дисциплины, именуемой мною патологической рефлексологией. Если мне удастся завершить этот труд, ныне подготавливаемый к печати, до конца, я буду считать свою жизненную задачу выполненной.

В заключение отмечу, что в России, стране во многих отношениях отсталой и малокультурной, человеку науки приходится отвечать на различные вопросы больного социального существования. Этим объясняется то, что помимо организации ряда учреждений общественного значения и учреждения Психоневрологической Академии, Института по изучению мозга и др., мне приходилось и приходится, отрываясь от своей работы, уделять значительную часть моего времени вопросам общественного характера. К этому относятся мои статьи в газетах и выступления на конгрессах и собраниях об условиях развития личности в России, о нервно-психическом здоровье населения России, о самоубийствах, преступности и возможных мерах по борьбе с ними, о вреде алкоголизма и борьбе с ним, и, наконец, по вопросам научной организации труда, воспитания и образования, в частности, по вопросам воспитания в младенческом и раннем детском возрасте, еще мало разработанным научно.

Авторские ссылки В.М. Бехтерева:

1) Научное изучение гипноза и суггестии я начал еще в 1892 г. тогда, когда они не принимались всерьез в России, тем более что их практическое применение подвергалось определенным ограничениям вследствие предписания Медицинского совета. Эти ограничения по моему прошению были сняты на рубеже 20 века.

2) Позднее это разделение стриальной и паллидарной систем было подкреплено сравнительными анатомическими исследованиями, и причем *n. caudatus* вместе с *putamen* обозначаются в силу более позднего филогенетического развития именем *neostriatum*, а *gl. pallidus*, как более старое образование, обозначается именем *paleostriatum*

3) Многими авторами связь *neostriatum* с корой мозга совершенно отрицается.

4) Французские авторы, признававшие лишь чувствительные функции зрительных бугров, исходили из часто встречающихся случаев поражения бугров со стороны внутренней капсулы, вследствие чего в этих случаях могла идти речь только о поражении одного наружного воспринимающего чувствительного ядра зрительного бугра, тогда как внутреннее ядро, заведовавшее мимикой, оставалось интактным.

5) Kurt Goldstein (Frankfurt a. M.), die Topik der Grosshirnrinde in ihrer klinischen Bedeutung. Deutsche Zeitschr. für Nervenheilkunde, Bd. LXXVII, S. 79.

6) Перевод этой работы был опубликован в "Revue scientifique", 1906

7) Имеется перевод этого сочинения на немецкий язык "Objektive Psychologie oder (Psycho-)Reflexologie", Berlin, и на французский язык "Psychologie objective" Paris.

8) См. В. Бехтерев «О значении исследования двигательной сферы и пр.», «Русский врач», 1909.

9) Болезненность подошвенной точки также толковалась позднее в родо-вспомогательной практике как ранний признак беременности»

Далее в монографии приводится список, состоящий из 118 опубликованных научных работ В.М. Бехтерева, начинающийся диссертационной работой, выполненной в 1881 г. Работы под № 93-97 датируются 1925 г., №103 даже 1926 г., стало быть, монография была опубликована в 1926 г. или даже в 1927 г.

5. «АВТОБИОГРАФИЯ (ПОСМЕРТНАЯ)

СОВЕТСКАЯ СТРАНА ДОЛЖНА ЗНАТЬ СВОИХ УЧЕНЫХ

Октябрьская революция претворяет в жизнь лозунг, объявленный Фердинандом Лассалем о «союзе науки и рабочих, которые, слившись воедино, раздавят в своих железных объятиях все препятствия, стоящие на пути к культуре» (из записок речи Лассала на его процессе 16 янв. 1863 г.).

Первоначальная, обычно выжидательная, позиция научных работников по отношению к пролетарской революции сменилась деловым сотрудничеством с революционной властью, властью, ставящей себе целью перестройку огромной страны по заранее выработанному и научно обоснованному плану. Уже на 7-м году революции тов. Ю. Ларин писал, что «пролетарский режим уже разрешил задачу приобщения к действительно находящимся в его распоряжении ресурсам того концентрированного воплощения всей технической культуры, оставшейся в распоряжении страны от ее прошлого, которое заключено в головах этих нескольких сотен человек» (Ю. Ларин «Интеллигенция и советы». ГИЗ. 1924 г.).

Под руководством коммунистической партии миллионы трудящихся перестраивают в Советском Союзе весь жизненный уклад и в первую очередь – хозяйство, на новых, социалистических основах, и «несколько сотен человек», наши советские ученые, иногда сами этого не замечая, находятся в первых рядах на фронте социалистического строительства.

В тиши лабораторий и научных институтов, в далеких экспедициях ученые СССР вырабатывают и кропотливо проверяют научные методы, с помощью которых трудящиеся Советского Союза легче и быстрее смогут рационализировать наше хозяйство и весь уклад советской жизни.

И поэтому широкие трудящиеся массы проявляют большой интерес к жизни и деятельности научных работников.

Нашей советской молодежи весьма полезно узнать о трудностях, через которые должны были пройти те, чьи имена теперь известны всему ученому миру.

Мы обратились к виднейшим советским ученым с просьбой предоставить свою автобиографию, где, кроме обычных биографических сведений, должны быть очерчены: 1) бытовая и социальная обстановка, в которой сложилась творческая личность ученого; 2) проблемы, которые ставил перед собой научный работник; 3) методы (основные), с помощью которых эти проблемы разрешались; 4) те внешние обстоятельства, которые толкали мысль ученого к правильному разрешению пос-

тавленной проблемы; 5) проблемы, разрешить которые предстоит в той области науки, в которой преимущественно работает, данный ученый.

В журнале «Огонек» за 1927 г. мы опубликовали ряд автобиографий в значительно сокращенном виде, в частности в № 33 в 1927 году была опубликована в сокращенном виде автобиография недавно скончавшегося почетного академика Владимира Михайловича Бехтерева.

Опубликованием данной автобиографии полностью, мы начинаем в Библиотеке «Огонек» серию, в которой будут помещены автобиографии президента Академии наук СССР А.П. Карпинского, академиков А.Ф. Иоффе, Н.Я. Марр, В.Н. Ипатьева, С.Ф. Ольденбурга, почетного члена Академии наук О.Д. Хвольсона, величайшего путешественника П. К. Козлова и ряда других ученых, работы которых известны далеко за пределами Советского Союза.

Максим Горький в письме от 3 апреля 1927 г., между прочим, спрашивает:

«Будете ли вы продолжать печатание очень удачных статей: Советская страна должна знать своих ученых? И почему бы «Огоньку» не повторить в сокращенном виде Павленковские биографии».

Если ознакомление широких читательских масс с жизнью и деятельностью виднейших советских ученых хоть сколько-нибудь поможет раздвинуть стены кабинетов наших ученых, приблизит читателя к лаборатории научной мысли, познакомит его с бытом наших ученых и установит правильный взгляд на важность и ценность научной работы, мы будем считать, что цель наша достигнута.

Л. Рябинин.

Автобиография президента Государственной Психо-Неврологической Академии и директора Государственного Рефлексологического Института по изучению мозга – академика – профессора Владим. Мих. Бехтерева.

Мое раннее детство протекло частью в условиях сельской жизни наиболее глухих мест Вятской губ., например, в полурусском, полувотятском селе Унинском, Глазовского уезда, частью в небольшом, не менее, пожалуй, захолустном гор. Глазове, частью в самом городе Вятке.

Мои детские впечатления были самые отрадные, несмотря на то, что я потерял отца на девятом году жизни и в семье, кроме матери, нас осталось трое братьев: старший – Николай, средний – Александр и младший – я. С братьями у нас установилась взаимно-дружеская жизнь, но со смертью отца началась для нас крайне тяжелая в материальном отношении жизнь. Мать и мы трое остались почти без всяких средств к существованию, кроме небольшого двухэтажного дома в г. Вятке с небольшим флигельком, в котором вся семья и уютилась. Скучный доход в виде ежемесячной платы с жильцов, что-то в общей сложности около 20 руб. в месяц – вот все, что могло быть ресурсами к предстоящей жизни. К счастью, мать, будучи женщиной образованной по своему времени, поставила себе целью жизни дать своим детям образование.

О своем же отце скажу лишь несколько слов, ибо его мала помню. По нраву он был человеком добродушным и живым, несмотря на свою болезнь – чахотку.

Как сейчас, помню целую комнату в селе Унинском, отделенную решеткой от входа, с большим деревом посередине, где птицы порхали и гнездились, пользуясь той свободой, какую допускало помещение.

Благодаря, очевидно, этому, уже в детстве у меня развилась невинная страсть собирать гербарии, коллекции насекомых, а позднее и менее невинная страсть к охоте, которая, впрочем, увлекала более всего тем, что давала возможность быть среди природы, слушать крик болотного коростеля, водяной курочки, заунывный голос иволги, кудахтанье тетеревов. Все это со временем отпало, но оставило неизгладимую любовь к естествознанию. Эти условия вовлекли меня еще в гимназии в чтение книг по естествоведению и наукам, над которыми я просиживал ночи. Большую службу в этом отношении мне сослужила Вятская публичная библиотека, богато снабженная, в числе других, и книгами естественно-научного содержания. Полагаю, что не было сколько-нибудь известной популярной книги по естествознанию в каталоге библиотеки, которая бы не побывала в моих руках и не была более или менее основательно проштудирована с соответствующими выписками. Нечего говорить, что такие книги того времени как Писарева, Португалова, Добролюбова, Дрэпера, Шелгунова и др. прочитывались с увлечением по много раз. Нашумевшая в то время теория Дарвина была, между прочим, предметом самого внимательного изучения с моей стороны. На беду, как-то в 4-ом классе гимназии, была задана тема «Человек – царь природы». Я решил, что такая тема очень подходит к изложению моих познаний в части, относящейся к дарвинской теории. Набравшись смелости, я постарался развить эту теорию в применении к заданию. Посидев несколько вечеров, написав и исправив написанное, я перебежал и подал довольно солидную тетрадь нашему учителю словесности. В классе на моем сочинении он особенно остановился, не в пример прочим, и стал развивать мысли, что теория Дарвина подвергается сомнению, что она не доказана и неверна и после этого назидания, которое я должен был выслушивать стоя, по крайней мере, с ¼ часа, передал мне мое сочинение с баллом 3 с двумя минусами.

Наконец, я дотянул до 7 класса, к концу которого нас застала толстовская реформа с прибавлением 8 класса, со сдачей экзаменов на аттестат зрелости. Эта реформа нас всех буквально огорошила. Но выручил случай. Тогдашняя медико-хирургическая академия объявила о приеме на прежних основаниях. Вести об этом в Вятке до нас, гимназистов, дошли очень поздно. Узнав об этом случайно от заинтересованных в этом троих товарищей, я решил поехать за счастьем вместе с ними.

Время моего пребывания в академии было временем бурных студенческих волнений. То и дело были студенческие сходки, «студенческие беспорядки» по тогдашней терминологии, демонстрации и, между прочим, знаменитая на Казанской площади и т. п. Особенно бурными были сходки в стенах академии, из-за недовольства проф. Ционом, закончившиеся выходом последнего из академии. С одной стороны, не иссякло еще стремление хождения в народ в целях его просвещения по примеру известной Брешко-Брешковской, с другой – выявлялись уже новые устремления в сторону террористических актов, которые позднее обозначились именами Фигнер, Веры Засулич, Халтурина, Желябова, Перовской и мн. др. Эти имена, когда я был уже молодым врачом, были у всех на устах и призывали всю передовую молодежь, если не к действию в духе тех же устремлений, то, во всяком случае, к глубоким симпатиям к каждому террористическому акту.

Но еще во время моего студенчества некоторая его часть направилась на фабрики для политической пропаганды и, объединившись с рабочими на определен-

ной платформе против тогдашней власти, устроила знаменитую демонстрацию на Казанской площади 6 декабря 1876 г. Как известно, это было первое выступление интеллигентной молодежи с рабочим классом, и, само собой разумеется, выступление было организовано не иначе, как по инициативе революционной интеллигенции. В этом отношении я в корне расхожусь с Плехановым, у которого читаем: «В Чернышевской демонстрации (т. е. в похоронной демонстрации замученного в тюрьме студента Чернышева. Авт.) рабочие не принимали участия... И вот рабочим з а х о т е л о с ь сделать с в о ю демонстрацию, и при-том такую, которая своим резко революционным характером совершенно затемнила бы демонстрацию интеллигентов».

Прежде всего, в чернышевскую демонстрацию студенчество не могло привлечь к участию рабочих просто потому, что замученный студент взбудоражил умы студенчества, а времени было недостаточно, чтобы организовать еще и рабочую демонстрацию. Другое дело – казанская демонстрация, для подготовки которой было достаточно времени, и на которой впервые приняли участие рабочие вместе со студенчеством. Но можно ли допустить, что рабочим з а х о т е л о с ь устроить с в о ю демонстрацию, – выходит, как будто, в виде компенсации за неучастие в чернышевской демонстрации. Конечно, нет. Очевидно, Плеханов упустил из виду закон эволюции, которому подлежало и народничество. Несмотря на первоначальную идеологию народничества в сторону поднятия крестьянства, в последующее время внимание революционной интеллигенции, несомненно, направилось и на рабочую массу, среди которой в 70-х годах, главным образом, революционным студенчеством, в том числе и нашими товарищами по академии, была поведена усиленная пропаганда. В силу этого на казанскую демонстрацию, состоявшую в большинстве из студенчества, откликнулся и рабочий класс, хотя и в меньшинстве, всего 200-250 человек, не так, как предполагалось, но, во всяком случае, не потому, что будто бы (по утверждению Плеханова) «рабочим захотелось устроить свою демонстрацию особо». На казанской демонстрации студенчество играло руководящую роль, говорило зажигательные речи, выкидывало над головами толпы революционные лозунги на красных пузырях, взвивавшихся кверху в разных местах сплотившейся толпы. Не отставали от студенчества и рабочие ни в речах, ни в действиях. Рабочий Яков Потапов, поднятый на руках, развернул перед толпой знамя с надписью «Земля и Воля» при шумной овации всей толпы.

Но вся эта бурность студенческой жизни, постоянная тревога за возможность подпасть под действие политической репрессии со стороны зоркого ока власти, хотя и затрудняла прохождение курсов, но все же не отстранила меня от занятий по академии, которым я отдавался всегда с жаром в свободное время. Какой-то счастливый рок спас меня от ареста и других последствий суровой Немезиды, которые постигли многих из моих сородичей и ближайших товарищей. Как раз не задолго до ареста многих из моих сородичей и товарищей по курсу, в конце 1873 года, я заболел тяжелой неврастенией и был помещен в клинику проф. Балинского, но вскоре оправился.

Проходя курсы академии, я интересовался почти всеми предметами, каждым в своем роде, но, дойдя до 4-го курса, я остановился на специальности нервных и душевных болезней, которые читались до сего времени И.М. Балинским и, за его выходом по выслуге лет с 1876 г., временно его замещавшим И.П. Мержеевским, впоследствии профессором психиатрии в академии. Эта специальность мне казалась из всех медицинских наук того времени наиболее тесно связанной

с общественностью и, кроме того, увлекала вопросами о познании личности, связанными с глубокими философскими и политическими проблемами, и это решило мой выбор.

Небольшой перерыв в моих студенческих занятиях произошел в период весны и лета 1877 года, когда я вместе с несколькими товарищами студентами отправился на театр военных действий на Балканах. Тогда же я начал свою литературную деятельность, корреспондируя с театра военных действий в «Северный Вестник», и затем кое-что из санитарной области военного времени напечатал в «Русской Правде». И то и другое под псевдонимом «Санитар» (1).

По окончании академии мне посчастливилось по конкурсу остаться для подготовки к профессорской деятельности.

Состоя в Институте усовершенствования врачей, я избрал своей специальностью клинику проф. И.П. Мержеевского. В виду же незаконченности военного положения (до Берлинского трактата) оказалось возможным вступить в Институт для подготовки к профессорскому званию лишь в 1881 году. Но и все предшествовавшее время, в положении прикомандированного к клиническому военному госпиталю врача, мне удалось провести в научных занятиях при той же клинике.

Начав заниматься по нервным и душевным болезням, вскоре я должен был убедиться, что анатомо-физиологическая база этой важнейшей отрасли медицины до чрезвычайности не разработана, и что развитие учения о нервно-психических болезнях не может осуществляться без выяснения вопросов, связанных со строением и функциями мозга. В то время по отношению к мозгу имело еще полное для себя оправдание старое выражение: *“Rexturaobscura, funcionesobscurissimae”* («строение темно, функции весьма темны»). Желание пробить брешь в этой темноте, пролить в нее какой-нибудь свет и послужило основанием к тому, что, наряду с клиникой, я с самого же начала занялся изучением мозга и вообще принялся за разработку вопросов, связанных с его строением и функциями.

В 1881 г. мне удалось, как говорили тогда, блестяще защитить докторскую диссертацию на тему о температуре тела душевнобольных. Все вместе взятое в том же году дало мне возможность, согласно предложению И.П. Мержеевского, выступить аспирантом на звание приват-доцента по душевным и нервным болезням. По прочтении двух пробных лекций в конференции академии, я, таким образом, еще до командировки за границу успел приобрести звание приват-доцента по душевным и нервным болезням.

Надо сказать, что очень рано меня посетила любовь, и я женился уже вскоре по окончании курса на Наталии Петровне Базилевской, дочери передового земского деятеля на юге, переехавшего затем на службу в г. Вятку и жившего с семьей квартирантом в нашем доме. Там и произошло мое первое знакомство с моей будущей женой. Женитьба, однако, не отвлекла меня от научных занятий, но все же вынуждала к врачебной практике, ибо скудного жалованья начинающего военного врача, равнявшегося в то время 333 р. с 33 коп. в год, конечно, не хватало даже и на жительство холостяка.

В положении начинающего врача, вынужденного искать заработок помимо своей службы, да еще готовящегося к дальнейшей научной работе, довольно трудно было уделять время общественной деятельности, которая к тому же для того времени могла сводиться к революционному подполью; но все же, помимо научных работ, я не весь погрязал в болоте врачебно-практической деятельности, но отдавал то или другое время и интересам вновь обострившейся тогда, после

жестокой репрессии, связанной с подавлением народничества, революционной общественности. Чаще всего на своих скромных врачебных приемах мне приходилось встречаться с людьми, которые, стоя ближе к жизни, могли в приятельской беседе осведомлять меня о положении общественного пульса и за этими разговорами, мы, бывало, засиживались многими часами. К счастливым моментам этих бесед относится одно событие в моей жизни, которое вспоминается мне теперь с некоторым удивлением, и о котором мне напомнил много лет спустя, в период временного правительствования, известный анархист Кропоткин. Стучилось так, что мы ехали с Кропоткиным в одном вагоне на знаменитое в своем роде, но совершенно бесплодное по своим результатам демократическое совещание в Москву. Узнав, что едет в соседнем купе Кропоткин, я хотел с ним познакомиться, ибо его имя импонировало мне, с одной стороны, его революционным прошлым и, с другой стороны, тем, что мы находились с ним в научной связи по вопросам, касающимся взаимопомощи, как важного фактора в эволюционном процессе, о чем мне приходилось писать неоднократно (2). Он вышел в коридор, и здесь мы встретились. Я назвал свое имя. «Ах, я вас знаю, — ответил он, — вы спасли мне жизнь». — Как так? Ничего не припоминаю. — И он рассказал мне, как, когда он жил в Париже, в мансардах, пришел к нему один молодой человек и заявил о необходимости принять меры предосторожности в виду того, что в Петербурге, в «священной дружине», возглавляемой тогдашним командующим петербургским военным округом, вел. кн. Владимиром Александровичем, созрел план убийства Кропоткина за границей. Он переспросил пришельца: «От кого это оповещение?» Ответ указал на меня. «В таком случае, добавил Кропоткин, известие заслуживает доверия». — «Я принял меры, — добавил Кропоткин, — поспешив своим переездом из Парижа». Дальнейший наш разговор касался чисто научной темы и Кропоткин с увлечением стал обмениваться со мной мыслями о законе взаимопомощи в живой природе.

Рассказ Кропоткина напомнил мне почти забытое мною событие. Во время одной из бесед на врачебном приеме мы разговорились с одним из хорошо знакомых мне пациентов о «священной дружине», и он мне под большим секретом передал, как новость, циркулировавший в сферах слух об особом постановлении «священной дружины» насчет убийства за границей опасного анархиста Кропоткина, бегство которого из-под стражи Николаевского госпиталя явилось в свое время в буквальном смысле слова ошеломляюще-сенсационным событием. Оказалось, что один из близких моих знакомых в скором времени должен был ехать в Париж. Ему и была передана мною соответствующая информация с непременным условием отыскать в Париже Кропоткина и предупредить его о готовящемся заговоре с целью убийства его.

После того, как известно, появилось в заграничной печати письмо Кропоткина с предупреждением, что если нападение на него совершится, то имена заговорщиков, которые ему хорошо известны, будут немедленно разоблачены в печати.

Будучи отправлен за границу, весной 1884 г., первые несколько недель я знакомился в Берлине с постановкой клинического дела по нервным и душевным болезням у лучших профессоров того времени (Вестфаль, Мендель и др.), а по физиологии начал было работать у проф. Кронекера в Физиологическом институте знаменитого Дюбуа-Раймонда. Но, посетив затем Лейпциг в течение лета 1884 года, я впервые встретился в лаборатории проф. Флексига с чрезвычайно продуктивной методикой исследования проводников мозга на срезах из мозгов человеческих зародышей и младенцев. К этому времени был только что

опубликован проф. Вейгертом особый способ окраски мякотных волокон, хорошо их выделяющий на фоне безмякотных волокон в неразвитых мозгах зародышей и младенцев. Это дало мне мысль широко использовать новый для того времени эмбриологический метод в целях изучения проводящих путей мозга, о чем я мечтал еще с первого своего шага вступления в клинику нервных и душевных болезней. В силу этого я переселился из Берлина в Лейпциг к проф. Флексигу и засел за штудирование мозга по новому, еще не использованному в то время в достаточной мере, эмбриологическому методу, или методу развития. Несколько месяцев, проведенных мною в Лейпциге у творца этого метода проф. Флексига, дали мне богатую научную жатву, а продолжение этих исследований, по возвращении моем в Россию, дало мне возможность разработать в возможной для того времени полноте строение мозга и изложить результаты своих исследований первоначально кратко, а затем в двухтомном труде под заглавием «Проводящие пути спинного и головного мозга». Этот труд, награжденный Российской академией наук премией Бера, явился таким образом оригинальным большим трудом в этой до того времени еще мало разработанной области, который до известной степени завершил первый этап в моей научной деятельности, направленной к изучению строения мозга.

Само собой разумеется, что за границей меня интересовала не одна анатомия мозга, но и гистология и физиология его центров, чем я занимался ранее. Поэтому в том же Лейпциге я начал занятия в институте знаменитого физиолога Людвига Гауле. С другой стороны, меня не мог не интересовать семинарий по экспериментальной психологии у не менее известного проф. В. Вундта, где я стал заниматься в течение зимы 1884/1885 г. Для завершения своей заграничной командировки я отправился в Париж к проф. Шарко, где в старом Сальпетриере он изучал в то время истерию, и где научно устанавливалось им учение о гипнозе.

Я имел возможность продемонстрировать проф. Шарко свои препараты мозга, изготовленные по эмбриологическому методу, которые заинтересовали знаменитого клинициста новизной метода и ярким выделением проводящих путей, и расположили его ко мне, ибо, в свою очередь, он тотчас же пригласил ко мне одну из больных клиники и продемонстрировал на ней особо интересное явление в гипнозе в виде повышенных нервно-мышечной возбудимости.

На обратном пути из Парижа в Россию я остановился в Мюнхене для ознакомления с лабораторией и научными достижениями известного в то время другого анатома и психиатра Гуддена, и, наконец, побывав в Вене для ознакомления с условиями научной работы у старого знатока мозга и анатома-психиатра Мейнерта, я вернулся в Россию, получив назначение профессора психиатрии в Казанском университете.

Как ни лестна была для меня, тогда молодого еще врача, 28 лет, по возвращении из-за границы профессура в Казани, но я оставил за границу с тяжелым чувством расставания с чем-то более чем обаятельным и дорогим моему сердцу. Скажу более: профессура меня перестала привлекать одно время. Будучи весной 1884 г. выбранным на кафедру в Казани, еще до своего отъезда в заграничную командировку, я должен был отказаться туда поехать, предпочитая занятия за границей, которые уже тогда мне предвиделись, вследствие избрания меня на этот предмет конференцией академии. Но меня все же просили не отказываться впредь от профессуры в Казани. Затем, когда был введен университетский устав 1884 г., я, уже будучи за границей, получаю новое приглашение на кафедру в Казань, на

этот раз уже от министра Делянова, но и тогда я все же решил отказаться от профессуры. Однако, формальный отказ по некоторым соображениям я предпочел заменить неприемлемыми, как мне казалось, условиями с моей стороны, которые я считал необходимым выставить в ответ на пригласительную бумагу министра. Я сообщил, что согласиться на профессуру в Казани я мог бы лишь в том случае, если бы была устроена в Казани специальная клиника, которой в то время еще не было, чтобы была устроена и оборудована особая лаборатория, которой также не было, чтобы учреждена была новая не существовавшая ранее должность ассистента и, кроме того, так как я нахожусь в заграничной командировке, то, чтобы мне была предоставлена ранее всего командировка от министерства народного просвещения за границу. Считая, что таким ответом я совершенно сжигаю себе корабли по отношению к профессуре, я вполне успокоился, продолжая свою научную работу за границей. Но через некоторое время я получаю ответную бумагу, в которой сообщалось, что все заявленные мною требования удовлетворяются; что же касается заграничной командировки, то мне предоставили ее сохранить по военному ведомству от академии, а назначение мое последует к концу лета 1885 г. Пришлось согласиться, и этим актом было предрешиено перенесение моей научной деятельности после заграницы в Казань.

Девять лет, проведенных мною в Казанском университете, сослужили мне большую службу и в научном отношении. В большой и образцовой для того времени окружной психиатрической лечебнице, директором которой за год перед тем был назначен мой бывший сотрудник по клинике в Петербурге д-р Л.Ф. Рагозин, и где я имел свою клинику, я встретил огромный клинический материал по душевным болезням. Здесь, между прочим, настойчиво проводилась Л.Ф. Рагозиным новая для того времени система нестеснения (no-restraint) в содержании душевно-больных, и я вспоминаю с удовлетворением совместную с ним в этом отношении работу. По нервным же болезням я мог использовать материал в Казанском военном госпитале и в большой земской больнице; с другой стороны, университет дал мне возможность устроить в его стенах первую для того времени психо-физиологическую лабораторию для научных изысканий в области анатомии, физиологии и экспериментальной психологии. Благодаря этому мне удалось в Казани провести и закончить часть анатомических работ по мозгу и подготовить уже тогда первое издание «Проводящих путей». Кроме того, в Казани же, в числе первых из русских ученых, я стал изучать и вводить в практику гипноз и внушение и написал по этому предмету ряд своих работ. Здесь в Казани образовалась и первая школа моих учеников, из которых вышли будущие профессора П.О. Останков, Б.И. Воротынский и директоры и врачи больших психиатрических учреждений – д-ра Васильев, Диомидов, Мальцев, Мейер, Колотинский, Реформатский и др. Благодаря образовавшейся школе, у меня явилась возможность учредить при университете Общество невропатологов и психиатров, которое продолжает свою работу и поныне. Здесь же я начал издавать журнал «Неврологический Вестник» и выпустил в свет двухтомное издание под заглавием «Нервные болезни в отдельных наблюдениях».

Но, само собой разумеется, особым удовлетворением явилось для меня моральное единение с молодежью, слушавшей мои теоретические лекции в здании университета, а клинические в окружной казанской лечебнице. Как это ни странно, но в числе их, быть может, невольным слушателем был и знаменитый впоследствии писатель Максим Горький (Пешков), чего я, впрочем, в то время и не подозревал, и о чем он сам напомнил, спустя долгий срок, уже в период Октябрьской

революции. Когда мы встретились с ним в Петрограде в послеоктябрьский период, кажется, в издательстве у Гржебина, к редакционной коллегии которого он имел тогда близкое отношение, он обратился ко мне со словами: «А вы знаете, что я был одним из ваших слушателей?» Я, конечно, удивился и получил ответ: «Это было в Казани, когда к вам ездили студенты на лекции в окружную лечебницу, за город; с ними и я приезжал в эту лечебницу продавать булки студентам, а когда, бывало, студенты войдут в аудиторию, то я незаметно для других слушал вашу лекцию о больных через щелку двери». Мы рассмеялись, но при этом рассказе я стал припоминать, что в студенческой среде того времени не мало было толков о каком-то интеллигентном булочнике, к которому, сколько я припоминаю, студенты в разговоре всегда относились с необычным уважением (3)

Про казанский период своей деятельности скажу в заключение, что я так был удивлен научной работой в симпатичном провинциальном университете, всегда поддерживавшем научные связи с Петербургом, и так сжился с лучшими научными представителями его славного своими традициями медицинского факультета, как проф. Виноградов, (к сожалению, умерший вскоре после моего приезда), Н.О. Ковалевский, И.М. Догель, К.А. Арнштейн, Зайцев и др., что когда стали меня звать в мою alma-mater – Военно-медицинскую академию на кафедру моего учителя проф. И. П. Мержеевского, оставившего службу за выслугой лет, то я внутренне запротестовал было и вообще обнаружил не мало колебаний, пока мне не написали из академии, что дело идет уже не о замещении мною кафедры в академии, но и о моем замещительстве в Казани. Пришлось, таким образом, согласиться, и, конечно, потом я в этом не раскаялся, ибо столица и отдаленный провинциальный город – дистанция огромного размера в смысле масштаба и научно-практической, и, в особенности, общественной деятельности.

По приезде в Петербург здесь, прежде всего, пришлось подумать об устройстве самой клиники и о клиническом материале. Правда, в то время была только что выстроена новая психиатрическая клиника на место старой, но в ней для лаборатории были отведены три небольших комнаты, и не было еще здания нервной клиники, о постройке которой пришлось хлопотать уже мне.

Но когда все это устроилось, когда расширились лаборатории, когда были оборудованы соответственным образом анатомическая, физиологическая и объективно – психологическая и гипнологическая лаборатории и кабинеты, когда была благоустроена сама психиатрическая клиника с введением в нее гражданских бесплатных больных по выбору профессора, чего ранее не было, когда затем в 1907 г. была выстроена, в связи с психиатрической, образцовая нервная клиника и при ней особое нервно-хирургическое отделение с особой хорошо оборудованной операционной, где под моим первоначальным руководством стали впервые осуществляться операции над нервными больными не только хирургами, но и невропатологами – моими учениками, подготавливая тем новую для того времени область хирургической невропатологии, – тогда, можно сказать, клиника достигла апогея своего благоустройства и сделалась важным научным центром в области неврологии вообще, и в частности – в области невропатологии и душевных болезней.

К этому центру и стали стремиться отовсюду врачи, желающие совершенствоваться в области неврологии и психиатрии. Закипела работа, как в клинических отделениях, так и в лабораториях клиники. Были периоды, когда научной работой по разным вопросам неврологии, психиатрии и психологии было занято около 40 и более врачей. За время моей научной деятельности в академии мне уда-

лось опубликовать, в виде сводного сочинения, большой трактат под заглавием «Основы учения о функциях мозга» в 7 выпусках, переведенный на немецкий и французский языки (частью) и, сверх того, мною был разработан большой клинический материал, давший возможность выпустить в свет «Общую диагностику нервных болезней» (2 тома) и «Невропатологические и психиатрические наблюдения и исследования» (2 выпуска), на ряду с целым рядом работ, помещаемых в редактируемых мною журналах «Обозрение Психиатрии», «Неврологический Вестник» и других органах печати.

Здесь же, в лаборатории клиники, возникла впервые и та научная дисциплина, которая первоначально обозначалась мною «объективная психология», и которая затем была переименована мною в рефлексологию, и подход к которой начался еще во время моих работ в Казанском университете.

Ряд работ, осуществленных в моей лаборатории мною и моими сотрудниками, дали мне возможность уже с 1907 г. начать, печатание большого издания под названием «Объективная психология» (три выпуска), а позднее в 1918 г. вышла первым изданием моя книга «Общие основы рефлексологии», являющаяся дальнейшим развитием и углублением первой.

Очень лестную рецензию для моих трудов по рефлексологии, между прочим, дало Государственное издательство в лице неизвестного мне редактора в предисловии к изданной ими моей книге «Общие основы рефлексологии человека». В нем говорится, между прочим, следующее:

«Для того, чтобы составить представление о том, как велик вклад в науку о человеке, сделанный за последние сорок лет, надо припомнить другую историческую дату и другое имя – мы имеем в виду теорию развития и творца ее Чарльза Дарвина. Глубочайший революционный переворот, произведенный в середине прошлого столетия в науке и во всем тогдашнем мировоззрении Ч. Дарвином, обосновавшим теорию развития, не мог не захватить в сферу своего влияния науку о человеке и, в частности, ту ее часть, предметом которой, является, так называемая, психическая жизнь. Именно под влиянием этого мощного стимула старая метафизическая психология, учившая о «душе», как об особой сущности, сдала свои занимавшиеся веками позиции, чтобы отойти в историю. Однако, если во всех остальных областях естествознания очистительный процесс на основе принципа развития сравнительно быстро привел к коренному изменению ранее господствовавших взглядов, то в области психологии тот же процесс, встретившись с более стойкими идеологическими преградами, принял затяжной характер и вначале привел всего лишь к компромиссу. Возникшая под влиянием дарвинского естествознания, так называемая эмпирическая психология, как наука о «душевных явлениях и законах ими управляющих», была психологией компромисса, была переходным периодом.

То, что происходит теперь в этой науке на наших глазах, и что, в громадной своей части, несомненно, связано с именем В.М. Бехтерева, как выдающегося исследователя в области физиологии мозга, есть не что иное, как конец переходного периода, конец психологии эпохи компромисса, длившейся более полувека. Учение о сочетательных рефлексах, сведенное в систему рефлексологии – это суровая и плодотворная критика ошибок, усвоенных из прошлого, расчистившая путь для построения объективной науки о личности человека – этого сложнейшего образования из всего, что существует в природе.»

Надо заметить, что рефлексология, как научная дисциплина, ныне достигла такого положения, что возникают кафедры и в медицинских и в педагогических вузах и создаются по рефлексологии учреждения (напр. госуд. рефлексол. инсти-

тут по изучению мозга, патолого-рефлексологический и др.), общества, кружки, тут же собираются съезды, издаются журналы, напр. «Украинский Вестник Рефлексологии», «Обзор психиатрии неврологии и рефлексологии» и отдельные сборники, напр., «Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы» (Лен. Госиздат и изд. Госуд. психо-неврол. академии И-та по изучению мозга), «Вопросы психо-физиологии и рефлексологии труда» (Казань), «Рефлексология труда» и др. Этим самым победоносное шествие рефлексологии может считаться в полной мере обеспеченным.

Что касается моей профессорской деятельности, то до времени первой революции 1905 г. она не осложнялась вообще никакими особыми шероховатостями. В начале сентября 1905 г. мне пришлось говорить речь на 2-м съезде психиатров в Киеве «Об условиях развития личности». В заключение я призвал к новой светлой жизни заключительным возгласом лермонтовского стиха «Отворите мне темницу, дайте мне сиянье дня». Мне была устроена шумная овация. Я был даже вынесен на руках из зала на улицу и посажен в экипаж. Тотчас по окончании моей речи в огромной зале начался импровизированный митинг. В зал введена была полиция по распоряжению киевского градоначальника Клейгельса, при чем произошли в той же зале аресты, еще более подлившие масла в огонь. Бедному профессору И.А. Сикорскому, как председателю организационного комитета, человеку правых убеждений, пришлось пережить много волнений и иметь немало неприятностей, но, благодаря близкому знакомству с самим Клейгельсом, ему удалось добиться освобождения арестованных и съезд, после некоторого перерыва, мог продолжаться.

В период революции 1905 г. неожиданно умер начальник Военно-медицинской академии – Таранецкий и, таким образом, пост начальника академии оказался свободным. Конференция академии, вопреки моему желанию, вверила мне путем избрания должность вр. и. долж. начальника академии, которая в течение зимы 1905-1906 гг. потребовала от меня большого напряжения. Как бы то ни было, от меня требовалось провести академию, как учреждение военного ведомства, «благополучно» сквозь бурю и натиск революции. Моту сказать, что это было выполнено с честью, но передавать здесь подробности всех происшествий, бывших за это время в академии, и ликвидирование их, было бы излишне. Было уже решение и готовность министра утвердить меня окончательно в роли начальника академии, сохранив даже за мной кафедру и директорство по клинике, но я предупредил это решение, убедившись в чрезвычайном бюрократизме всего управляющего аппарата академии. Вскоре министр Редигер сменился бездарным Сухомлиновым. С его воцарением начались уже тяжелые события в академии.

В 1913 г. моя профессура в академии неожиданно для многих, и прежде всего для меня, прерывается. Дело обыкновенно происходило из-за студенческих сходов, предупреждать которые обязаны были штаб-офицеры академии, но которые в этом, конечно, были совершенно бессильны и, удовлетворяясь своим синекурным положением, готовы были всегда сваливать на профессоров свою ответственность. Так случалось и со мной неоднократно из-за сходов, происходивших в аудитории клиники душевных и нервных болезней. По поводу этого приходилось даже вести неприятные разговоры с министром Сухомлиновым, который в отношении управления академией являлся совершенно безграмотным солдафоном. Военный совет, происходивший под председательством военного министра, издал приказ об отдаче студентами чести офицерам, подобно всем вообще нижним чинам. Начались столкновения на улице с офицерами, которые стали

избивать студентов, не отдающих чести, оружием. Первые тяжелые жертвы этого приказа, вызвавшие большую сенсацию в обществе и отразившиеся резкими выпадами по адресу грубого офицерства в тогдашней прессе, потребовали лечения в клиническом госпитале. Нечего говорить, как взбудоражило это обстоятельство студенческую среду, на стороне которой, конечно, были все симпатии общества и печати. Само собой разумеется, что все в один голос обвиняли в этом деле министра Сухомлинова, который будто бы по поводу вышеуказанного представления начальника академии о взаимном приветствии заявил: «Слишком много чести для студентов, пусть они отдадут честь офицерам, как нижние чины».

Но, когда стали происходить столкновения из-за неотдачи чести офицерам студентами академии, в вечерней «Биржевке» появилась «беседа с одним видным генералом», в которой от имени последнего заявлялось, что сами профессора, будто бы ходатайствовали об отдаче чести студентами, и что во всем виноваты профессора, а не он. Между прочим, по справке в вечерней «Биржевке» было дополнительно выяснено, что «видный» генерал в действительности был никто иной, как сам Сухомлинов, ибо при проверке беседы была предусмотрительно испрошена удостоверяющая правильность беседы подпись министра. Получилось нечто небывалое. Министр, чтобы скрыть свою глупость и оправдаться перед общественным мнением, очернил подведомственное ему же учреждение, репутация которого стояла в общественном мнении всегда высоко, создавая в течение более ста лет.

Меня настолько возмутил этот факт, что войдя в кулуары конференционного зала, где за чайным столом велась беседа профессоров, я бросил мысль, что без протеста с нашей стороны этой беседы в «Биржевке» «одного видного генерала» оставить нельзя. Не сразу, но, в конце-концов, все согласились. Решено было вопрос внести в конференцию.

По установившемуся обычаю печатные заявления и опровержения от конференции писались всегда ученым секретарем конференции. Но когда в конференции зашел вопрос о необходимости ответа, недавно избранный на эту должность ученый секретарь заявил, что он, будучи новым лицом в своей должности, не может принять на себя столь ответственной роли, и просил назначить в помощь ему для составления ответа специальную комиссию, которая и была избрана из четырех профессоров со включением меня. Ответ был составлен в выражениях достаточно вразумительных. Но вот что произошло. После напечатания ответа в той же «Биржевке», которым отпарировались все гнусные инсинуации министра, ученый секретарь, встретившись со мной однажды в коридоре академии, между прочим, заявил мне, что была прислана в академию содержащая наш ответ газетная вырезка с вопросом от главного военно-санитарного инспектора Евдокимова: «Правда-ли?» и «Кто?» Я спросил, что-же вы сказали на это? «Я указал членов комиссии, в том числе вас, включив и себя» — был ответ. Таким образом, вследствие неопытности ученого секретаря была в этом случае допущена тактическая ошибка, и вместо того, чтобы заявить, что ответ был написан от конференции академии, а потому ответственны за него все присутствующие в данном заседании конференции профессора, были названы определенные лица, составлявшие ответ по поручению той же конференции. Очевидно, что при таком ответе те профессора, кому предстоял близкий срок выслуги лет, имели в перспективе неутверждение на дальнейшее оставление в академии. Это, очевидно, был один из тех мотивов, в силу которого представление от академии о дальнейшем моем оставлении в академической профессуре, после 35 лет службы, не было

уважено министром – факт, кажется, небывалый в истории академии того времени. Правда, еще был мотив, который мог быть выставлен против моего оставления в академии – это экспертиза по делу Бейлиса, на которую я был вызван осенью 1913 года. Всем, конечно, памятно, как тогдашняя власть стремилась доказать ритуальное убийство и выставила Бейлиса козлом отпущения в этом процессе. Как известно, моя экспертиза, напечатанная в «Киевских Вестях» и затем полностью во «Врачебной Газете», а впоследствии переведенная и на немецкий язык, не мало содействовала оправданию Бейлиса, что не входило в планы тогдашнего правительства.

Как бы то ни было, мне пришлось расстаться с академией по мотивам административного порядка. На это, впрочем, я нисколько не сетовал, ибо военная муштра того времени оказывалась невыносимой во многих отношениях. Так, по приезду министра в академию, профессора должны были в полной парадной форме выстраиваться в шеренгу, в случаях приезда военно – медицинского инспектора надо было быть на вытяжке и малейшее упущение в отношении формы, напр., отсутствие шпор или не застегнутая пуговица, в результате приводило к выговору и т. д.

Я не сказал еще об одном важном обстоятельстве, которое повлияло на мой выход из академии, это – создание мною Психо-Неврологического института. Его возникновение и создание, с одной стороны, явилось для меня глубоким нравственным удовлетворением, с другой стороны, сделалось предметом неодобрительного по разным мотивам отношения со стороны некоторой группы профессоров, чего нельзя было не предвидеть и заранее. Само собой разумеется, что, когда стало вырастать это учреждение, создаваемое исключительно на собранные мною средства в виде пожертвований с разных сторон, то власти постепенно перешли от доверия к недоверию, что было, конечно, неизбежно с развитием новой высшей школы, выросшей в целый университет. Дело в том, что, хотя задачи, обозначенные в его уставе сами по себе говорили о чем то новом и интересном, но когда учреждение стало оформливаться не только в ученое учреждение, но и в высшее учебное заведение с новым внутренним строем, с новыми заданиями и совершенно новым направлением в виде «Вольной высшей школы», то оно, естественно, явилось у власть имущих настоящим бельмом в глазу. И так как в самой академии, даже в среде студентов, в связи с общей правительственной реакцией, начала выявляться партия из состава «союза истинно-русских людей», за мной стали следить, сколько я заметил и «союзники» из студентов и штаб-офицеры, появившиеся с неожиданной аккуратностью на моих лекциях, чего раньше почти не бывало. Между тем, на своих лекциях мне приходилось часто возвращаться к вопросу о причинах нервных и душевных болезней и в этих лекциях неизбежно было резко отзываться о насаждении алкоголизма в стране, о капиталистическом строе, как современном зле и основной причине нестроения нашей страны, и о приводящем к вырождению бедственном положении низших слоев населения (рабочих, крестьянства), как основных причинах распространения нервных и душевных болезней.

Вопроса о капиталистическом строе мне приходилось касаться и в публичных выступлениях, что не могло не обращать на себя внимания.

«Капиталистический строй – вот основное зло нашего времени» – говорю я в одной из речей. И мы должны всемерно заботиться о достижении других, более возвышенных норм нашей общественности; на место капитала мы должны выдвинуть на первый план здоровый труд и служение истине и добру (4), и далее

в том же духе (5). По вопросу об алкоголизме, в свою очередь, мне приходилось выступать, не щадя тогдашнего спаивающего свой народ правительства. Сюда относятся мои статьи об алкоголизме (6).

Все это, вместе взятое, решило мою участь в смысле дальнейшего оставления меня на кафедре.

Хотя о моем выходе из академии много говорила в свое время печать, но должен сказать, что для меня это событие не представляло того морального ущерба, как это могло казаться другим, и я успокаивался на мысли продолжать профессорскую деятельность по гражданскому учреждению – Женскому медицинскому институту, где я одновременно состоял профессором нервных и душевных болезней, и, наконец, я рассчитывал уделять больше времени для работы в созданном по моей инициативе Психо-неврологическом институте. К сожалению, и перспектива на Женский медицинский институт скоро исчезла по независящим от меня обстоятельствам. Дело в том, что через год по выходе из академии наступил 35-летний срок моей учебной службы и по Женскому медицинскому институту, и хотя совет института ходатайствовал об оставлении меня на дальнейший срок на той же кафедре, но министр Кассо не уважил ходатайства.

Несколько позднее внезапная смерть моего же ученика проф. А.Ф. Лазурского (в первые дни Февральской революции), читавшего в Женском медицинском институте курс экспериментальной психологии, дала мне возможность продолжать профессорскую деятельность в Медицинском институте, но уже по объективной психологии или рефлексологии. Этого мне было уже более чем достаточно, ибо мне приходилось читать еще курс психиатрии и нервных болезней, и курс рефлексологии в Гимз'е, и затем еще курс рефлексологии в Педвуз'е.

Что касается моей деятельности в роли президента Психоневрологического института, то и она вскоре временно прервалась по милости того же Кассо. История возникновения и развития Психо-Неврологического института, начиная с 1903 г., когда мною было впервые внесено предложение об учреждении такого института, в руководимое мною, как председателем, Русское общество нормальной и патологической психологии, сама по себе представляет много поучительного и, принимая во внимание условия того времени, почти сказочного. Прежде всего, необходимо было найти средства для приобретения земли, построек и их оборудования. К счастью, средства стали быстро притекать, благодаря откликнувшимся на дело просвещения многим из моих пациентов или их родственникам и знакомым и субсидиям, выдаваемым сверх того и правительственными органами по отдельным представлениям института. Земля же была отведена в количестве многих десятин из кабинетских земель. Таким образом, через 4 года, после начала курсов ин-та, мы уже могли перенести их в собственное здание за Невской заставой в б. Царском, ныне Медицинском городке. Здесь я хотел бы только сказать немного слов о тех трудностях, с которыми связано в царский период проведение такой крупной по размерам вольной школы, превратившейся затем в частный Петербургский университет с 4 факультетами и 2 отделениями. Уже министр Шварц, изгнавший из университетов женщин, вошедших туда с 1905 г., стал шибко коситься на наш институт за то, что на его глазах начались его курсы в помещении тогда уже закрытых, бывших ранее опальными, курсов Лесгафта, и, с другой стороны, за то, что на наши курсы было допущено огромное количество женщин наряду с мужчинами. Но особенным бельмом в глазу для министра было то, что мы допустили в стены нашей высшей школы без всяких ограничений и слушателей угнетенной в то время еврейской национальности и допустили прием

не одних классиков, но и семинаристов и окончивших реальное образование. Не меньшим злом в глазах министра явилось то обстоятельство, что мы ввели предварительный курс общего образования, за которым уже следовали специальные факультеты. Но еще более его удручало, по – видимому, то обстоятельство, что в профессора института нами избирались наиболее прогрессивные ученые и в то же время крупные научные силы, как проф. П.Ф. Лесгафт, М.М. Ковалевский, Е.В. Де-Роберти, Бодуэн де Куртене, Дм.А. Дриль, Н.А. Карасев, Андреев, Лучицкий и др. Наконец, и некоторые научные дисциплины, введенные в курс института, не были по сердцу министру. Между прочим, в числе предметов общего высшего образования в наш устав проскользнула и социология. Последнюю, по моему предложению, взял на себя читать социолог и член по избранию б. государственного совета М.М. Ковалевский и не менее авторитетный ученый Е.В. Де-Роберти. И тот, и другой тогда почти только – что вернулись из Парижа, где состояли профессорами бывшей Вольной высшей школы. И вот, когда при одном случае в кабинете Шварца случайно зашел вопрос о читаемом у нас курсе социологии, министр не выдержал и с раздражением произнес: «какая может быть там социология. Такой науки нет, а если что и есть, то лишь одна болтовня».

Особенно недоброжелательное отношение Шварца к институту проявилось и в вопросе о льготах по воинской повинности слушателям института. Мне, как президенту института, пришлось ему первоначально докладывать этот вопрос устно. Министра я застал врасплох, на пути в кабинет. К моему удовольствию, я получил от него ответ, что он не находит препятствий к предоставлению льгот по воинской повинности нашим студентам. Эта весть, столь благоприятная для слушателей института, как молния распространилась по институту и возбудила, конечно, большое удовлетворение среди молодежи. Но каково было мое удивление, когда при представлении соответствующей бумаги по этому вопросу я встретил с его стороны категорическое «нет», при чем он даже стал отрицать, что он выразил готовность дать вышеуказанные льготы. Тут мне пришлось на это реагировать соответственной репликой. Но удалось достичь только того, чтобы льготы были предоставлены одним классикам. С этим помириться, конечно, было нельзя, ибо большинство наших слушателей как раз были не классиками, а реалистами», непредоставление же льгот по воинской повинности большинству студентов было равносильно закрытию учебного заведения. Мне пришлось поэтому ходатайствовать перед министерством внутренних дел, где я встретил, особенно со стороны заведующего соответствующим департаментом Куколь-Яснопольского, самое теплое отношение. Мне самому было предложено составить возражение на бумагу Шварца в письменной форме для того, чтобы дать ее на подпись министру Столыпину. Нечего говорить, что я не поспешил в ярких красках изобразить всю неосновательность поведения Шварца в данном вопросе. Бумага с возражениями была подписана Столыпиным и послана по принадлежности. В результате ходатайство увенчалось успехом, и Шварцу пришлось сдаться под влиянием предписания министра внутренних дел – тогдашнего премьера.

Когда Шварц ушел из министерства, мы были обрадованы, предполагая, что последует просветление в министерстве народного просвещения.

Но назначение А.А. Кассо всех разочаровало, ибо министерский пресс обещал быть при нем еще более суровым. Между прочим, один инцидент в глазах нового министра, видимо, получил особое значение. Этот инцидент разыгрался на 1-м съезде психиатров в Москве. Как раз по какому-то поводу к этому времени был не утвержден к дальнейшему служению министром Кассо московский пси-

хиатр проф. Сербский. Ему предстояло, между прочим, говорить речь на 1-м публичном заседании съезда, имевшем место в одной из аудиторий университета. Научные съезды того времени подлежали особому контролю со стороны администрации. Поэтому в первом же ряду прямо против организационного бюро, открывавшего съезд, воссел помощник градоначальника, небезызвестный Строев, человек, видимо, особенно ревностный к полицейской службе. Рядом с ним сел, видимо, его приятель из охранки с университетским кандидатским значком. Речь Сербского, полная своеобразных и резких выпадов по адресу Кассо, продолжалась недолго. Уже в самом ее начале в словах Сербского послышалась недопустимая по тому времени игра слов, выразившаяся во фразе, что он, Сербский, высказывает пожелание, чтобы такие глупые случаи (“cas sots”) (7) относящиеся, кажется, к своему удалению министром профессоров, более не повторялись. Строев не выдержал, сорвался с места и заявил, что он не может более позволить продолжение речи. В зале произошел шум и, таким образом, съезд был приостановлен распоряжением власти.

Нечего говорить, что это событие вызвало большую сенсацию во всей Москве, ибо никто не подозревал, что совершенно специальный и сравнительно небольшой съезд может оказаться государственно-опасным собранием. Приехавшие в Москву психиатры с внезапной приостановкой съезда не знали, как тут быть, возвращаться ли им восвояси, или же ждать выяснения вопроса, будет ли продолжаться съезд или нет. Это обстоятельство вызвало, в свою очередь, напряженную атмосферу в публике, заинтересованной съездом. Через три дня пришло известие из Петербурга, что съезд продолжать разрешено, но, конечно, под сугубым контролем администрации. Новое публичное заседание открывается уже не в скромной аудитории университета, а в огромном зале университета Шенявского. Публики собралось видимо-невидимо. Мне пришлось говорить первому. Прямо против меня в первом ряду сидел тот же Строев со своим соседом из охранки. Моя речь относилась к самоубийству и возможной борьбе с ним (напечатан, в «Вестнике Знания», № 2 и 3 за 1912 г.). Речь была основана, между прочим, по отношению к школьным самоубийствам, на материале, собранном официальным лицом того же министерства, тогдашним санитарным инспектором министерства народного просвещения проф. Хлопиным и опубликованном им в отдельной работе. По содержанию моя речь, конечно, касалась мрачного предмета и указывала на тяжелую действительность того времени, в виду бывших в то время массовых самоубийств, особенно среди рабочего класса, вследствие тяжелых экономических условий и правительственной репрессии, и, частью, даже среди школьников, но тем не менее речь заканчивалась оптимистическим аккордом и бодрящим смехом несмотря ни на что (8). Но это не понравилось для контролирующего уха. Сама речь однако была выслушана без остановки.

Публика встретила ее длительными аплодисментами. После речи объявлен был перерыв. Все казалось обстояло благополучно. Бюро съезда и за ним Строев вышли в кулуары. Здесь неожиданно подходит ко мне Строев и заявляет – Позвольте мне пересмотреть вашу рукопись. – Зачем это? – спросил я. – Я не очень понял конец вашей речи. – На это я заметил, что речь была произнесена, он ее слышал, а к пересмотру рукописей я не привык, и потому дать ему не могу. Тут вступились в разговор д-р Чечотт, проф. Рот и др., высказываясь против требования Строева, но он настаивал на своем. Я категорически отказал. На это я получаю ответ: – Ах, так. В таком случае я немедленно доложу градоначальнику по телефону! – Сделайте ваше одолжение, – заметил я, как бы подогревая его

раздражение. Когда Строев вернулся от телефона, я его еще переспросил: — Ну, что же вам сказал градоначальник? — Градоначальник сделал мне выговор за то, что я не остановил вас во время вашей речи, — был ответ. — С чем вас и поздравляю, — говорю я.

Это маленькое бравоирование с моей стороны однако отразилось на мне, как президенте Психо-Неврологического института далеко не благоприятно. Дело в том, что Строев через московского градоначальника сделал донос по двум линиям: министру внутренних дел и министру народного просвещения, в котором он указывал на противоправительственное содержание моей речи и на недопустимые будто бы по содержанию мои стихи, которыми заканчивалась речь. Министр внутренних дел, по видимому, достаточно привык к разным выпадам по адресу высших властей и потому никак не реагировал или, быть может, только приказал тайно внести соответствующий штрих в моем кондюите. Что же касается министра Кассо, то при первом же докладе ему о постройке нервно-хирургической клиники в нашем институте, он с первого же слова, отложив доклад в сторону, заявил: «Ну, это мы обсудим потом, а теперь вы лучше мне скажите, что вы говорили в речи, произнесенной в Москве на психиатрическом съезде». Я должен был разъяснить, что моя речь была в общем лояльная по содержанию, в политическом же отношении ничего не представляла особенного, что же касается школьных самоубийств, то я пользовался официальными данными министерства. На все это Кассо заметил: «Ну, вы дадите мне письменный ответ по этому предмету». Действительно, возвратившись домой, я получаю письмо за подписью Кассо, в котором он просит сообщить, что я говорил на съезде в Москве в своей речи по отношению самоубийств. Вопрос как будто бы не касался министра или министерства, но, очевидно, он подразумевается. На запрос я дал соответствующий ответ с приложением многих газетных вырезок, в котором передавалось содержание речи, достаточно подробно. Этот ответ, однако, не удовлетворил министра. Последовал новый запрос дать более детальное объяснение, в котором требовалось привести и заключительные стихи.

Пришлось и это исполнить. По истечении некоторого времени справляюсь у заведующего высшими учебными заведениями Камчатова о результатах. Узнав, что дело по резолюции министра сдано в архив, я спрашиваю, что это значит? Мне было сказано, что это ничего. Между тем, вскоре совет Психо-Неврологического института должен был представить, согласно уставу, мое переизбрание в должности президента на новые пять лет. Министр меня не утвердил президентом, и при том без всяких мотивов, хотя переизбрание это было единогласным, к тому же должность президента с самого основания института не оплачивалась, а сам институт содержался на частные средства.

Надо, однако, сказать, что подача соответственного представления через депутацию профессоров премьеру Коковцову, как я узнал впоследствии, оказалась делом не бесплодным. Дело в том, что Кассо, как можно было узнать со стороны, возымел намерение закрыть Психо-Неврологический институт, а для начала признал необходимым «снять его главу». Чем вызвано было это намерение, сказать трудно, но можно только догадываться. Дело в том, что в так наз. всеподданнейшем докладе С.-Петербургского градоначальника Драчевского по поводу студенческих беспорядков в Петербурге, как я мог видеть собственными глазами (документ мне был показан доверительно в министерстве нар. просв.), значилось, что как всегда на первом месте стоит Петербургский университет, затем следует Психо-Неврологический институт с его левой профессурой, и затем следовало

подробное изложение наших студенческих демонстраций и протестов. Против этого места всеподданнейшего доклада Николаем был карандашом помечен следующий запрос об институте: «Какая польза от этого института России. Желая иметь обоснованный ответ» (9).

Однако, сделанное Кассо представление о закрытии института в совете министров, как я узнал стороной, не прошло в нем, а при обмене мнений по этому предмету было высказано, что так как институт привлек в свои стены огромное число учащейся молодежи (в то время числилось на всех факультетах института что-то около 8000 слушателей), то по тактическим соображениям закрывать институт неудобно, а во власти министра представить новый устав института и вообще так его преобразовать, чтобы в нем все было согласовано с интересами министерства.

В результате совет института получил предписание министра Кассо представить новый устав. Получив эту бумагу, мы в совете поручили выработку устава комиссии. Комиссия, проработав несколько месяцев, передала проект устава в совет; последний найдя в нем что-то, что надлежало изменить, передал его для доработки в ту же комиссию. Та же процедура повторилась еще и еще раз. Время, таким образом, шло. Запросы шли за запросами, мы все оттягивали представление, не видя от него ничего доброго. Наконец, проект устава мы представили. Нечего говорить, что министр его забраковал и, вместо того, чтобы сделать те или другие указания совету о неудовлетворительности каких-либо пунктов проекта, поручил составление устава департаменту народного просвещения, в лице Н.О. Камчатова. Проект устава был им изготовлен и показан мне в министерстве. Я заявил, что на себя ответственности за него не беру и предложил просмотреть его вместе с нашим деканатом. Условились собраться у меня на квартире на Каменном Острове. Здесь проект был рассмотрен в присутствии меня и всех деканов и с участием его составителя. Были внесены те или другие поправки, и дело сладилось. Но проведение будущего устава, в котором значилось, что Психо-Неврологический институт имеет в себе частный университет, а слушатели, по окончании получают все права лиц, окончивших государственные университеты, выпало уже на долю преемника Кассо — министра Игнатъева, ибо Кассо по возвращении из-за границы во время уже начавшейся войны, где он был опознан и избит, сильно занемог, а затем у него был обнаружен рак прямой кишки, и он вскоре умер.

С назначением Кульчицкого попечителем петербургского округа, было произведено подробное обследование института на предмет выяснения — может ли институт отвечать требованиям университетского преподавания. Результаты этого обследования, в котором участвовал и сам Кульчицкий, оказались вполне благоприятными. Кульчицкий отозвался, что институт по оборудованию не уступает любому провинциальному университету. Преподавание сказало также на соответствующей высоте. В результате, новый устав был утвержден министром, и я был восстановлен в должности президента. При гр. Игнатъеве институт прожил благополучно, хотя в нем бывали, как всегда, бурные студенческие сходы, но когда сменил его Кульчицкий, а институт не переставал бурлить, и при том еще в большей, против прежнего, степени, то пред самой революцией (за 3 дня) было сделано распоряжение министром Кульчицким о закрытии института. Это предписание до самого института, однако, не дошло, так как наступили дни Февральской революции, и царские министры были арестованы. Институт был спасен от гибели.

После Октябрьской революции институт был принят на госбюджет под наименованием 2-го университета. Со временем часть его факультетов – педагогический и юридический, к сожалению, не без участия некоторых из наших профессоров, были объединены с 1-м университетом и в нем растворились. Другая часть института, как, напр., химико-фармацевтическое отделение, превратилась в самостоятельное учреждение под названием Химико-фармацевтического института, ныне сделавшегося факультетом Ленинградского медицинского института (бывшего женского). Ветеринарно-зоотехническое отделение, начавшее было существовать при медицинском факультете, было превращено в Зоотехнический ветеринарный институт, прямым же преемником Психо-Неврологического института с его университетом являются ныне в своей учебной части Государственный институт медицинских знаний или ГИМЗ, представляющий собою мощное медицинское учено-учебное заведение РСФСР. Что же касается научной части, то продолжением института служит в настоящее время Государственная Психо-Неврологическая академия с Госуд. рефлексологическим институтом по изучению мозга и целым рядом возникших из ее недр научно-практических учреждений, каковы Патолого-рефлексологический институт имени акад. Бехтерева, Детский обследовательский институт им. Грибоедова, Отофонетический институт, Институт социального воспитания, Воспитательно-клинический институт им. акад. Бехтерева, ныне Психо-Неврологическая школа – санатория для беспризорных, Институт глухонемых, Центральная вспомогательная школа, Педологический институт, ныне педологическое отделение Института мозга и др. Продолжением педагогического факультета Психо-Неврологического института является ПЕДВУЗ педологии и дефектологии, недавно слитый с ПЕДВУЗ'ом им. Герцена.

Нечего говорить, что уже самый перечень учреждений, объединяемых в научном отношении Психо-Неврологической академией и возникших при моем непосредственном участии, свидетельствует о том, какие широкие перспективы развернулись для научно-практической работы после великого Октября.

Но нельзя скрыть и того, что в первые годы Октябрьской революции научная деятельность в означенных учреждениях, и в том числе, лично моя деятельность, затруднялись в невероятной степени по причине тяжелых материальных условий, особенно в период голода и военного коммунизма, при отсутствии света в домах и в учреждениях, при невероятном иногда холоде в последних по причине недостатка или даже почти полного отсутствия средств сообщения.

Многие ученые, как известно, бежали за границу. И мне, конечно, представлялись разные возможности переезда за границу; но я ничуть не завидовал тем, которые предпочли за границу своему дому, хотя должен сказать, что мне вместе с семьей приходилось в голодные годы питаться нередко лишь овсом и ржавой селедкой или воблой. Однако, другим приходилось в это время еще хуже, ибо, как известно, вымикали от голода даже целые больницы и гибли от голода неисчислимое количество рабочих и крестьян. Нам же помогал Дом ученых, организованный по инициативе В.И. Ленина и М. Горького.

В своих научных учреждениях я видел за эти тяжелые годы не мало нестойких лиц даже среди своих ближайших учеников. Эти колебания морального свойства не могли не отразиться пагубно на правильном ведении научной работы. Нужно было во что бы то ни стало поддерживать колеблющихся, и я воспользовался случаем для этой цели, когда мне пришлось делать доклад в публичном заседании конференции Госуд. Института по изучению мозга в январе 1919 г., на тему

«Основные задачи рефлексологии физического труда» (см. «Вопросы изучения и воспитания личности», Петроград, № 1, 1920 г.). В заключении доклада я высказал свои мысли следующим образом: «На переломе истории нельзя стоять на перепутьи и ждать, – нужна воля к действию, к строительству и созидательной работе, и для нас, научных деятелей, которые всегда отдавали свои силы на служение человечеству, не должно быть колебаний. Мы должны отдавать себе отчет, будем ли мы с народом, который, завоевав себе свободу, хочет строить свое будущее сам и зовет нас соучаствовать в этом строительстве. Может ли быть сомнение в ответе на этот вопрос? Мы поэтому должны стремиться к тому, чтобы сократить, по возможности, время разрухи, отдавая всю сумму наших знаний и все умение на созидательную работу в настоящих условиях страны и на пользу народа. В этом отношении и новое учреждение – Институт по изучению мозга и психической деятельности – при своем развитии может дать новой молодой России то, чего не могли дать научные учреждения в прежнее время, и это потому, что теперь народ, почувствовав себя свободным, проявляет необычайную жажду знаний, которая открывает широкие перспективы не только в строительстве государственном и социальном, но и в строительстве научного характера».

И я не ошибся. Речь была одобрена собранием, и я могу с удовлетворением сказать, что наши сотрудники Психоневрологической академии и Института по изучению мозга с тех пор заняли правильный курс в своем отношении к общей атмосфере и к советской власти и вели, в меру возможности, каждый для себя свою научную работу, прилагая к ней при тяжелейших условиях максимум энергии. Об этом свидетельствуют и издававшиеся журналы и сборники при моем участии, как редактора, как, например, «Вопросы изучения и воспитания личности», «Вестник Воспитания» (вм. с Басовым в Орле), «Вопросы психофизиологии и рефлексологии труда» (вм. с Н.А. Миславским в Казани), «Обзор психиатрии, неврологии и рефлексологии», «Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы», «Вопросы изучения труда», «Рефлексология труда» и др.

Видеть и переживать спокойно и безропотно тысячи жертв я не мог, и мне простой инстинкт подсказал сделать на этом предмету публичное выступление, написав в газеты обращение к врачам всего мира с просьбой протестовать печатно и устно против неслыханного злодеяния «цивилизованных» стран в виде заведомого и массового убийства наших граждан, особенно ни в чем неповинных детей и немощных инвалидов, – убийства, которым мы обязаны блокаде нашей страны. Это был крик, вырвавшийся у меня невольно, как по рефлексу, которому я не придавал даже особенного значения, но которому было придано значение помимо меня. Мое обращение было опубликовано 1 января 1920 года во многих наших газетах и передано по радио за границу (10).

Надо заметить, что этот мой протест против блокады далеко не послужил мне на пользу. Эмигрантщина меня громила вовсю, заявляя о моей принадлежности к большевизму. Об атом говорили много и в нашей публике.

Отъезд ученых за границу, мне казался, несмотря ни на что, столь тяжелым для страны и катастрофически опасным явлением, что когда впервые наша организованная молодежь напечатала в газетах призыв о желательном возвращении русских ученых из-за границы, я не выдержал и признал необходимым особым письмом в газеты поддержать этот призыв о возвращении ученых для создания в стране новой культуры.

Но вот Советская страна мало-помалу очищает свою территорию от белых. Ученые учреждения постепенно начинали оживать и мало-помалу в течение

нескольких последних лет мы, ученые Советской России, под прекрасным лозунгом «смычка науки и труда» стали вести, быть может, кропотливую, но, действительно, научную работу, которая открывает для будущего расцвета Советской России неисчислимые горизонты и перспективы.

В заключение упомяну, что уже много лет, как я был польщен избранием меня в Ленинградский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, где работаю в секции по образованию.

В числе тех мер, которые мною были предложены в этой секции, упомяну о настойчивом проведении, в целях скорейшей ликвидации безграмотности в нашей стране, Института передвижных школ, в виде так называемых бродячих учителей. При условиях нашей страны, в виду бездорожья и редкости населения, эта мера, как временная, должна иметь особое значение по насаждению грамотности в населении, и она уже принята для Ленинградской губернии.

Из других мероприятий укажу также на мое предложение ввести такой же Институт бродячих агрономов или, вернее, сельско-хозяйственных учителей, которые бы переходили, для соответствующих указаний по сельскому хозяйству, из деревни в деревню и давали бы нашему крестьянину на месте, т.-е. на его поле, соответственные указания.

Наконец, устройство площадок по физическому образованию в наших деревнях при недостатке отпускаемых средств могло бы быть осуществлено при посредстве таких же бродячих учителей физкультуры, которые, организовав под своим руководством группы молодежи из физкультурников, могли бы затем переходить в другую деревню, для той же цели, из этой – в третью и т. д.

В отношении воспитания, в интересах будущих поколений, мои мысли были высказаны еще в докладе «О социально-трудовом воспитании», произнесенном на съезде по экспериментальной педагогике (см. брошюру «О социально-трудовом воспитании», Петербург, 1917 г.). В этом докладе я говорю в заключительной части:

«Вообще необходимо всемерно развивать в детях, наряду с инициативой, стремление к деятельности на общую пользу в форме совместного труда, тогда как все, что приводит к розни между людьми, должно быть совершенно и отовсюду изгоняемо. В виде основного условия такого воспитания необходимо образование среди детей общинного начала. Необходимо, чтобы вместе с этим социальность и право, а равно и чувство гражданского долга вкоренилось в будущего человека на подобие инстинкта, чтобы блага общества всегда им ставились выше своих личных выгод, чтобы он сделался всегдашним ревнителем общественных интересов и защитником их везде и всюду, чтобы его всегдашним идеалом была возможная помощь общественному делу, клонящемуся к общему благу.

«И не одна только помощь «ближним», как основа гуманности, должна быть лозунгом социально-трудового воспитания, но, главным образом, помощь социальному целому, причем общечеловеческие идеалы должны быть признаваемы высшим достижением морали. Иными словами, нужно заботиться о таком социально-трудовом воспитании, которое – создавало бы из человека истинного гражданина – демократа и в то же время закаляло бы его энергию для общественной деятельности, уравнивало бы всех необходимостью трудиться на общую пользу, в меру их сил и способностей, и которое развивало бы в человеке социальные инстинкты, вкореняя их с самого детства.

«Социально-трудовое воспитание должно подготовить в будущем новый тип социальной личности с полным сознанием гражданских прав и обязанностей,

который понесет впереди себя знамя единства, свободы и равенства между всеми вообще людьми и явится хранителем лучших основ гражданственности, свободы и братства.

«Служение обществу должно сделаться своего рода религией школьного воспитания. Оно должно чувствоваться детьми даже не как должное, а как необходимое и неизбежное, как внутренняя потребность, как оправдание своего бытия».

Лучшая религия с моей точки зрения есть религия социального героизма в смысле социальной жертвенности, о чем я писал в статье: «Бессмертие человеческой личности как научная проблема». Это была речь, произнесенная на акте Психо-Неврологического института и напечатанная в «Вестнике Знания» в 1916 г., где я бессмертие рассматриваю, конечно, не в религиозном смысле, а в смысле социального бессмертия.

Мне кажется даже, что пропаганду социального героизма (11) следовало бы ввести в воспитание наших детей и юношества.

Это и осуществлялось под моим руководством сотрудниками Воспитательно-Клинического института, где дети посвящали вечера (по одному разу в неделю) рассказам в доступной детскому уму форме о тех или других деятелях, преодолевших жизненные препятствия к достижению социально-полезных целей, напр., о Ленине, Спартаке, Колумбе, Линкольне и др. Такие рассказы, с демонстрациями в фонаре, дети слушали с напряженным вниманием, без конца затем обсуждали предмет беседы и прорабатывали ее последующей инсценировкой.

Далекий от всякой политики, я стою (как ученый, а не политик) на общечеловеческой платформе, и потому я ищу идеологического выхода из старых форм жизни, в целях – создания новых ее форм, связанных с раскрепощением народов и устранением эксплуатации одной нацией других наций и угнетения одним человеком другого. Поэтому, в начале мировой войны в публичной речи я высказал свои мысли против войны, как мог по тогдашнему времени, когда то и дело в речах различных ораторов слышались отзвуки старого гимна «Гром победы, раздавайся». Речь эта была напечатана затем в «Вестнике Знания» за 1915 г. под заглавием «Лев Толстой и единение народов». В этой речи я, между прочим, говорю: «Мне представляется настоящая война в виде тяжелого кризиса всей вообще современной цивилизации, отрицательные стороны которой так бичевал Л.Н. Толстой». И разве на самом деле можно оправдывать существование такой цивилизации, при которой человеческий ум изощряется более всего в изобретении смертоносных орудий, когда он весь напрягается в целях сокрушения т. н. врагов, которых он завтра назовет своими братьями? Приводя затем миролюбивую речь базельского пастора Лимбаха, я говорю, что истинное единение народов возможно только при обновлении жизненных условий, при разоружении народов, при новых социальных реформах и при новом укладе международных отношений. Тем не менее, человечество должно, обязано найти после этой войны новые пути к достижению идеалов мирной, братской жизни, должно отрешиться от старых жизненных норм. Для этой цели, – говорю я ниже, – должны получить, прежде всего, право на самобытие и развитие все поработанные ныне культурные народы Европы и, вместе с тем, должны быть возможно справедливее размежеваны границы отдельных воюющих стран.

Это первая прочная основа мира, который должен быть в результате войны.

Вторая основная причина истинного мира должна заключаться в разоружении народов до той степени, чтобы была возможность обеспечить лишь внутреннее спокойствие государств. «Не должно быть также деления народов внутри

страны на господ и париев или гонимых, ибо все одинаково несут свои обязанности по отношению к государству и его защите».

В заключение скажу, что в результате мировой войны, прошлое России, казавшееся извне столь величественным, кануло в вечность и возврата к нему нет. На смену великой России, теперь отошедшей в историю, мы имеем великую Федерацию народов, объединяемых СССР, в которой каждый народ, будучи свободным, чувствует себя уже теперь равным братом во всей Союзной семье. Этому то новому великому государственному организму открываются великие возможности не только в сторону социального прогресса, но и прогресса научного.

Закончу это мое жизнеописание последней строфой стихотворения Тихобережского, написанного после окончания гражданской войны в России:

«И пусть, на месте масс поработанных, в веках живет и крепнет и цветет союз всех стран объединенных, забывших старый тяжкий гнет!»

Авторские ссылки В.М. Бехтерева:

1. Некоторые из более ярких воспоминаний об этой военной эпопее можно найти, между прочим, в позднейшей моей статье под заглавием «Софийский съезд и впечатления из Болгарии» в «Вестнике Знания» за 1910 год.

2. См. напр., мои статьи «Социальном отборе» – «Вестник Психологии» и “Nord und Sud” за 1912 г., «Природа» за 1916 год и др.

3. Об этом, между прочим, знаменитый писатель упоминает в своей книге «Мои университеты». Ред.

4. См. Труды Съезда психиатров в Петербурге в 1911 г. и отд. издание.

5. В. Бехтерев. Вопросы нервно-психического здоровья в населении России. Отд. брошюра.

6. В. Бехтерев. 1) Вопросы алкоголизма и меры борьбы с развитием его. 2) Об алкогольном оздоровлении. 3) Отравление народа и физическое и нравственное его оздоровление 4) Существенное в вопросах алкоголизма и другие брошюры.

7. В произношении слышится, как Кассо.

8. Эта речь была напечатана в «Вестнике психологии». Правда, она была сильно сглажена в печати.

9. См. статью «Из резолюций Николая II» – «Былое» 1918 г., № 12, стр. 143.

10. В этом протесте, о котором я ни с кем не советовался, я видел лишь моральное удовлетворение для самого себя, но впоследствии я узнал, что он не пропал втуне. В то время уже велись переговоры о снятии блокады для чего тов. Литвинов пребывал тогда в Дании. В иностранной печати устами бывших наших министров только и заявлялось, что надо во что бы то ни стало душить большевиков, а вместе с ними, очевидно и всех оставшихся в Советской стране. Мой голос явился из самой Советской России и прозвучал в ином тоне. Как это отразилось на переговорах о снятии блокады, мне, конечно, осталось неизвестным, но знаю, что через две, приблизительно, недели из-за границы в наших газетах появилось известие, что блокада снимается. В действительности оказалось, что это было лишь теоретическое заявление, практически же блокада продолжалась еще некоторое время.

11. См. мою работу «Бессмертие личности, как научная проблема». «Вестник Знания» 1916 г.»

6. ОБРАЩЕНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» К В.М. БЕХТЕРЕВУ С ПРЕДЛОЖЕНИЕМ ПОДГОТОВИТЬ К ИЗДАНИЮ АВТОБИОГРАФИЮ (архив мемориального музея В.М. Бехтерева, фонд VII, ед.хр. 25)

«ОГОНЕК»

Редакция

Москва, Тверская, Б. Гнездиновский переулок, 5

Тел. 2-96-12.

22 сентября 1925 г.

Многоуважаемый Владимир Михайлович!

Редакция журнала «Огонек» вводит отдел под названием «Страна должна знать своих ученых».

В этом отделе еженедельно с 15-го октября будет появляться биография одного из наших советских ученых с мировым именем. В биографии, кроме обычных сведений, должны быть отмечены:

- 1) бытовая и социальная обстановка, в которой сложилась творческая личность ученого,
- 2) проблемы, которые ставил перед собой научный работник
- 3) методы (основания) с помощью которых эти проблемы разрешались
- 4) те внешние обстоятельства, которые толкали мысль ученого к правильному разрешению поставленной проблемы
- 5) проблемы, разрешить которые предстоит в той области науки, в которой преимущественно работает данный ученый.

Желая дать наиболее правильный материал для данного отдела, обращаемся непосредственно к Вам с покорнейшей просьбой предоставить нам свою автобиографию.

С приветом.

Редакция «Огонек».

7. ПИСЬМА В.М. БЕХТЕРЕВА
К С.О. ГРУЗЕНБЕРГУ ПО ПОВОДУ ИЗДАНИЯ
АВТОБИОГРАФИИ В ЖУРНАЛЕ «ОГОНЕК»

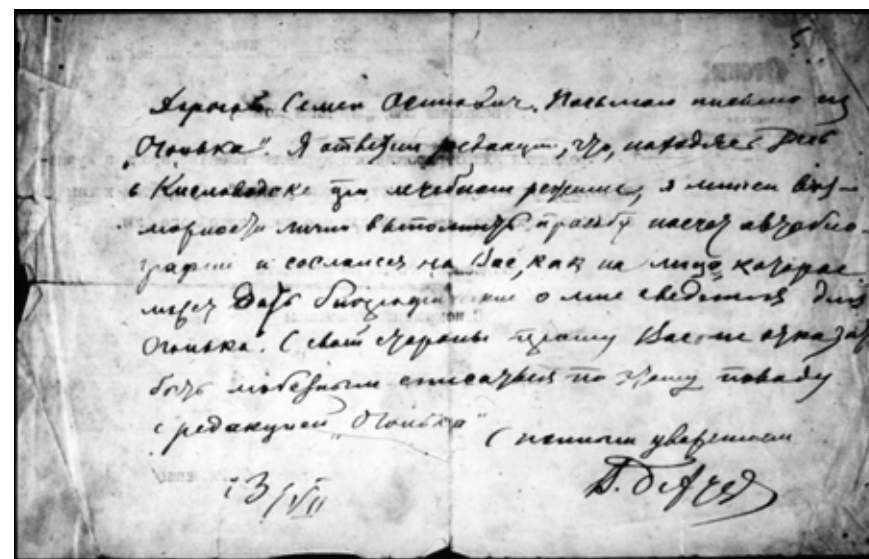
(архив РГАЛИ, цит. по В.Л. Вихнович,
«Профессор С.О. Грузенберг»)

Дорогой Семен Осипович!

Посылаю письмо из «Огонька». Я ответил редакции, что, находясь здесь в Кисловодске при лечебном режиме, я лишен возможности лично выполнить просьбу насчет автобиографии и сослался на Вас, как на лицо, которое может дать автобиографические обо мне сведения для «Огонька». Со своей стороны прошу Вас не отказать быть любезным списаться по этому поводу с редакцией «Огонька».

С полным уважением. В. Бехтерев. 13.12.»

(год не указан). Вероятно, это был 1926 г. Известно, что в 1926 г. В.М. Бехтерев проводил отпуск на Кавказе, и там, в Кисловодске, зарегистрировал брак с Бертой Яковлевной Гурджи, с того времени ставшей носить фамилию Бехтерева.

Глубокоуважаемый Семен Осипович!

К сожалению, второй раз побывать у Вас мне не удалось. Имеющаяся у Вас на руках тетрадка от Владимира уже пополнена на половину красивыми данными и предполагается еще несколько пополнить по получению воспоминаний от среднего брата, которому я написал уже свою просьбу. Но все же у Вас имеется рукописный вставочный листок, будьте добры переслать его почтой на имя Натальи Петровны, так как дубликата у меня нет, и надо будет его переписать, а скорее даже исправить его к лучшему.

Трудовой журнал
С. И. М. Осипович

Кто сохранил в памяти...
Многие годы у Вас...
Описание...
Ваша...
Спасибо...

Ваша...
Спасибо...
Ваша...
Спасибо...

Ваша...
Спасибо...
Ваша...
Спасибо...

Относительно публикации интересно бы мнение редактора какого-нибудь крупного или видного издания насколько стоит привлекать общественное мнение детальностью письма, да, и, в общем, я стесняюсь очень приравненностью печатания, готов бы облечь все в иносказательную форму без употребления имен, чтобы не выглядело панегириком. Окончательно решить вопрос – надо бы повременить несколько. И самому подумать, и посмотреть, как повлияет рассказ на лица совершенно незнающих.

Ваши записки другого рода, у Вас (неразборчиво) официальных фактов по институту. Вы, можно сказать, обязаны собою передать их обществу, как все время служивший с Владимиром. Конечно, они были бы чудесным дополнением к моим крохам из семейной хроники.

Сборник или вернее тот листок из моей моральной музыки, который можно бы выпустить как добавку к биографии само собой украсил бы еще, но уже следовало бы переговорить с редактором, и затем уговорить самого Владимира, чтобы он открыл псевдоним Григоровича, сдавая работу Чехова, извинился, сказав, что он без разрешения заменил псевдоним Чехонте на настоящую фамилию.

О музее (дом на родине) может быть только вскользь брошенная такая экзистенциальная мысль. Дом наш уже принадлежит в двух третях своей и моей Владимиру, а третью купил Владимир же у среднего брата, (неразборчиво), но дом стар и, конечно, придется думать о новом, для чего обширное у нас место на краю усадьбы, и моей мечтой даже в память матери, пожертвовать свою часть для школы в старом доме, но избрал я другой - путь отдать Владимиру в уверенности, что мечта моя после нас уже все же да когда –нибудь осуществиться в какой –либо благородной форме. А если бы не совершил этого, то есть уже «памятник нерукотворный».

Извиняюсь за длинные строки. Прилагаю обещанное стихотворение. Предполагаю, я понял, что Вам надо было только это.

Просмотрел Ваш любезный презент, но пока еще не основательно, хотя он уже соблазнил меня приобрести труд Введенского. Философия, однако, меня всегда мучила непонятными без навыка или (неразборчиво) терминами иностранного происхождения. Если бы такие слова заменить хотя и новыми, но производными от корней русских слов, то философия стала бы доступной большинству.

Пользуюсь случаем засвидетельствовать Вам и супруге глубочайшее почтение.

В. Бехтерев. 22 марта (апреля?).

Часть II.

Психо-Неврологический Институт.

СТАТЬЯ.

**«ЗАДАЧИ ПСИХО-НЕВРОЛОГИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА» – РЕЧЬ, СКАЗАННАЯ**

**В.М. БЕХТЕРЕВЫМ ПРИ ОТКРЫТИИ КУРСОВ
ИНСТИТУТА 3 ФЕВРАЛЯ 1908 г.**

/Вестник Знания, 1908. – № 3. – С. 3-19.

Отдельный оттиск № 2125, СПб., 1908.

Мм. гг. Официальное начало тому учреждению, которое именуется Психо-Неврологическим Институтом, положено 9 июня 1907 года, когда последовало высочайшее утверждение устава этого учреждения. Но первоначальные предположения о создании этого учреждения относятся еще к 1903 году. Они были высказаны мной членам Русского общества нормальной и патологической психологии и затем я сделал доклад тому же Обществу (1), которое, встретив сочувственно эти предложения, дало возможность путем образования особого организационного комитета выработать соответственный устав и одобрило мысль о собрании средств на создание Психо-Неврологического Института.

Вскоре последовало крупное пожертвование со стороны семьи Алафузовых, которое оказало существенную помощь в дальнейшем развитии вопроса о создании Психо-Неврологического Института и дало первое материальное обоснование Институту, содействовавшее и скорейшему проведению его устава.

По § 1 этого устава Психо-Неврологический Институт есть ученое и высшее учебное заведение, имеющее целью разработку и распространение знаний в области психологии и неврологии, а также сопредельных с ними наук.

Как ученое учреждение, Психо-Неврологический Институт получил право иметь ученые собрания, посвящаемые научным вопросам и устраивать съезды ученых по вопросам, входящим в круг ведения Института. С другой стороны, как высшему учебному заведению, Психо-Неврологическому Институту предоставлено право, согласно § 2 его устава, вести курсы по предметам, входящим в круг ведения его наук. Для популяризации же знаний, согласно § 6 устава, Институту, предоставлено право открывать публичные лекции, которые с разрешения Совета Института могут быть организуемы и вне С.-Петербурга по программам, выработанным Советом Института.

Как можно видеть отсюда, Психо-Неврологическому Институту предоставлены широкие полномочия и как ученому, и как высшему учебному учреждению, и как учреждению, призванному популяризировать знания. Само, собою разумеется, что развитие всей программы Института может быть приведено в исполнение лишь постепенно вместе с завершением внутренней организации Совета Института и с развитием денежных средств Института, обеспечивающих устройство и содержание его учено-вспомогательных учреждений.

До настоящего времени Психо-Неврологический Институт был занят своей внутренней организацией, т. е. пополнением состава Совета, выработкой программ преподавания, осуществлением одного из своих учено-вспомогательных учреждений, уже открытого и именуемого Психо-Педологическим Институтом, на средства, пожертвованные В.Т. Зиминим, и вообще организацией своей ученой деятельности. Но с тех пор, как в январе месяце текущего года последовало соглашение Совета Психо-Неврологического Института с Советом С.-Петербургской Биологической лаборатории, предоставившей в пользование Психо-Неврологическому Институту на определенных условиях свои помещения, явилась возможность для Психо-Неврологического Института ныне же осуществить одну из своих важнейших задач, сводящихся к функции высшего учебного учреждения.

Отметив эти главные моменты в развитии вновь нарождающегося учреждения, называемого Психо-Неврологическим Институтом, я считаю своим нравственным долгом выразить здесь от лица Совета Института и лично от себя самую теплую благодарность, прежде всего, Русскому Обществу нормальной и патологической психологии, явившемуся истинной матерью нового учреждения, Организационному Комитету, немало потрудившемуся над разработкой и проведением устава Института и взявшему на себя труд первоначальной организации Совета Института, всем жертвователям, оказавшим материальное содействие Институту, особенно семье Алафузовых, Н.Ф. Головину, В.Т. Зимину, М.П. Скоропадскому, А.Н. Шитовой и многим другим лицам, выразившим готовность пожертвовать на Институт более или менее крупные суммы. Далее я считаю для себя приятным долгом выразить от Совета Института чувства благодарности Совету Биологической лаборатории и ее директору, открывшим двери для учебных нужд Психо-Неврологического Института, затем Городскому Управлению г. Петербурга, предоставившему залу для настоящего собрания, которым открываются курсы Института, а также всем вообще лицам, так или иначе содействовавшим Институту как при его первоначальной организации, так и при проведении его устава. Переходя затем к научно-учебным задачам Института, необходимо отметить, что Советом Психо-Неврологического Института от 12 января было постановлено в ближайшее время, т. е. с нынешнего же полугодия, открыть учебные заседания Института, причем предположено первое ученое заседание посвятить памяти Могел'я, великого творца учения о вырождении, чтобы воскресить в настоящее время основные черты его научной деятельности и оценить значение его трудов, так как не далее, как в конце прошедшего года истекло ровно 50 лет со времени выхода в свет его знаменитого трактата о вырождении (*Traité de dégénérescence*); в следующем же ученом заседании предположено представить результаты произведенного мной и Р.Л. Вейнбергом исследования мозга нашего знаменитого химика Менделеева.

Вместе с тем постановлением Совета от 20 января решено с нынешнего 3 февраля открыть торжественным собранием начало курсов, которые отныне систематически поведутся в помещениях Биологической лаборатории.

Этими постановлениями начинается та научная и просветительная деятельность Психо-Неврологического Института, которая обеспечивает ему, согласно его устава, положение ученого учреждения и высшей школы, имеющей свои определенные задачи. Чтобы осветить эти задачи позвольте указать, прежде всего, на то, что за последнее время ясно была признана необходимость самого широкого изучения мозга, этого важнейшего орудия человеческой мысли. Сознание это выли-

лось в определенную формулу вслед затем, как образовалась международная ассоциация научных Академий. Она назначила особую Центральную Комиссию для исследования мозга, которая в январе 1904 г. сделала представление той же международной ассоциации Академий, собравшейся в Лондоне 25 мая 1904 г. Это представление гласило следующее:

«Отдельные, состоящие в ассоциации Академии и Общества, от имени ассоциации должны сделать при соответствующих Правительствах или иных подлежащих инстанциях предложение об основании специальных Институтов или отделений для исследования центральной нервной системы, поскольку таковые не существуют или не могут быть созданы иным путем».

К числу задач таких институтов должно быть отнесено, по мнению упомянутой Комиссии, изучение морфологии, физиологии и патологии центральной нервной системы. Все это, по взгляду Комиссии, обнимает следующие отдельные области:

- а) систематическую анатомию центральной нервной системы человека, включая и антропологию,
- в) сравнительную анатомию мозга,
- г) гистологию мозга,
- д) исследование мозга по методу развития,
- е) физиологию мозга, включая и физиологическую психологию,
- ж) патологическую анатомию, экспериментальную патологию и тератологию мозга,
- з) клиническое исследование поражений мозга.

Комиссия полагает, что вышеуказанные институты должны иметь в виду следующую цель:

- 1) Собрание научного материала в форме препаратов, моделей, фотограмм, рисунков и пр. и доступность этого материала.
- 2) Техническую помощь при научных исследованиях.
- 3) Сохранение ценного вполне, обработанного или еще обрабатываемого экспериментально-физиологического и патологического материала.
- 4) Осуществление больших, превосходящих силы одного лица задач, насколько таковые подходят для совместной работы.

По мнению Комиссии должна быть создана в разных странах целая сеть подобных Институтов, которые должны друг другу взаимно помогать и поддерживать общее дело. При этом Комиссия совершенно определенно высказалась, что по ее мнению тот факт, что «все культурные нации заинтересованы в разрешении обрабатываемых задач, служит оправданием тому, чтобы сделать организацию Институтов международной».

Таким образом, международная ассоциация научных Академий пришла к выводу, что изучение мозга в настоящее время является столь важным, что для этой цели признается необходимым устройство целой сети особых Институтов во всех культурных странах.

И в самом деле нельзя не удивляться тому поразительному факту, что в то время, как культурный человек мнит себя победителем природы и обставляет свое существование разнообразными условиями, созданными замечательной пытливостью его ума, орудие этого ума, т. е. самый мозг до сих пор еще остается мало обследованным даже в архитектурном или такъ наз. морфологическом смысле. Это тем более поразительно, что изучение строения других органов

нашего тела уже давно достигло значительной степени совершенства, тогда как изучение мозга интенсивно началось лишь за последнее время и требуется приложить еще много усилий со стороны человеческого ума, чтобы оно встало в уровень с изучением других органов.

При этом случае у каждого естественно возникает мысль, что все это зависит от необычайной сложности строения мозга. Факт этот, без сомнения, не может быть отрицаем, так как сложность строения мозга по сравнению с другими органами тела должна быть очевидною для всех и каждого. Но тем не менее нельзя не отметить здесь того обстоятельства, что наше недостаточное знакомство с мозгом зависит в значительной мере и от того, что для изучения этого важнейшего из органов тела уделяется мало времени в тех высших школах, которые посвящают себя изучению человеческого организма вообще. Я говорю о медицинских факультетах наших университетов.

При большом перегружении научными дисциплинами, знакомство с которыми при изучении медицины вынуждается самою силою вещей, для ознакомления с мозгом остается вообще мало времени и у анатома, и у гистолога, и у физиолога, и у патолога, благодаря чему изучение этого органа в этих школах оказывается недостаточно полным, по крайней мере по сравнению с тем, как оно должно бы быть поставлено, принимая во внимание необычайную важность того органа, благодаря которому человек так возвышен среди всей окружающей его живой природы.

О других школах, в которых изучению человеческого организма отдается еще менее времени, нежели на медицинских факультетах и говорить нечего.

Приняв все эти данные во внимание, нетрудно выяснить себе, из каких мотивов исходили представители научных Академий всего мира, выделяя особую международную комиссию для исследования мозга, и чем руководились они, остановившись на мысли о создании особых Институтов для исследования мозга в разных культурных странах.

Создаваемый ныне Психо-Неврологический Институт в России, хотя и начал зарождаться независимо от постановления международной ассоциации Академий и даже несколько раньше этого постановления, тем не менее вполне отвечает тем же самым задачам – изучать мозг как в отношении его строения и развития, так и в отношении его функций, благодаря чему наш Институт, удовлетворяя этой потребности, входит, как необходимое звено, в сеть международных Институтов, создаваемых международной ассоциацией научных Академий в разных культурных странах. Таким образом, он естественно должен примкнуть в своих научных стремлениях и задачах по изучению мозга к международной ассоциации Академий.

Но возникает вопрос, может ли признаваться достаточно полным изучение мозга и его функций без самого подробного и самого тщательного изучения психики, которой выражается деятельность мозга, без изучения разнообразных ее проявлений и без подробного ознакомления с условиями проявления человеческой мысли и творчества.

Для пояснения вопроса мы можем спросить себя, будет ли полно наше знакомство, напр., с мышцей, если мы, зная ее строение, не будем знать конечного результата ее отправления, т. е. ее деятельности? Допустим для примера, что мы имеем пред собою гениального мыслителя, который рядом сложных концепций мысли открывает тайны окружающей нас природы; представим себе затем паразитического художника, творения которого развертывают пред нами чудный

мир красок и тонов, оживляющий столь ценные в этическом отношении чувства любви и изящества. Допустим далее, что нам предстоит задача, изучить мозг этого гениального мыслителя и этого замечательного художника для того, чтобы понять особенности их гения.

Можно ли вполне разрешить эту задачу, изучая только один мозг не касаясь вовсе ни самой личности гения и художника, ни их творений, ни тех условий, при которых создавались эти творения? Ведь вся сила ума и вся сила творчества именно и проявилась в данном случае в замечательных продуктах мысли и художественных образах и потому, не обращаясь к изучению особенностей этих продуктов мысли и творчества и не изучив в подробности самую личность и те внешние условия, которые содействовали развитию всех особенностей гения мысли и гения чувства, нельзя рассчитывать и на возможность успешного разрешения задачи, и на достаточную полноту самого исследования.

С другой стороны возьмем совершенно противоположный пример:

Допустим, что мы имеем пред собою тяжелого дегенерата, являющегося отрицательной величиной в общественном смысле, – человека, который по своей недоразвитости, так наз. неуравновешенности и склонности ко всевозможным излишествах, является всегдашним нарушителем общественного спокойствия, тяжким бременем для своей семьи и предметом забот со стороны властей.

Достаточно ли изучить только мозг такого лица, чтобы понять то зло, которое связывается с именем вырождения; не должны ли мы, напротив того, сказать себе, что должно быть произведено самое тщательное изучение психологических особенностей данного лица. Мало того, только тогда наши знания в этой области окажутся достаточно полными, когда мы изучим и выясним все условия и общественные и биологические, которые ведут к вырождению человеческого рода – этому страшному злу, с которым должна быть неотложно организована систематическая борьба как со стороны самого общества, так и государства.

С другой стороны, представим себе человека, обездоленного судьбой, отягченного самыми тяжелыми экономическими и общественными условиями, человека – нищеты и порока, человека, деятельность которого характеризуется антисоциальными поступками и целым рядом преступлений. Можем ли мы понять это состояние, взявшись за изучение только мозга и не обращаясь к подробному изучению особенностей данной личности и к анализу всех условий, которые привели данное лицо на путь преступления?

Вряд ли нужно говорить, что на все поставленные нами вопросы может быть только один ответ, – ответ вполне отрицательный.

Вот почему в задачи Психо-Неврологического Института при его основании положено не только изучение мозга, но и всестороннее изучение психики вообще и в частности разнообразных проявлений деятельности человеческого ума и творчества, а вместе с тем и изучение всех важных в общественном смысле ненормальных болезненных отклонений психической деятельности человека.

В этом отношении Психо-Неврологический Институт заполняет собою существенный пробел знаний в наших высших школах, который для настоящего времени является особенно чувствительным. Возьмем такой основной предмет, как общая психология, имеющая своей задачей изучение психики человека. Несмотря на огромное общеобразовательное значение психологии, как науки, она читается, как обязательный, предмет лишь на историко-филологическом факультете университетов. Но и здесь она не составляет особой кафедры, а входит в предмет ведения кафедры философии. Являясь, таким образом, подчиненной научной

дисциплиной, влачась постоянно на запятках философии, она естественно не может получить того значения и развития в курсе наук, какое ей принадлежит по праву.

Нечего говорить, что тесная связь психологии с философией в одной кафедре не дает благоприятных условий для широкого развития экспериментального метода исследования, получающего столь важное значение в современной психологии.

Еще хуже стоит дело с психологией на медицинских факультетах, где имеются кафедры душевных болезней, изучение которых должно естественно опираться на психологию, как науку о нормальной психической жизни, и тем не менее на них нет вовсе кафедры психологии.

Вышеуказанный пробел в изучении психологии в наших высших школах столь ощутителен, что за последнее время молодежь уже сама стала возбуждать вопрос о необходимости введения психологии, как самостоятельной кафедры, в курс высшего образования, как это выразилось, между прочим, недавним заявлением студентов С.-Петербургского Университета.

Нельзя при этом не отметить того интереса и того значения, которые должны иметь и другие отрасли психологии, особенно индивидуальная и общественная психология, иначе говоря, психология отдельных личностей и народных масс, а также сравнительная психология народов, которая стала выдвигаться за последнее время, как особая научная дисциплина.

Всякий понимает, какое значение могут приобрести эти науки, когда с помощью их удастся улавливать народный пульс, когда они будут освещать психологическую сторону общественных событий и дадут возможность предвидеть исход народных движений. Пока это без сомнения еще вопросы будущего, но подходить к их разрешению возможно только путем научного исследования, которым и занимается общественная психология и сравнительная психология народов.

Руководясь этими данными, Психо-Неврологический Институт и имеет в виду дать всем желающим широкое психологическое образование, при чем из общего курса, на котором сосредоточен, главным образом, ряд биологических, неврологических, исторических и общественных наук в программу Психо-Неврологического Института входит еще особая психологическая секция с целым рядом научных дисциплин, составляющих разветвление психологии и философии, как индивидуальная, общественная и национальная психология, философские науки, общее языкознание (психология языка), сравнительное языкознание, методология наук, физиология и патология речи, общая психопатология и пр., и пр.

Не менее ощутителен пробел в нашем высшем образовании и по отношению ко многим другим дисциплинам, стоящим в тесной связи с общей психологией и имеющим во всяком случае огромное научно-практическое значение.

Я укажу здесь на такие науки, как детская психология, педагогическая психология, умственная гигиена, криминальная антропология, учение о гипнозе и внушении, учение о вырождении и, наконец, клиническое изучение душевных и нервных болезней.

Кто может сомневаться в том, что возраст первого детства есть именно тот возраст, в котором впервые формируются первоначальные устои будущей личности и впервые начинают обрисовываться особенности ее нервно-психической организации. Масса позднейших наслоений, приобретаемых воспитанием и жизнью, конечно, имеют свое особое значение для сформирования будущей личности, но

первоначальные ее черты и повидимому наиболее прочные уже намечаются в возрасте первого детства.

Можно ли далее сомневаться в том, что необычайная нежность и восприимчивость этого возраста дает почву для развития различного рода уклонений в деятельности нервно-психической сферы, уклонений, приводящих к тяжелым и печальным последствиям для психического здоровья будущей личности.

А между тем всем известно, что нервно-психическая деятельность в этом возрасте остается еще далеко неизученною. Хотя мы и можем здесь привести имена многих научных деятелей, давших труды в этой области, между ними Sigismund'a, Preyer'a, Darwin'a, Kussmaul'я, Bardvin'a, Сикорского и многих других, но все же мы еще очень и очень далеки от того, чтобы признавать наши знания о детской психике в какой либо мере удовлетворительными и полными.

Нельзя при этом не отметить, что, не смотря на развившийся за последнее время интерес к изучению детской психики, применявшиеся здесь методы исследования еще не могут быть признаны безупречными, особенно если принять во внимание, что вместо того, чтобы к изучению детской психики подходить исключительно объективным путем исследователи для оценки психической жизни ребенка пользовались большей частью субъективной оценкой, иначе говоря, проявления детской психики оценивали с точки зрения своих собственных переживаний, в чем нельзя не видеть коренной ошибки всех такого рода исследований.

Что касается воспитания в возрасте первого детства, то с ним дело обстоит ничуть не лучше, а вернее еще хуже. Как известно, возраст этот находится даже в интеллигентном классе общества на руках невежественных нянь и бонн или незнакомых с делом воспитания матерей, которые, хотя и желают помочь правильному умственному развитию своих детей, но не знают, как этому помочь, по отсутствию соответствующих научных данных. Да и многие представители педагогики еще до сих пор признают, что последняя не имеет своего применения к возрасту первого детства, когда ребенку будто бы нужен только врач-педиатр.

Но можно ли с этим согласиться? Опять-таки, мы должны сказать решительно «нет!».

По крайней мере существуют все основания полагать, что мы имеем здесь одно из самых грубых заблуждений, приводящих к печальным и тяжким последствиям.

Можно ли сомневаться в том, что самый нежный возраст требует и самого деликатного обращения с собой и не только в физическом, но и в нравственном или психическом отношении. Разве мы не видим на каждом шагу, что уже в раннем возрасте детьми усваиваются дурные черты характера и недопустимые привычки, с которыми приходится бороться систематически в более позднем возрасте?

Равным образом возможны и болезненные уклонения нервно-психической сферы, коренящиеся в ненормально тяжелых условиях, в которых протекло раннее детство.

Психиатрам приходится постоянно сталкиваться с случаями душевных расстройств того или иного рода, где нет никаких неблагоприятных условий со стороны наследственности, где плодоношение протекло правильно и в то же время не было никаких особых внешних моментов в позднейшем возрасте для развития психоза, и тем не менее последний рано или поздно наступает, при чем можно проследить в таких случаях черты индивидуального расположения к неустойчивости нервно-психической сферы еще с детского возраста.

Такие случаи не могут не доказывать, что недостаточно заботливое отношение к возрасту первого детства является причиной последующего развития тяжелых уклонений в психическом развитии личности и даже причиной развития душевных заболеваний.

Во всяком случае недопустимо, чтобы первый шаг в жизни человека не был предметом самых тщательных воспитательных забот, хотя бы во внимании к тому, что первый шаг везде признается наиболее важным, определяющим в известной мере и все последующее направление деятельности человека.

Вот почему Психо-Неврологический Институт и кладет в программу своей деятельности изучение психики ребенка и, благодаря упомянутому ранее пожертвованию В.Т. Зиминой, при нем уже основан особый Психо-Педологический Институт с интернатом маленьких питомцев, в котором производится самое тщательное объективное изучение ребенка от дня рождения, как в физическом отношении, так и в психическом; причем одновременно применяются и воспитательные меры, дающие возможность предотвращать в самом зародыше те или другие уклонения психической сферы, напр. склонность к аффектам и др.

Возьмем другой важный в практическом отношении отдел психологии – педагогическую психологию. Кто не знает, что наше школьное обучение до сих пор ведется чисто эмпирически, при чем нормы этого обучения в смысле способа преподавания, применения наглядных пособий, распределения уроков, их продолжительности, их последовательности и смены, продолжительности промежуточных отдыхов, значения физических упражнений для обучения и пр., и пр., устанавливаются в наших школах по особым большей частью теоретическим, а иногда и по чисто внешним основаниям.

А между тем вопросы, связанные с разрешением задачи, как лучше использовать юношеский возраст для образования, в настоящее время могут быть разрешены при посредстве точного эксперимента в лабораториях и в самих школах, причем современная педагогическая психология уже дает ответы на многие из вопросов, связанных с образовательными целями; в будущем же можно ожидать от нее еще более полного освещения различных вопросов, связанных со школьным образованием, благодаря чему явится возможность поставить последнее на строго научную почву и устранить из этой области постоянное и часто пагубное для юношества пренебрежение научными истинами.

Далее нельзя не обратить внимание на особое значение умственной гигиены, этой новой отрасли знания, обещающей развиться в стройную научную дисциплину. Не странно ли, что современный человек культуры до сих пор так мало уделял внимания на то, как лучше оберечь свой мозг и свои умственные способности, особенно в период их развития, от всевозможных вредных воздействий, которые так или иначе нарушают правильное развитие психической сферы и поддержание умственных сил на должном уровне.

Ведь, вопросы, связанные с охраной умственного здоровья и с предотвращением преждевременного умственного одряхления для интеллигентного человека должны быть не менее важны, чем вопросы физического здоровья.

Для нас русских эти вопросы особенно важны, так как имеются данные, говорящие за то, что умственное одряхление в преклонном возрасте у интеллигентных русских, по-видимому, начинается ранее, нежели у западно-европейских интеллигентов.

Само собою разумеется, что умственная гигиена далеко еще не достигла такого уровня развития, чтобы разрешать все практические вопросы, касающиеся охраны умственного здоровья.

Даже столь простой вопрос, как вопрос о том, сколько человеку нужно уделять времени на сон, требует еще научной разработки. Недавно с этим вопросом мы практически столкнулись, когда потребовалось выяснить этот вопрос для школ, имеющих интернаты воспитанников, и оказалось, что строгого научного определения времени сна для юношеского возраста не существует.

Ясно отсюда, что в области умственной гигиены нужно еще много поработать, нужно поставить целый ряд экспериментально-психологических исследований, дабы оказать существенные услуги в деле охраны психического здоровья населения. Но тем не менее эта наука, в которой пока намечаются еще первые шаги, представляет собою науку первостепенной важности для современного культурного человека, вследствие чего Психо-Неврологический Институт и признал необходимым иметь ее в числе наук, входящих, как обязательный предмет в курсы Психо-Неврологического Института.

В виду же важного значения для педагогов всех вышеуказанных наук и целого ряда других знаний, как напр. Анатомические и физиологические особенности развивающегося организма, история школы, история педагогических учений, физиология и патология речи, врачебная педагогика умственно-отсталых и нервно-больных детей и т.п., не говоря уже о собственно философских науках, Психо-Неврологический Институт и нашел необходимым выделить особую секцию под названием педагогической.

Далее важное общественное значение имеют вопросы, входящие в область, т. наз., криминальной антропологии и психологии преступности.

Практическая их важность должна быть ясна для всякого, тем более, что правильное их разрешение связано с выяснением разумных мер борьбы с преступностью. В этом отношении особенно чувствовался недостаток в нашем высшем образовании, так как, несмотря на особое значение криминальной антропологии, как науки, для которой уже неоднократно устраивались международные съезды, до сих пор негде было с ней знакомиться заинтересованным лицам.

Как-бы ни смотреть на Lombroso'вское учение, в настоящее время почти отвергнутое, но нельзя отрицать того, что учение это положило начало постоянно развивающейся науке под именем криминальной антропологии, при чем научные изыскания в этой области стремятся выяснить корни антисоциальных отношений между людьми и сообразно с этим указать рациональные меры борьбы с ними.

Для нас, русских, эти вопросы обладают жгучим интересом современности, так как способы борьбы с преступностью, достигшей в стране наивысшего предела, все еще сводятся к тому, чтобы мерами крайней репрессии возбудить «спасительный страх» в преступном человеке, забывая, что человек, совершающий преступление, всегда и везде надеется избежать преследования и наказания, а потому и не устрашается вперед никакими казнями, возбуждающими лишь озлобление в известной части населения. Рассматриваемый вопрос представляется однако чрезвычайно широким и разрешение его находится в тесной связи с условиями общественной жизни вообще, вследствие чего Психо-Неврологический Институт организовал особую специальную криминологическую секцию, в которую входит кроме изучения самой преступности и целый ряд социально-юридических наук, как уголовная социология, уголовное право, сравнительная история права,

история экономических учений в связи с историей хозяйственного быта, судебная медицина, судебная, общая и патологическая психология и учение о гипнозе и внушении.

В рассматриваемой области, однако, нельзя ограничиваться одними курсами, особенно в условиях нашей современности. Нужно еще изучать самое явление в его реальном бытии, как оно проявляется в жизни, в нашей действительности, нужно изучать коренные условия, порождающие антисоциальные действия отдельных лиц и целых масс, дабы бороться с этим недугом нашего времени коренными мерами, устраняющими основную причину недуга, а не одними только паллиативами, хотя бы и сильными. В этих видах я внес предложение в Совет Психио-Неврологического Института об учреждении при Институте особого учреждения под названием Криминологического Института по типу подобного же Института, устроенного в Аргентине, задачей которого было бы собирание сведений о преступности в стране, всестороннее изучение условий развития преступности в населении, изучение психологии преступлений вообще и психологии преступника в частности и изучение более рациональных мер борьбы с преступностью. Предложение это, сочувственно принятое Советом Психио-Неврологического Института, находится в настоящее время на рассмотрении особой комиссии, которая и представит затем проект такого Института на рассмотрение Совета Психио-Неврологического Института.

Далее за последнее время выдвинулась наука, известная под названием гипнологии или учения о внушении и гипнозе, входящая также в курс наук Психио-Неврологического Института. Важное значение учения о внушении в объяснении многих общественных событий, массовых движений и весьма многих явлений в индивидуальной жизни каждого лица неоспоримо (2). Вместе с этим учение о внушении и гипнозе приобрело важное значение в практическом отношении, как особый прием психического воздействия при многих нервных состояниях, а также при укоренившихся вредных привычках, при злоупотреблении алкоголем и другими наркотическими веществами.

Не меньшее значение внушение приобретает при различных патологических отклонениях, развивающихся на почве вырождения, напр., при kleptomанических проявлениях, половых извращениях и др. Даже в воспитательных целях внушение в известных случаях может оказывать существенную помощь.

В виду этой важности учения о гипнозе и внушении первый гипнологический международный конгресс, собравшийся еще в 1899 г., постановил почти единогласно, что в медицинских университетах Европы должны быть организованы специальные курсы по гипнозу и внушению. Всякий знает, однако, что это желание осталось для наших университетов платоническим и до сих пор еще нет специальной кафедры в наших медицинских факультетах, которая давала бы возможность знакомить будущих врачей с этой важной отраслью знания. Таким образом, для лиц, желающих ознакомиться с этим предметом не по книгам только и не понаслышке, а ознакомиться научно и практически и, если можно так выразиться, пройти школу гипноза, до сих пор не имелось соответствующих условий в наших высших учебных заведениях. Таким образом, и в этом отношении Психио-Неврологический Институт идет навстречу назревшей потребности и с нынешнего года открывает особую поликлинику для лечения внушением алкоголиков и других больных, давая всем интересующимся этой областью лицам возможность всестороннего научного и практического изучения гипноза и внушения.

Далее заслуживает особого внимания учение о вырождении в связи с вопросом о наследственности, составляющее предмет особой кафедры Психио-Неврологического Института. Нетрудно представить себе, какое должно быть громадное значение этой научной дисциплины, когда перед глазами слушателей раскроются все те условия, которые приводят к вырождению обездоленного населения, и когда перед ними пройдут мрачные картины дефективной организации, приводящей к упадку интеллекта и ослаблению физического здоровья. Если более широкое знакомство с этим учением даст возможность ближе подойти к выяснению вопроса о мерах борьбы с нарастающим вырождением населения, с этим главным врагом нашей культуры, то уже в этом нельзя не видеть особой пользы, которой можно ожидать от введения этой дисциплины в курс наук Психио-Неврологического Института.

Наряду с только что упомянутыми науками, целый ряд научных дисциплин, входящих в круг ведения Психио-Неврологического Института, посвящается изучению нервных и душевных болезней. Этот круг наук выделяется в особую, т. наз., медицинскую, или, психиатрическую секцию, которая представит собою курсы усовершенствования для врачей и других лиц, желающих ближе ознакомиться с душевными и нервными болезнями.

При этом нельзя не принять во внимание, что между всеми болезненными расстройствами, поражающими человека, душевные болезни занимают совершенно особое положение, так как они суть болезни личности в истинном смысле этого слова, при чем постоянно усиливающееся распространение их угрожает человечеству разрушением самых основ его цивилизации.

Всякому должно быть понятно, что душевно-больной оказывается больным особого рода, требующим опеки над своим имуществом, являющимся обычным нарушителем общественного порядка и спокойствия и совершающим нередко преступление, не будучи в то же время преступником. С другой стороны, душевно-больной с биологической точки зрения является причиной развития вырождения в потомстве, требуя, таким образом, ограждения населения от брачных связей с ним.

Наконец, с экономической точки зрения душевно-больной в условиях домашней жизни не только является нетрудоспособным, но и обременяет семью постоянным за ним уходом и присмотром.

Вследствие всех только что перечисленных условий, все цивилизованные страны стремятся обеспечить возможно большему числу душевно-больных специальное содержание и лечение в больницах, колониях и патронажах.

В какой мере это достигается в культурных странах Западной Европы можно сослаться на пример Англии, где пользуются теми или другими видами призрения всего 93%, а в Шотландии число призреваемых душевно-больных достигает даже цифры 99%.

Попробуем сравнить с этим счастливым положением условия нашей страны. Общего исчисления душевно-больных во всей России мы еще не имеем, но для некоторых губерний, напр., Московской, Нижегородской и Петербургской, как известно, производился поголовный осмотр населения врачами и студентами-медиками, который дал в общем цифру приблизительно 1-го душевно-больного на 400-450 здоровых жителей.

Эта цифра к счастью много меньше, нежели для западно-европейских стран, для которых она колеблется приблизительно в пропорции 1 душевно-больной на 250-350 здоровых жителей.

Если мы вышеуказанную цифру в применении для всей России еще несколько уменьшим, предполагая, что наши восточные окраины, как менее культурные, должны иметь меньшее число душевно-больных, то и в таком случае мы будем иметь для России колоссальное число душевно-больных, которое для населения всей Империи должно исчисляться приблизительно в 300.000.

Спрашивается теперь, какое же число душевно-больных находится у нас на призрении. В этом отношении оказывается, что все наши заведения, включая земские, городские, правительственные и частные, могут вмещать в общей сложности около 25.000 душевно-больных (3), след., в общей сложности, немного более 8% общего числа душевно-больных. Итак, свыше 275 тысяч душевно-больных или около того не находят для себя соответственного помещения в специальных заведениях, оставаясь в населении среди здоровых.

Эта огромная цифра нам говорит о том, как может отражаться на положении страны в смысле социальном и экономическом указанное число душевно-больных, свободно пребывающее в ней, и какие усилия должны быть употреблены на то, чтобы сравняться в этом отношении с странами западной Европы или по крайней мере приблизиться к ним в той или другой мере.

Вместе с этим вы представляете, что душевные болезни при таком положении дела находятся у нас ничуть не на попечении одних только врачей-специалистов, т. е. психиатров. На руках последних, в сущности, находится лишь та часть душевно-больных, которая помещается в специальных заведениях. Вся же огромная масса душевно-больных, находящаяся в населении приблизительно в 275 с лишком тысяч состоит большей частью на попечении всех вообще врачей, имеющих дело с больным населением страны.

Отсюда понятно, что у врачей вообще должно быть особое побуждение ближе знакомиться с этими тяжелыми недугами, поражающими личность человека. Но спрашивается, где у нас могли бы пополнять свои знания гражданские врачи как в отношении душевных болезней, так и в отношении других болезненных проявлений человеческой личности, напр. алкоголизма, наркомании и т.п. Я подчеркиваю здесь слово «гражданские» врачи, так как военные врачи имеют для этого богато обставленную клинику при Военно-медицинской Академии и находятся в этом отношении в значительно более благоприятных условиях.

Обстоятельства сложились так, что, хотя для более подробного ознакомления с другими болезненными расстройствами имеются для врачей прекрасные учреждения, как Институт Елены Павловны в Петербурге и др., но для более обстоятельного ознакомления гражданских врачей с душевными болезнями не имеется особого учреждения, где бы читались соответственные курсы для усовершенствования. Дело дошло до того, что ныне гражданские врачи, не находя возможности осуществить свои научные стремления в указанном отношении у нас в России, едут на свой счет за границу, главным образом в Мюнхен, где ежегодно читаются такие курсы несколькими профессорами.

Таким образом, Психо-Неврологический Институт, создавая особую психиатрическую секцию с курсами усовершенствования для врачей, и в этом отношении идет навстречу давно назревшей потребности.

Независимо от того, задаваясь целью в той или другой мере ослабить тягостное положение душевно-больных, от которых не могут пока освободить население ни усилия наших земств и городов, ни правительство, ограничившее свою заботу о душевно-больных лишь несколькими окружными лечебницами, Психо-Неврологический Институт согласно своему уставу организует в настоя-

щее время особое Попечительство о душевно- и нервно-больных и алкоголиках для всей России, надеясь таким образом путем привлечения частной благотворительности, с одной стороны, облегчить в меру возможности страдания самих душевно-больных, лишенных правильного содержания и лечения, часто истязуемых и находящихся в ужасных условиях, содержащихся иногда на цепи в темных и сырых помещениях нашей убогой деревни, с другой стороны, облегчить и само население, обездоленное нуждой и голодом от непосильных забот о здоровье своих душевно-больных сочленов.

Я не нахожу возможным останавливаться здесь на многих других научных дисциплинах, входящих в курс наук Психо-Неврологического Института, чтобы высказать пред вами их значение, но чтобы ближе ознакомить вас с организацией нового высшего учебного заведения, считаю необходимым указать здесь на то, что Совет Института предположил распределить все науки Психо-Неврологического Института в один общий основной двухлетний курс и в однолетние специальные курсы, прохождение которых для лиц, прошедших двухлетний курс, достигается в течение третьего года.

Эти специальные курсы представлены четырьмя отдельными секциями: психологической, педагогической, криминологической и психиатрической. Для лиц, желающих ограничиться специальным курсом Психо-Неврологического Института, возможно поступление и прямо на одну из специальных его секций, т. е. либо на психологическую, либо на педагогическую, либо на криминологическую, либо на психиатрическую секцию. Кроме того, для желающих предположено организовать специально-научные занятия и в течение четвертого года.

Что касается программы общего курса в течение двух первых лет, то она состоит для первого года из следующих наук:

1) Общего курса анатомии с гистологией, 2) Общего курса физиологии, 3) Химии, 4) Физики, 5) Общей биологии с учением о наследственности, 6) Общей психологии, 7) Сравнительной психологии, 8) Введения в философию, 9) Логики, 10) Основных моментов русской и общей истории, 11) Истории литературы и 12) Общей социологии.

В течение второго года общий курс состоит из: 1) Анатомии нервной системы, 2) Физиологии нервной системы, 3) Гистологии нервной системы, 4) Психофизиологии органов чувств, 5) Антропологии, 6) Экспериментальной психологии, 7) Истории культуры и религии, 8) Истории искусств, 9) Политической экономии, 10) Общей теории права, 11) Общей теории государства.

В специальной Психологической секции будут читаться следующие науки:

1) Индивидуальная психология, 2) Общественная психология, 3) Психология народов, 4) Общее языкознание (психология языка), 5) Сравнительное языкознание, 6) Методология наук, 7) Гносеология, 8) Этика, 9) Эстетика, 10) История философии, 11) Физиология и патология речи, 12) Умственная гигиена, 13) Уголовная антропология с психологией преступности, 14) Общая психопатология, 15) Патологическая психология, 16) Учение о внушении и гипнозе.

В специальной Педагогической секции имеются в виду следующие науки:

Анатомические и физиологические особенности развивающегося организма, 2) Психология детского возраста, 3) Педагогическая психология, 4) История педагогических учений и современная педагогика, 5) История школы, 6) Гносеология, 7) Этика, 8) Эстетика, 9) История философии, 10) Физиология и патология речи, 11) Врачебная педагогика умственно-отсталых и нервно-больных детей, 12) Воспитание глухонемых и слепых детей, 13) Умственная гигиена, 14) Школьная

гигиена, 15) Общая психопатология, 16) Патологическая психология, 17) Учение о внушении и гипнозе.

Специальная Криминологическая секция имеет следующие науки: 1) История преступности, 2) Уголовная социология, 3) Учение о мерах борьбы с преступностью, 4) Уголовное право, 5) Учение о доказательствах в уголовном суде, 6) История юридико-политических учений, 7) Сравнительная история права, 8) История экономических учений в связи с историей хозяйственного быта, 9) Судебная медицина, 10) Уголовная антропология с психологией преступления, 11) Судебная психиатрия, 12) Общая психопатология, 13) Патологическая психология, 14) Учение о внушении и гипнозе.

Наконец, специальная Психиатрическая секция содержит в себе следующие науки: 1) Проводящие пути центральной нервной системы, 2) Специальная физиология нервной системы, 3) Химия нервной системы в связи с учением об обмене веществ, 4) Патологическая анатомия нервной системы, 5) Диагностика нервных болезней, 6) Клиническая невропатология, 7) Клиническая психиатрия, 8) Физические методы лечения нервных и

душевных болезней, 9) Хирургия нервной системы, 10) Бактериология в применении к нервным и душевным болезням, 11) Физиология и патология речи, 12) Врачебная педагогика умственно-отсталых и нервно-больных детей, 13) Воспитание глухонемых и слепых детей, 14) Умственная гигиена, 15) Школьная гигиена, 16) Уголовная антропология с психологией преступления, 17) Судебная психопатология, 18) Общая психология, 19) Экспериментальная психология, 20) Общая психопатология, 21) Патологическая психология, 22) Учение о внушении и гипнозе, 23) Лечебное применение гипноза.

Из этого перечня наук, входящих в состав Психио-Неврологического Института, нетрудно видеть, что это учреждение ставит своей целью изучать и передать своим слушателям всестороннее изучение того органа и той деятельности, которые выделяют человека среди окружающей его живой природы, и которые делают, если можно так выразиться, человека человеком в истинном смысле этого слова.

Как это ни печально, но следует отметить парадоксальный факт, что в нашем высшем образовании сам человек остается как бы забытым.

Все наши высшие школы преследуют большей частью утилитарные или профессиональные задачи. Они готовят юристов, математиков, естественников, врачей, архитекторов, техников, путейцев и т.п. Но при этом упущено из виду, что впереди всего этого должен быть поставлен сам человек; и что для государства и общества кроме профессиональных деятелей нужны еще лица, которые понимали бы, что такое человек, как и по каким законам развивается его психика, как ее оберегать от ненормальных отклонений в этом развитии, как лучше использовать школьный возраст человека для его образования, как лучше направить его воспитание, как следует ограждать сложившуюся личность от упадка интеллекта и нравственности, какими мерами следует предупреждать вырождение населения, какими общественными установлениями надлежит поддерживать самостоятельность личности, устраняя развитие пагубной в общественном смысле пассивности, какими способами государство должно оберегать и гарантировать права личности, в чем должны заключаться разумные меры борьбы с преступностью в населении, какое значение имеют идеалы в обществе, как и по каким законам развивается массовое движение умов и т. п.

Все это вопросы капитальной важности для современного человечества, значения которых не может быть переоцениваемо. Можно без преувеличения сказать, что в плоскости вышеуказанных вопросов наше общество до сего времени двигалось в большинстве случаев лишь ощупью, отыскивая пути для их разрешения тяжелой борьбой и неся при этом массу жертв. Заполнить этот важный пробел в нашем высшем образовании и составляет ближайшую цель Психио-Неврологического Института. В этом отношении, вспоминая известные слова великого философа древности: «человек, познай самого себя» можно было бы сказать, что нарождающееся учреждение имеет своей задачей «познать человека».

«Познать человека!» какой это высокий девиз, скажем мы, – девиз который может наполнить сердца любовью там, где стыла кровь в жилах, может оживить человеческую мысль и пробудить надежду там, где она глохла, может зажечь священный огонь в груди и увлечь на подвиги там, где была одна пассивность и равнодушие.

Познать человека в его высших проявлениях ума, чувства и воли, в его идеалах истины, добра и красоты для того, чтобы отделить вечное от бренного, доброе от дурного, изящное от грубого; познать дитя в его первых проявлениях привязанности к матери, к семье, чтобы дать ему все, чего жаждет его младенческая душа; познать юношу в его стремлениях к свету и правде, чтобы помочь ему в создании нравственных идеалов; познать сердце человека в его порывах любви, чтобы направить эту любовь на все человечество; познать обездоленного бедняка, толкаемого судьбою на путь преступления, чтобы предотвратить последнее путем проповеди улучшения его быта и перевоспитания; познать и изучить душевно-больного, чтобы облегчить его страдания и, где можно, излечить, не значить ли это разрешить больные и самые жгучие вопросы нашей общественной жизни.

Если вновь нарождающемуся Психио-Неврологическому Институту удастся привлечь внимание молодежи и общества к этим вопросам, если он окрылит надежду у падающих духом, если он поможет правильно разбираться в вопросах нашей общественной жизни, тесно связанных с познанием человека, то можно с уверенностью сказать, что Психио-Неврологический Институт помянут добром грядущие поколения, которые, достигнув известного прогресса в познании человека, будут, вероятно, не менее нас озабочены вопросами о человеческом бытии, но которые, надо надеяться, будут много счастливее нас в борьбе за общее благо человеческой личности.

Но познать человека, признать в нем личность, возвышающуюся над другими существами в виде бессловесных тварей, признать в нем стремление к высшему идеалу, к прогрессу и знанию – это значит его полюбить, это значит его уважать.

Таким образом, на знамени Психио-Неврологического Института должен быть начертан девиз не просто только познать человека, но и любить в нем все человеческое и уважать в нем права человеческой личности. И пусть этот девиз познания, любви и уважения личности в человеке взрастит в юных сердцах любовь к знанию о человеке, как человеке, и воспитает в них те социальные чувства и те идеалы, которые будут вечно светить над человечеством, и пусть эти чувства и эти идеалы будут служить для них верными руководителями не только в светлые периоды подъема общественных сил, но и в мрачные эпохи народных испытаний и грозного шатания мыслей.

Авторская ссылка В.М. Бехтерева:

1. В. Бехтерев. Об устройстве Психо-Неврологического Института в С.-Петербурге. Доклад 13 апр. 1904 г. См. также мой доклад на 1 съезде по педагогической психологии за 1906 г. Об учреждении психологического союза для организации периодических психологических съездов и об устройстве особого Психо-Неврологического Института

2. См. В. Бехтерев. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 1908.

3. По данным д-ра Игнатъева (Исследование о душевно-больных по отчетам русских психиатрических отделений, СПб. 1902 г.) в 1897 г. число всех штатных мест во всех русских психиатрических заведениях достигало 15598. С тех пор оно должно было, конечно, несколько увеличиться, но это увеличение во всяком случае не должно быть значительным. Что же касается числа призреваемых в заведениях душевно-больных в России, то об этом дает понятие цифра оставшихся в больницах душевно-больных к началу 1898 года, которая равнялась в общей сложности 22500 (см. Игнатъев, стр. 22), при чем следует, впрочем, оговориться, что в эту цифру не вошло несколько заведений для душевно-больных; кроме того, неприняты здесь во внимание и душевно-больные, находящиеся в богадельнях, в неспециальных больницах и на семейном призрении у частных лиц».

Часть III.

Фотодокументы.

В.М. БЕХТЕРЕВ С УЧЕНИКАМИ
В ДЕНЬ ПРАЗДНОВАНИЯ 25-ЛЕТИЯ
ПРОФЕССОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И ВРУЧЕНИЯ ЮБИЛЯРУ АЛЬБОМА
«ШКОЛА В.М. БЕХТЕРЕВА»

1-й ряд (сидят, слева направо): Бари А.Э., Павловская Л.С., Финне В.Н., дама?, Добротворский М.С., Реформатский Н.Н., Бехтерев В.М., Смелов Н.Я., Останков П.А., Жуковский М.Н., Карпинский А.И., Грибоедов А.С.

2-й ряд (стоят, слева направо): ?, Никитин М.П., Поварнин К.И., Омороков Л.И., Лазурский А.Ф., ?, Кетчер А.Я., ?, Белицкий Ю.К., Ильин А.В., Срезневский В.В., Розен А.П.

3-й ряд (стоят, слева направо): Шумков Г.Е., Доброгаев С.М., ?, Протопопов В.П., Пуссеп Л.М., Аствацатуров М.И., Анфимов В.Я., ?, Владычко С.Д., Крогиус А.А., ?.

ФОТОАЛЬБОМ
«ШКОЛА В.М. БЕХТЕРЕВА»

Владими́ру Михаи́ловичу
БЕХТЕРЕВУ

отъ
учениковъ

Фрагмент акварели Н. Каразина с первой страницы альбома

**Александр
Феликисимович
Мальцев**
Сведения см.
во вступительной статье

Останков Петр Александрович
(1867-1949)

Доктор медицины, профессор ПНИ с 1907 г. по кафедре психиатрии, с 1915 по 1949 гг. заведовал кафедрой психиатрии в ЖМИ (ЛПИ). Диссертация на тему: «Вытяжение позвоночника как метод лечения нервных болезней» (1900 г.)

Добротворский Митрофан Степанович
(1858-1911)

Действительный статский советник, доктор медицины с 1891 г., профессор ПНИ по кафедре психиатрии. Диссертация на тему: «Попытка экспериментального исследования терапевтического значения франклиннизации»

Ворогынский Бронислав Иванович
(1864-1925).

В 1895 г. (психиатр) сверхштатный ординатор клиники В.М. Бехтерева в Казани. С 1902 г. Гл. врач городской психиатрической больницы в Одессе и приват - доцент Новороссийского Университета с 1903 г. Диссертация на тему: «Материалы к учению о вторичном перерождении в спинном мозгу после поперечного его повреждения» (1897)

Мейер Иван Карлович
(1863-1917)

Ординатор Клиники В.М. Бехтерева в Казани. Заведующий психиатрическим отделением губернской земской больницы в Петрозаводске

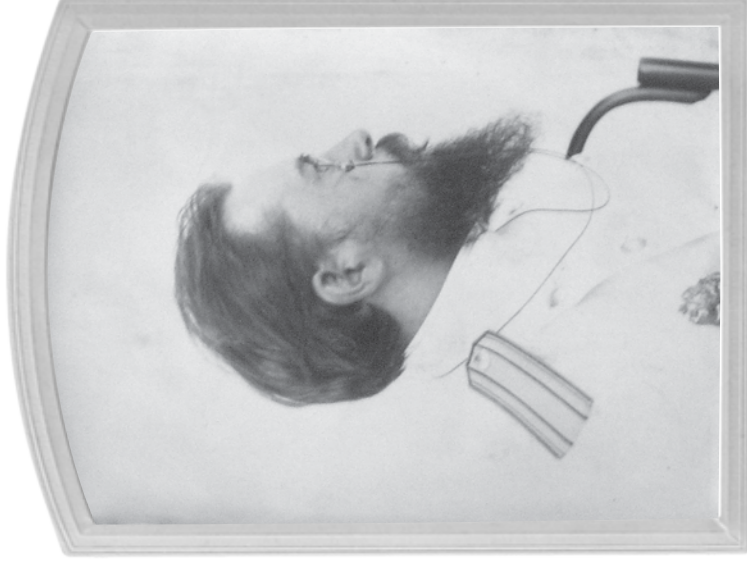

Текутєв Федор Степанович
1853 г.р.

Психиатр. В 1891 г. - леч. врач военного госпиталя 82 пехотного полка Дагестана. Диссертация на тему: «Явления, наблюдаемы при лакировании всей кожи здоровых людей» (1888 г. - защищена в ИВМА)

Трапезников Александр Васильевич
1864 г.р.

Психиатр, статский советник с 1913 г. В 1895 г. мл. ординатор Военного госпиталя в г. Двинске Виленской губернии, в 1902 г. мл. ординатор военного госпиталя в Ташкенте, в 1908 г. - ст. ординатор там же. Диссертация на тему: «О центральной иннервации питания» (1897 г.)

Неизвестный из Риги

Колотинский Сергей Диомидович, 1969 г.р.,
 Психиатр, д.с.с. В 1895 г. сверхштатный ординатор клиники В.М. Бехтерева в Казани. В 1902 г. – ординатор Новоказанской больницы в СПб. В 1908 г. директор окружной лечебницы душевно больных в имении Оболенское Московской губернии, с 1903 г. – директор окружной больницы душевно больных ст. Мещерское Московской губернии. Диссертация на тему: «Хроническое отравление спорыньей и наблюдаемые при нем изменения в центральной нервной систем» (1902 г.)

Вырубов Николай Алексеевич
 1864 г.р.

Невропатолог. В 1902 г. директор губернской земской психиатрической лечебницы в Воронеже, в 1908 г. – вольноопределяющийся врач в Москве. Диссертация на тему: «О перерождении нервных клеток и волокон в спинном мозгу при нарастающем параличном слабоумии» (1899 г.)

***

Делов Евгений Григорьевич

1861 г.р.
В 1902 г. ст. ординатор военного госпиталя во Владикавказе. С 1913 г. - ст. ординатор военного госпиталя в Москве. Диссертация на тему: «Исследование ядер и корешков подъязычного нерва» (1896 г.)

Неизвестный из Тифлиса

Боришпольский Ефим (Хаим) Соломонович, 1869 г.р.
В 1902 г. - ординатор клиники нервных и душевных болезней ИВМА в СПб. С 1913 г. - врач-специалист (нервные и душевные болезни) в Максимилиановской лечебнице в СПб. Диссертация на тему: «Об изменениях черепно-мозгового кровообращения в течении падулич приступов» (1896 г.)

Бари Адольф Эдуардович, (1870-1937)
Надворный советник, доктор медицины с 1898 г. С 1896 г. работал в анатомо-физиологической лаборатории ИВМА у проф. В.М. Бехтерева. С 1900 г. стал владельцем и директором частной лечебницы для душевно больных на 5 линии В.О. С 1922 г. жил в Шанхае, где с 1925 г. возглавлял

Общество русских врачей, а с 1931 г. исполнял обязанности вице-председателя Русского медицинского Общества в Китае. Диссертация на тему: «О возбудимости мозговой коры у новорожденных животных» (1898)

Неизвестный из Новгорода (ст. Русса)

Левчаткин Владимир Иванович, 1863 г.р., д.с.с.
 Приват-доцент университета, директор лечебницы
 для душевно больных и консультант военного
 госпиталя в Казани. Диссертация на тему: «Опыт
 графического исследования пульса, дыхания и
 температуры в нарастающем параличе помешанных»
 (1897 г.)

***

Базилевский Андрей Петрович
 1858 г.р.

Диссертация на тему: «О нисходящих системах
 мозжечка в спинном мозгу по методу свежих
 перерождений» (1896 г.) По РМС в 1900 г. – кол.
 секретарь, ст. врач 19 стрелкового полка в Сувалки, в
 1914 г. – ст. врач кадетского корпуса, Киев

Вышемирский Никифор Иосифович

из Умани.
Диссертация на тему: «О влиянии электрических ванн, статических душей и токов большой частоты на выделение ругти мочой» (1898 г.)

Осипов Виктор Петрович, (1871- 1947)

Доктор медицины, профессор с 1906 г., генерал-лейтенант медицинской службы, заслуженный деятель науки с 1933 г., член – корр. АН СССР с 1939г., академик АН СССР. Руководитель кафедры психиатрии ИВМА с 1915 по 1847 г. С 1929 г. был одновременно и директором Государственного рефлексологического института по изучению мозга им. В.М. Бехтерева. Диссертация на тему: «О сокращении желудка, кишок и мочевого пузыря в течении падучих приступов» (1898 г.)

Смелов Николай Яковлевич

1860 г.р.
В 1888-1890 гг. сверхштатный ординатор Казанской окружной психиатрической больницы, с 1891 г. – зав. отделением там же. С 1900 г. директор больницы для душевнобольных св. целителя Пантелеимона. Диссертация на тему: «Amentia Meunert'a» (1894 г.)

Чигаев Николай Федорович, (1859-1919),

С.с. С 1889 г. сверхштатный ординатор Барачной больницы в память С.П. Боткина. С 1895 г. доктор медицины, сверхштатный консультант Николаевского военного госпиталя в СПб. С 1908 г. – профессор ПНИ. Диссертация на тему: «Попытка выяснить значение лимфатических желез в организме собаки» (1895 г. из физиологического отдела Института экспериментальной медицины, лаборатория И.П. Павлова)

Никитин Михаил Павлович
(1879-1937)

Известный отечественный невропатолог. В 1907 г. – преподаватель ПНИ по кафедре неврологии, после ухода В.М. Бехтерева из ЖМИ возглавлял кафедру неврологии. Диссертация на тему: «О влиянии головного мозга на функции молочной железы» (1905 г.)

Спиртов Иван Николаевич

1863 г.р.
Надворный советник. В 1902 г. – прикомандированный к клинике душевных и нервных болезней ИВМА, мл. врач 18 стрелкового полка в Сувалки. По сведениям РМС на 1. 05. 1914 г. , лекарь, ординагор больницы Николая Чудотворца

Эриксон Эрнест Вильгельмович

1867 г.р,
(психиатр). В 1902 г.мл. ординатор Уездовского военного госпиталя в Варшаве. В 1903 г. мл. врач 3-го Кавказского стрелкового батальона. Диссертация на тему: «О влиянии мозговой коры и подкорковых узлов на сокращение селезенки» (1900 г.)

***

Топорков Андрей Матвеевич
1861 г.р.

Психиатр. До 1902 г. – окружной сельский врач в Ставропольской губернии, с 1902 г. врач больницы прихода Общества призрения душевно больных в Ставропольской губернии. Диссертация на тему: «Ме-дицинский отчет клиники душевных и нервных болезней проф. В.М. Бехтерева с 01.09.1893 по 01.09.1899» (1899 г.)

Корольков Павел Яковлевич

1865 г.р.

Доктор медицины с 1899 г. Диссертация на тему: «Окончания нервов в слонных железах и печени», защищена в ИВМА. По данным РМС на 1914 г.

– ассистент ЖМИИ в СПб

Боровиков Иван Васильевич

Уроженец г. Николаева Херсонской губернии.

Окончил Академию в 1893 г. Работал в лаборатории проф. Бехтерева в 1898, - 1901 гг. Защитил диссертацию (из лаб. проф. Бехтерева) «Значение задних столбов спинного мозга в проведении мышечного чувства» в 1900 г.

Бейнар Карл Андреевич из Тулы

Имеется только подпись на фото «Незабвенному Учителю в день 25 летнего юбилея от бывшего ученика Карла Андреевича Бейнара с наилучшими пожеланиями». Диссертация на тему: «Об изменениях мозгового кровообращения при остром алкогольном отравлении» (1898 г.)

Сергеев Леонид Агеевич

1869 г.р.

С.с. В 1908 г. мл. ординатор лечебницы душевно больных в Казани. С 1903 г. – мл. ординатор больницы Всех Скорбящих в СПб

Мащенко С.М.

старший ординатор отделения душевных болезней
Екатеринодарской войсковой больницы.

Диссертация на тему:

«О патологических изменениях в коре большого мозга при вторичном слабоумии» (1899г.)

Снесарев Павел Евгеньевич

1876 г.р.

В 1908 г. – мл. ординатор больницы Всех Скорбящих в СПб. С 1913 г. – зав. губернской земской психиатрической больницей в Костроме. Диссертация на тему: «О нервных волокнах переднего мозга лягушки» (1908 г.)

Веденев Константин Михайлович

1872-1942

Ленинград), психиатр. В 1902 г. –
вольноопределяющийся врач в Варшавской губернии.
С 1908 г. – ординатор больницы Св. Пантелеймона в
СПб

Пуссеп Людвиг Мартинович (1875-1942)

Выдающийся отечественный нейрохирург, доктор медицины, профессор. Совместно с В.М. Бехтеревым заложил основы отечественной нейрохирургии. В 1920 г. эмигрировал в Эстонию и в Тарту создал нейрохирургическую школу, ведущую в странах Балтии. Диссертация: «О мозговых центрах, управляющих эрекцией полового члена и семяотделения» (1902 г.)

Лазурский Александр Федорович
(1874- 1917)

Доктор медицины, профессор ПНИ, выдающийся отечественный психолог. Диссертация на тему: «О влиянии мышечных движений на мозговое кровообращение» (1900 г.)

Краинский Николай Васильевич (1869-1951, Киев), Психиатр. В 1895 г. сверхштатный ординатор губернской земской больницы в Харькове, с 1898 г. работал в клинике В.М. Бехтерева., с 1902 г. – директор окружной психиатрической больницы в Виннице, а с 1908 г. – временноопределяющийся врач в Вильно. В 1920 г. эмигрировал в Грецию, затем заведовал кафедрой психиатрии в Белградском университете. В период ВОВ (1941-1945гг.) жил в Берлине. В 1946 г. написал письмо И.В. Сталину с просьбой разрешить вернуться на Родину. Работал в Харькове в Украинском психоневрологическом Институте. В 1951 г. ему было возвращено звание профессора

***

Горшков Яков Павлович

1868 г.р.

Диссертация на тему: «О центрах вкуса и обоняния в мозговой коре (из анагомо – физиологической лаборатории при клинике душевных и нервных болезней акад. В.М. Бехтерева), 1901 г.

На фотографии отмечено, что он работает в Киеве

***

Селиванов Михаил Михайлович

1862 г.р.,

Заведующий психиатрическим отделением
Калужской губернской земской больницы.

Он известен отчетами о работе этого отделения за
1899, 1901, 1902, 1912 и 1914 гг.

***

Данилевский Константин Яковлевич

1855 г.р.

В 1902 г. – доктор медицины, приват-доцент Харьковского университета (нервные болезни).
В 1913 г. st. idem. Название диссертации установить не удалось, известно только, что она была посвящена изучению электрического раздражения нервов

Оршанский Лев Григорьевич

(1863-1937)

Психиатр, доктор медицины, зав. частной лечебницей для нервных и душевных болезней и алкоголиков, практикующий врач

Левченко Григорий Васильевич

1865 г.р.

Надворный советник. Думский врач в СПб.
Диссертация на тему: «Об изменениях мозгового кровообращения во время сна, вызванного морфием и хлоралгидратом» (1899)

Солуха Иван Петрович

1863 г.р.

В 1896 г. защитил диссертацию на тему: «К вопросу о влиянии молочного сахара на обмен белков и кишечное гниение у здоровых людей»
(из клинической лаборатории Ю.Г. Чудновского. ИВМА)

Радин Евгений Петрович, (1872-1939)
 Нервные и душевные болезни. В 1902 г. врач
 Новознаменской больницы в СПб. С 1905 г. врач
 губернской земской больницы в Перми, с 1913 г. ст.
 врач там же. С 1917 г. работал во врачебно-санитарном
 отделе Наркомпроса. Диссертация на тему: «Охрана
 здоровья детей и подростков и социальная евгеника»
 (1923 г.)

Всеволожский Василий Павлович, 1871 гр.
 Доктор медицины, надворный советник, зауряд
 – полковник, председатель СПб. Автомобиль- Клуба
 (1912-1917). Последний владлец имения Рязово. С 1904
 г.- ассистент клиники душевных и нервных болезней
 ИВМА. Диссертация на тему: «Об изменениях формы
 черепа, зависящих от естественных причин». (1899,
 ИВМА)

Грибоедов Александр Сергеевич
 (1875-1944)
 Психиатр, невролог, педолог, дефектолог,
 преподаватель ПНИ по кафедре патологической
 педагогики. Организатор Исследовательского
 детского института, с 1923 г. – ректор Петроградского
 Института Социального воспитания

***

Эрнет Гостислав Вильгельмович
1855 г.р.

Учился в ИВМА до 1892 г., затем в Юрьевском университете, где в 1893 г. получил звание доктора медицины. Увлекался революционными идеями, был сослан в Вологодскую губернию. В 1902 г. земский врач в Молога, Ярославле. С 1908 г. в Вологде – вольноопределяющийся врач (нервные болезни)

Воскресенский Михаил Константинович
1867 г.р.

В 1902 г. – врач дома призрения больных ст. Удельная СПб. В 1908 г. status idem. Диссертация на тему: «Палочка Генке (Bacillus osteonecroticus seu osteomyeliticus) и ее токсин (1909г., ИВМА)

Реймерс Владимир Иосифович

1868 г.р.
Психиатр. В 1895 г. сверхштатный ординатор губернской земской больницы в Перми, с 1902 по 1908 г. ординатор Новознаменской больницы в СПб. С 1908 г. врач губернской земской больницы в Перми, а с 1913 г. ст. врач там же

Петров Александр Петрович
(1876-1941)

Преподавал лечебную физику в ПНИ с 1909 по 1915 гг. Один из первых русских олимпийцев, выдающийся борец-тяжеловес

Нарбут Василий Михайлович
(1871-1951)

Статский советник, доктор медицины с 1903 г. С 1906 г. – профессор Николаевского военного госпиталя в СПб., а с 1907 г. – профессор ПНИ. Диссертация на тему: «Мозговой придаток и его значение для организма» (1903 г.)

Вейнберг Рихард Лазаревич
(1867-1924)

Доктор медицины с 1895 г., профессор с 1903 г. Руководил кафедрой анатомии в ЖМИ

Гервер Александр Владимирович
(1873-1939)

Доктор медицины с 1899 г. С 1907 г. ученый секретарь ПНИ, а с 1937-1939 гг. – директор ПНИ им. В.М. Бехтерева.
Диссертация на тему:
«О мозговых центрах движения глаз» (1899 г.)

Бабкин Борис Петрович
1877, Курск - 1950, Монреаль

Отмеченный в тексте доклад был удостоен золотой медали ИВМА. В 1901 г. окончил ИВМА и с 1901-1912 гг. работал в лаборатории И.П. Павлова в ИЭМ'е. В 1904 г. защитил диссертацию:

«Опыт систематического изучения сложных нервных (психических) явлений у собак». Профессор Новороссийского университета с 1915 г.

В 1922 г. выслан из страны в Англию, с 1924 г. жил в Канаде.

Работы по физиологии пищеварения. Подготовил 36 докторов наук. В период ВОВ (1941-1945 гг.) перевел крупные суммы личных сбережений в фонд помощи Красной Армии.

Карпинский Александр Иванович
(1872-?)

Окончил ИВМА в 1897 г., заведовал отделением клиники душевных и нервных болезней при ИВМА, профессор ПНИ, секретарь Общества психиатров в СПб., кол. советник

Петров Е.П.

В РМС начала XX в. нет ни одного Петрова с инициалами Е.П. Вероятно, на фото Петров Е.П. – студент ИВМА, который выступал в 25.01. 1901 на научном собрании врачей клиники В.М. Бехтерева в ИВМА на тему: «Об изменении нервных клеточек при остром отравлении алкоголем и сивушным маслом» (на том же заседании, что и студент Бабкин Б.)

Шайкевич Мартин Иосифович (1869-1916)

Психиатр. В 1902 г. - мл. ординатор военного госпиталя в Омске. В 1908 г. ст. врач богоугодного заведения в Новочеркасске Донской губернии, а с 1913 г. мл. ординатор войсковой больницы Екатеринодара Кубанской губернии, в 1916 г. - зав. психиатрическим отделением там же. Диссертация на тему: «Физиологические исследования чечевидного ядра» (1903 г.)

Щеглов Алексей Львович
(1867-?)

Доктор медицины с 1903 г. Диссертация на тему: «Об умственной работоспособности малолетних преступников». С 1907 г. сверхштатный ассистент при кафедре проф. Бехтерева, с 1913 г. – приват-доцент этой кафедры

Корольков А.
(предположительно)
В РМС такого лекаря нет. Возможно он еще студент
ИВМА, как Бабкин Б. и Петров Е.П.

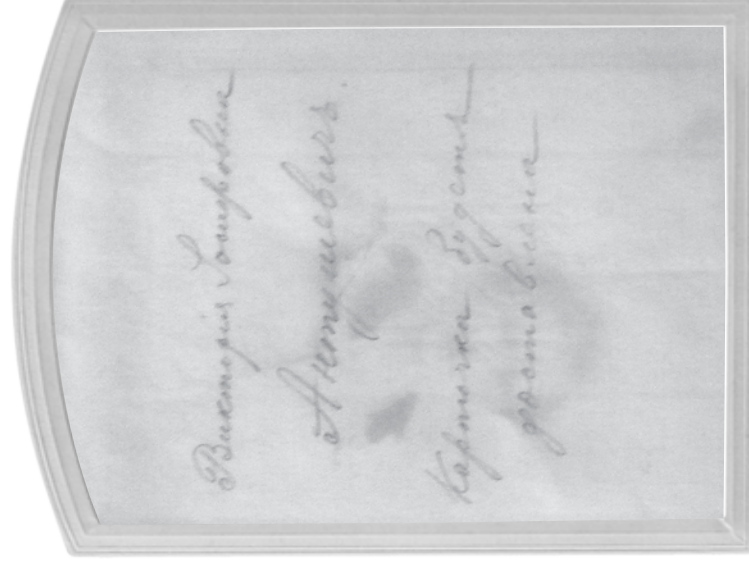

Шумков Герасим Егорович (1873-1931)
Окончил Киевский университет. В 1908-1909 гг. работал на кафедре ИВМА у проф. Бехтерева. Доктор медицины (1909 г.). До 1914 г. – ординатор психиатрической больницы в Новознаменке, затем до 1917 г. находился в действующей армии в должности помощника по психиатрии Уполномоченного Западного фронта. С 1918 г. – гл. врач Новознаменской психиатрической больницы. С 1922 г. сотрудник ПНИ. Диссертация на тему: «Воспроизведение двигательных раздражений активного характера в зависимости от истекшего времени» (1909 г.)

Жуковский Михаил Николаевич, (1868-1916)
Надворный советник, доктор медицины с 1898 г, с 1907 г. профессор ПНИ по кафедре неврологии, с 1915 г. руководил кафедрой нервных болезней ИВМА. Скончался от диабетической комы. Диссертация на тему: «О влиянии мозговой коры и подкорковых узлов на дыхание» (1898 г.)

***

Павловская Лидия Степановна
 (предположительно),
 1872 г.р., врач городской больницы св. Николая
 Чудотворца. Докторская диссертация на тему:
 «Экспе-риментально-психологические исследования
 над больными с нарастающим паралитическим
 слабоумием» (1907 г.)

Тулушковская Ядвига Феликсовна
 (предположительно),
 1872 г.г. В РМС есть указания только на одну женщину-
 врача- невролога, работавшую в Киеве в качестве
 ординатора университетской клиники
 с 1908 по 1913 гг.

****

***

Каплан Яков Фебусович (1875, Минск – 1907, Уфа)
 Ординатор Уфимской Губернской земской психиатрической больницы. Убит криминальным испытуемым-алкоголиком. После окончания Юрьевского университета стажировался у К. Менделя, Г. Општейма, Э. Крепелина. Перевел с немецкого языка на русский «Введение в клиническую психиатрию (30 клинических лекций)» Э Крепелина, изданное в России в 1901 г.

Трошин Григорий Яковлевич
 (1874, Мушак, Вятской губернии – 1939, Прага)
 Невропатолог. Диссертация на тему: «О сочетательных системах больших полушарий» (1903г.). В 1922 г. был принудительно выслан из России, заведовал кафедрой судебной медицины и психиатрии Русского юридического института в Праге

Агаджаниянц Карапет Саркисович (1876-1955)
 Доктор медицины по кафедре нервных и душевных болезней. В ПНИ до 1913 г заведовал физиотерапевтической поликлиникой. С 1913 г. профессор невропатологии, затем психиатрии в Варшавском университете. С 1920 г. в эмиграции. С 1924 г. работал в клинике профессора П.Мари (Париж). Диссертация на тему: «О корковом центре зрения» (1904 г.)

Певницкий Алексей Александрович
 (1866-?)

Коллежский советник, лекарь с 1893 г. младший ординатор военного госпиталя в Одессе до 1908 г.
 Доктор медицины с 1902 г., диссертация на тему:
 «Материалы к вопросу о патологической анатомии злокачественной болотной лихорадки»

Иванов Илья Иванович

1866 г.р.

(Нервные и душевные болезни).
В 1895 г. – врач для командировок Окружного военно-медицинского управления в Варшаве. В 1912 г. – ординатор больницы св. Иоанна Божьей в Варшаве. С 1908 г. – вольноопределяющийся врач в Ялте

Реймер Николай Карлович

1858 г.р.

Ординатор психиатрической больницы Курского губернского земства. Опубликовал в 1899 г. психиатрические эскизы «Гений и порок»

Поварин Константин Иннокентьевич (1877-1963)

Доктор медицины с 1906 г. Диссертация на тему: «Внимание и его роль в простейших психических процессах». С 1909 г. работал в Педологическом институте при ПНИ, с 1913 г. – профессор. С 1918 по 1938 г. заведовал кафедрой психиатрии в ГИДУВ'е, затем работал в ЛОР НИИ. С 1958 г. на пенсии. Скончался в 1963 г. в отделении гериатрической психиатрии института им. В.М. Бехтерева

Меринг Михаил Михайлович

1872 г.

В 1902 г. – лекарь, сверхштатный ординатор клиник в Казани, с 1908 г. сверхштатный ординатор больницы Св. Николая Чудотворца в СПб., в 1913 г. – *status idem*

Крогиус Август Адольфович
(1871-1933)

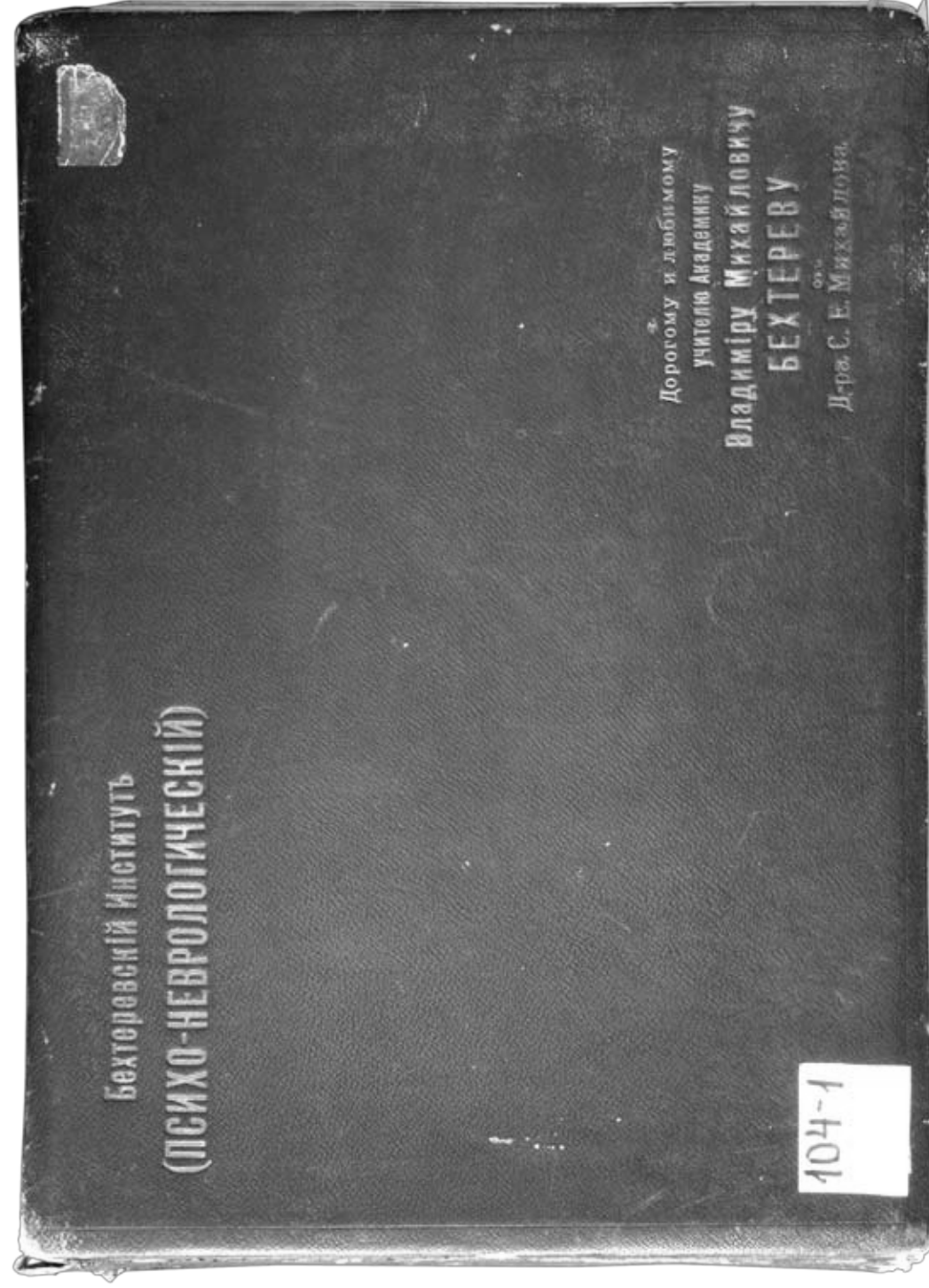
Психолог, профессор, основоположник отечественной тифлопсихологии. Диссертация на тему: «Процессы восприятия у слепых», 1909 г. (ИВМА)

Золотницкий Владимир Николаевич
(1853-1930)

По предложению специалистов архива кинофотодокументов РФ к которым мы обратились за помощью в определении фотодокументов – российский и советский врач, специалист по вопросам туберкулеза, краевед и общественный деятель

Бехтеревский Институтъ
(ПСИХО-НЕВРОЛОГИЧЕСКІЙ)

Дорогому и любимому
учителю Академику
Владиміру Михайловичу
БЕХТЕРЕВУ
Д-ра С. Е. Михайлова.

104-1

ФОТОАЛЬБОМ
«ПСИХО-НЕВРОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ»

Меткость, згана и обрѣдание нонтуекии? Берсперано

Тенно-Непронореска Укепуфа

и

бенонорателити урердени.

Схоис 22 апр. 1915
(5/22)

Син уеро в 21
ка. нонтуе

27.12.
1915

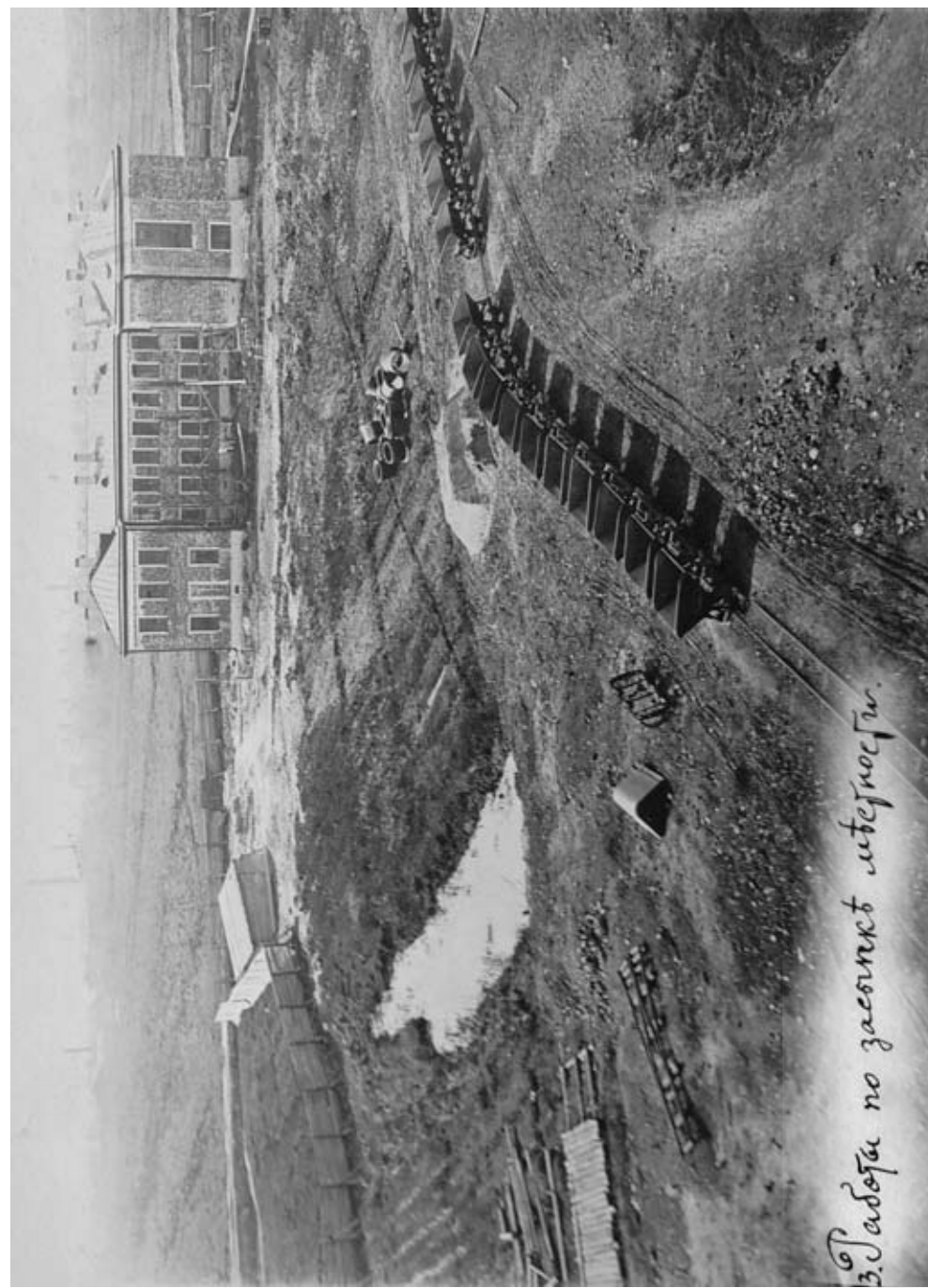
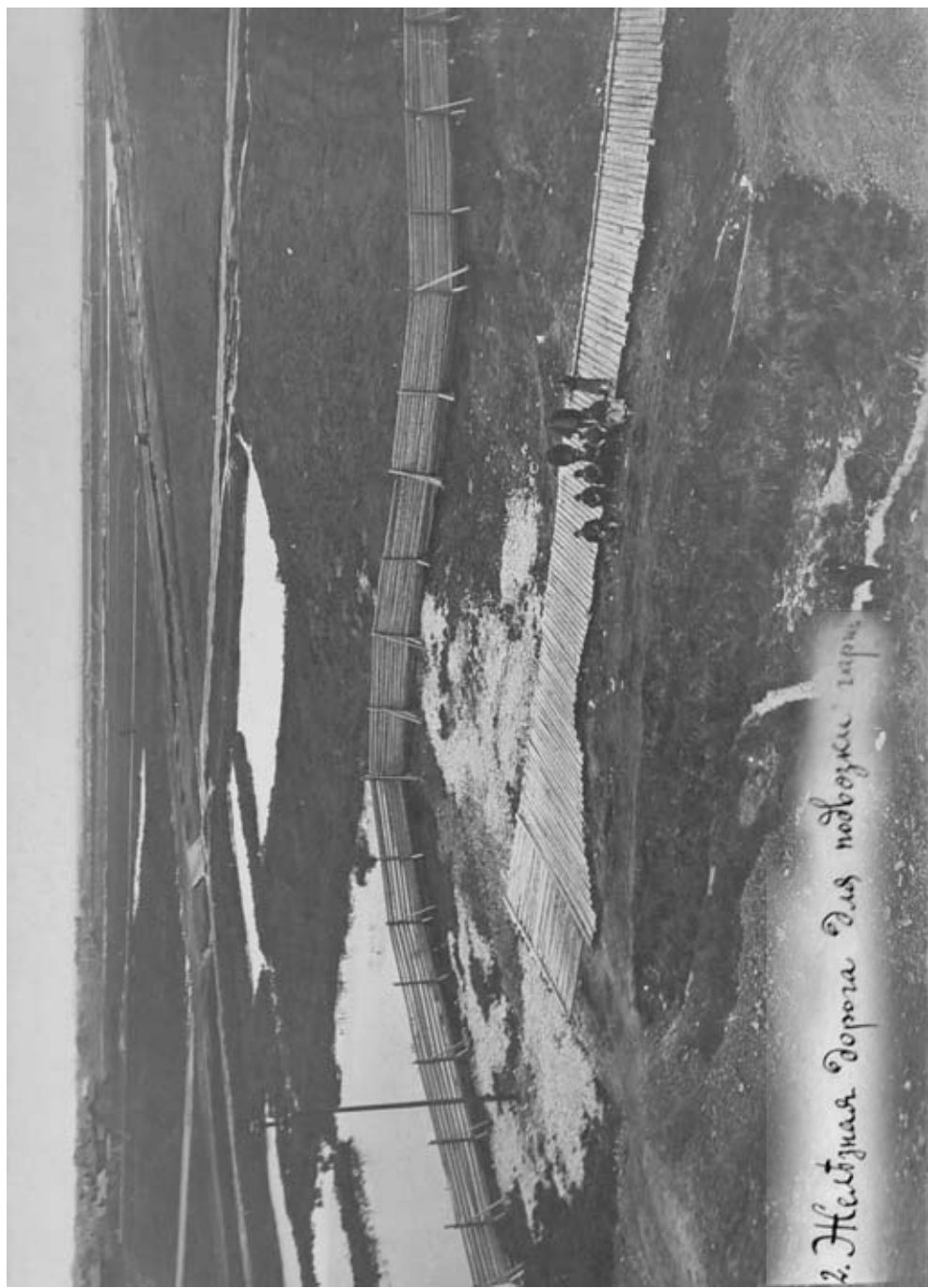
2/12/1915, к 35. юни
ка. нонтуе

Терцо-Небросонскій Училищъ.

(Царскіі водокъ.)

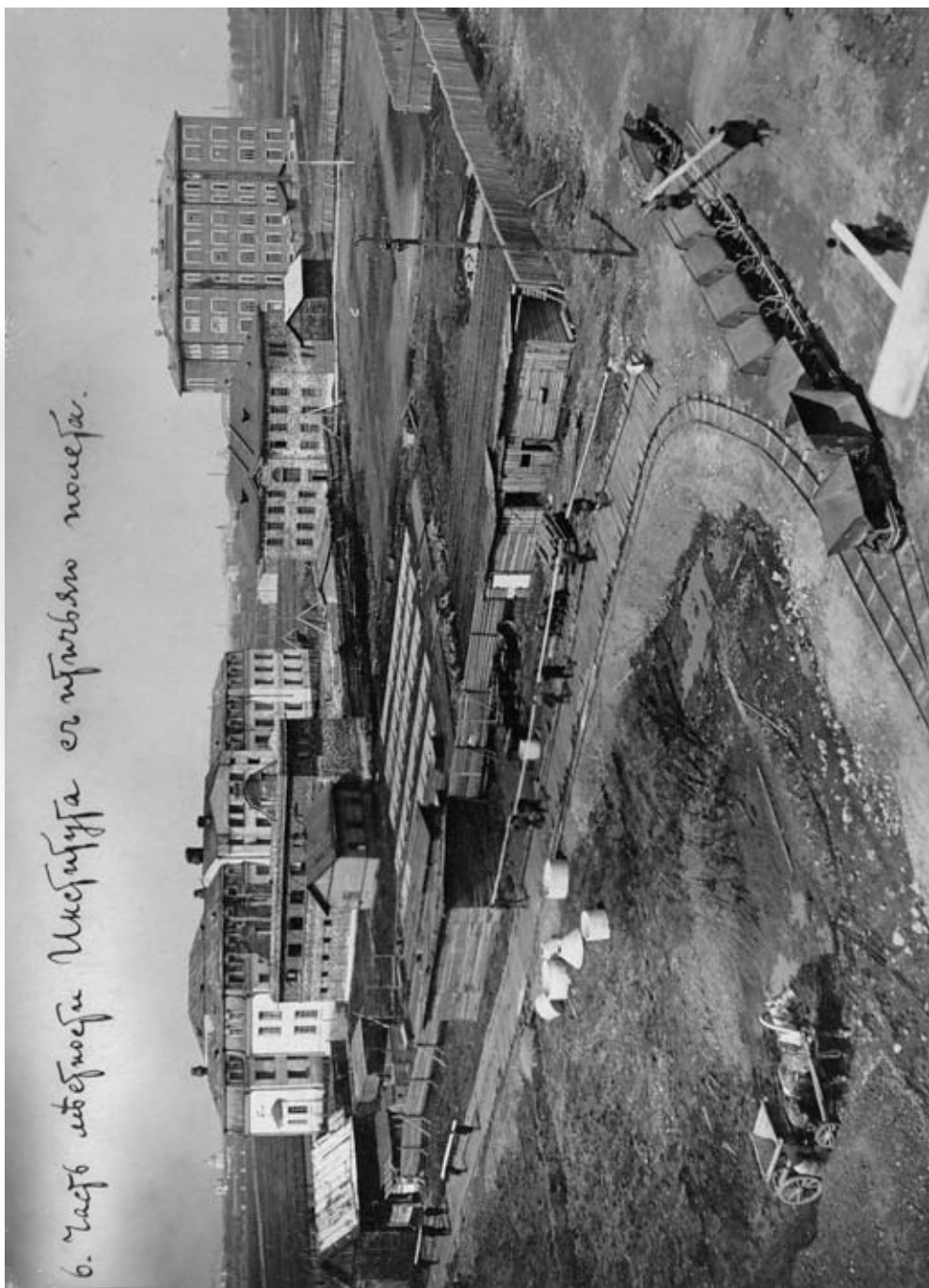
1. Общиі дворъ училища.

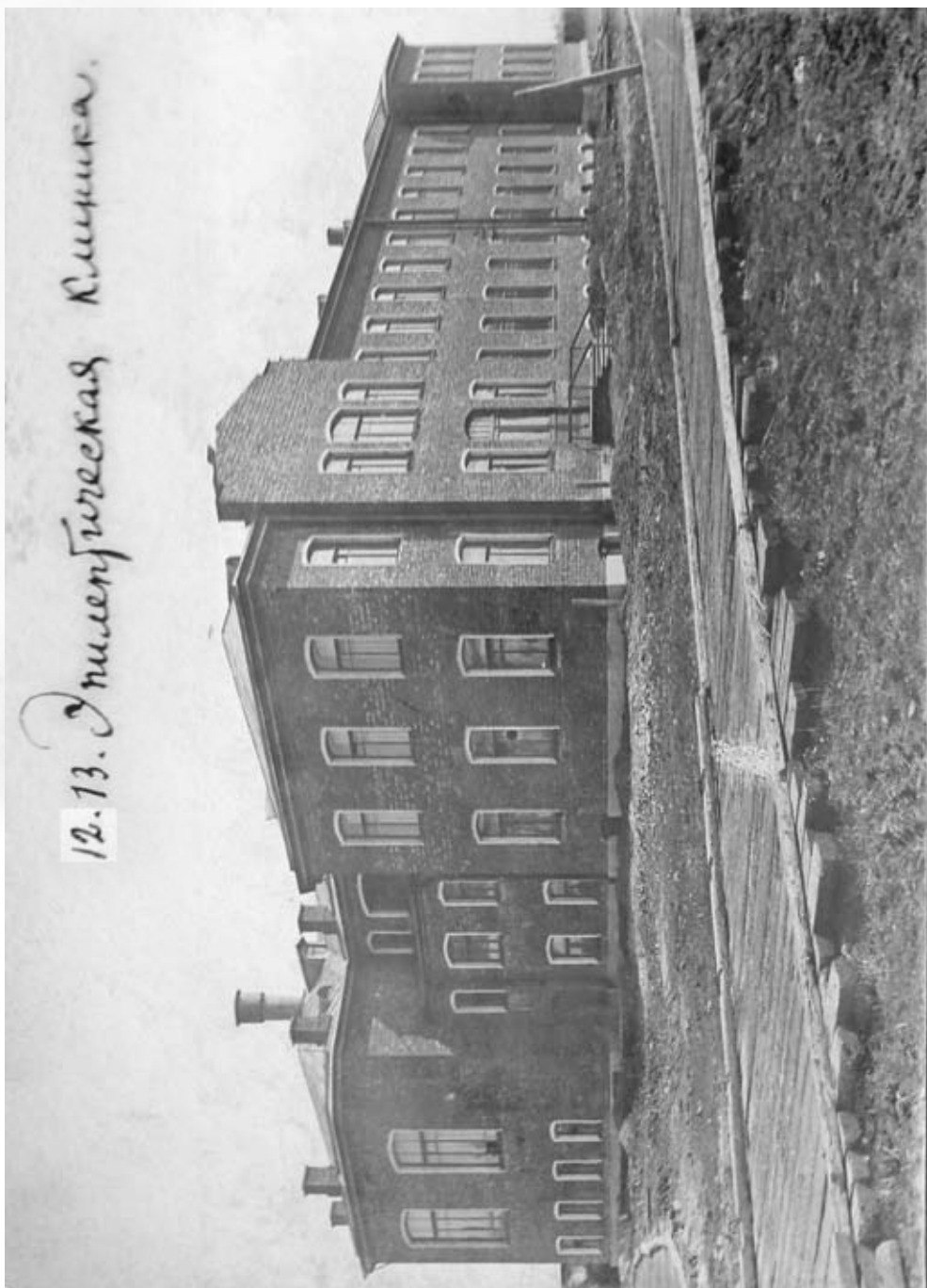

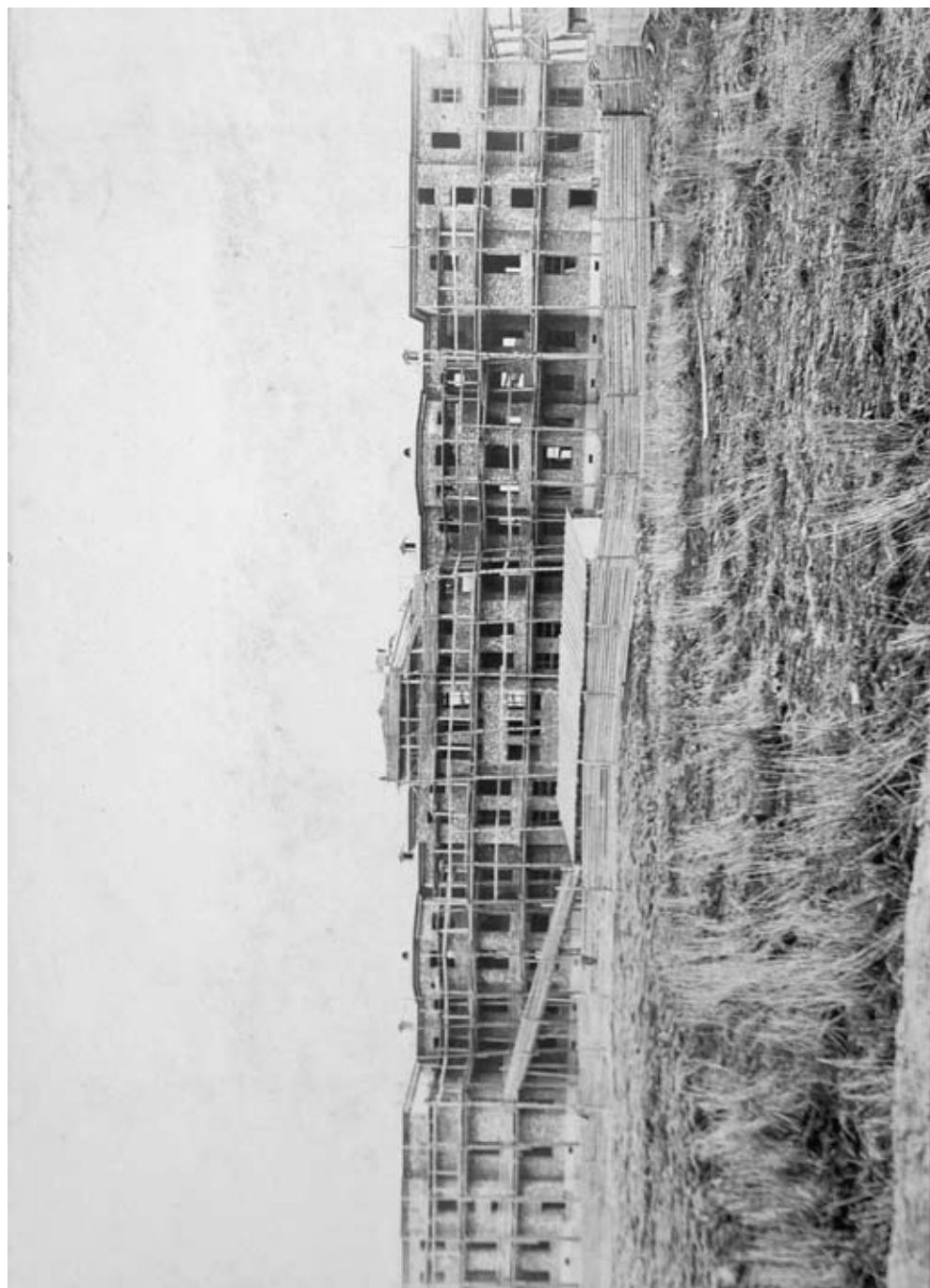
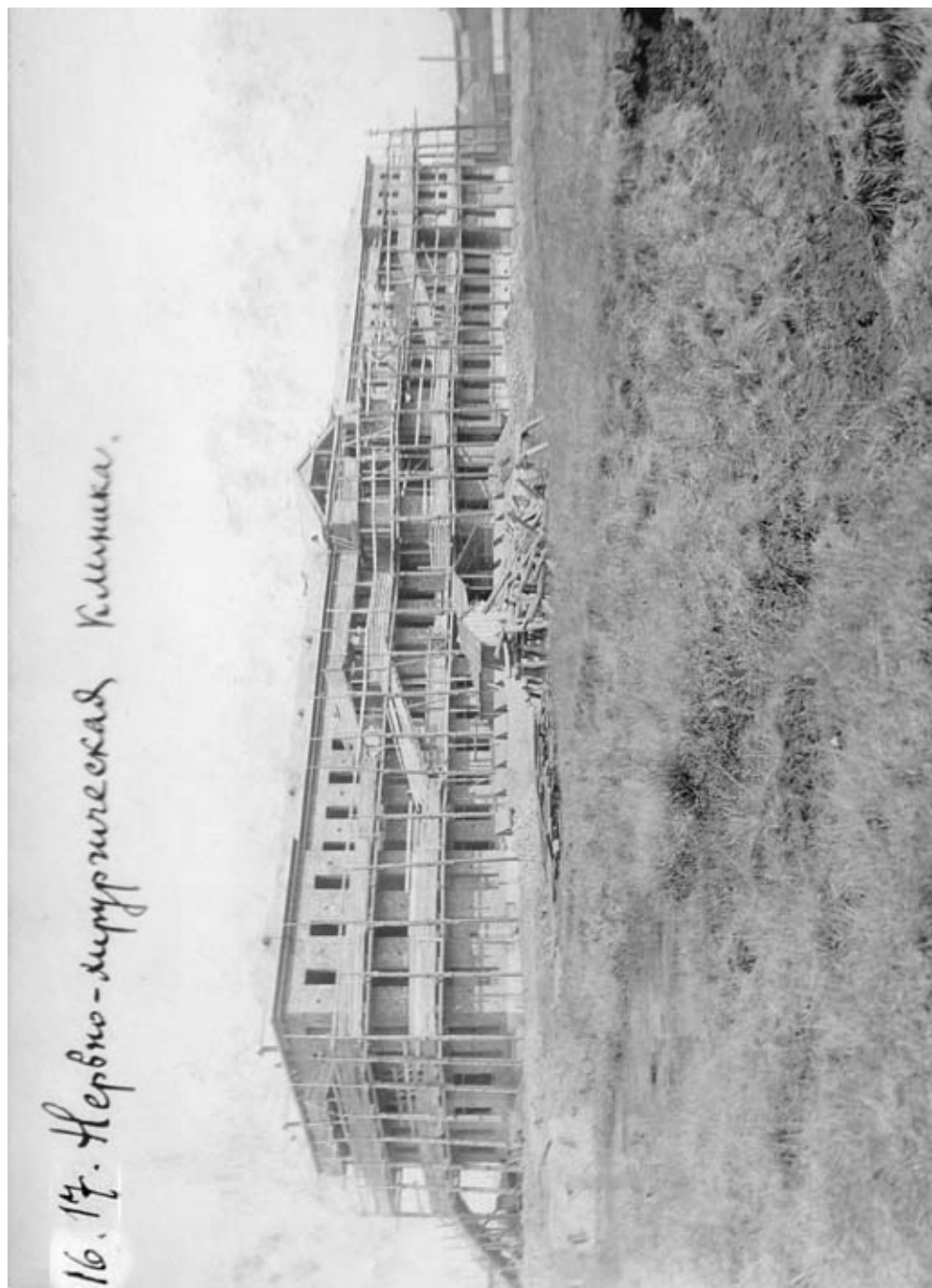

Канцелярия института

Канцелярия Уездного
Управления.

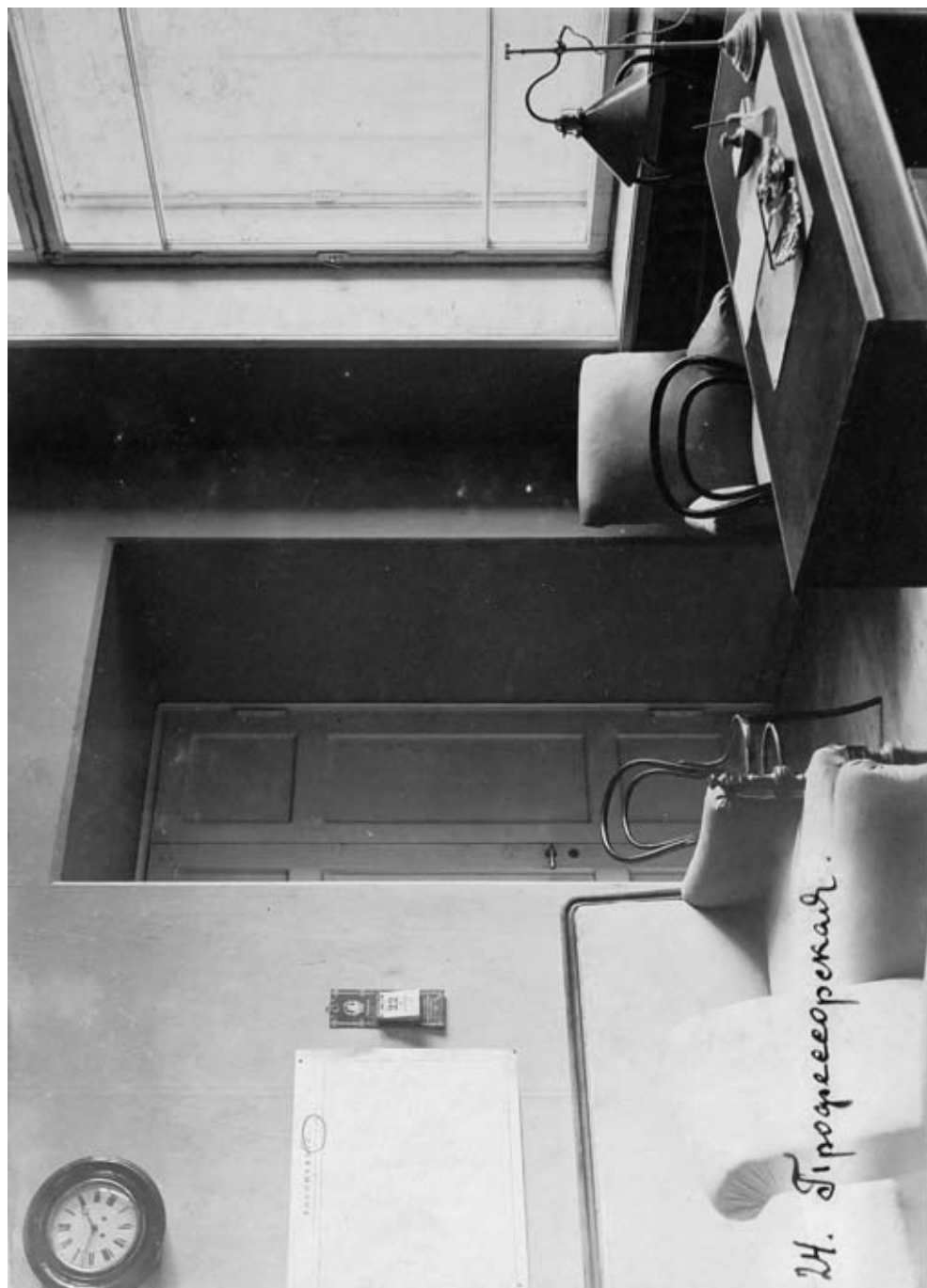

20. Институтъ по сѣвернорусскому вопросу.

Учебная часть ИНСТИТУТА

Учебная часть
и
учебная

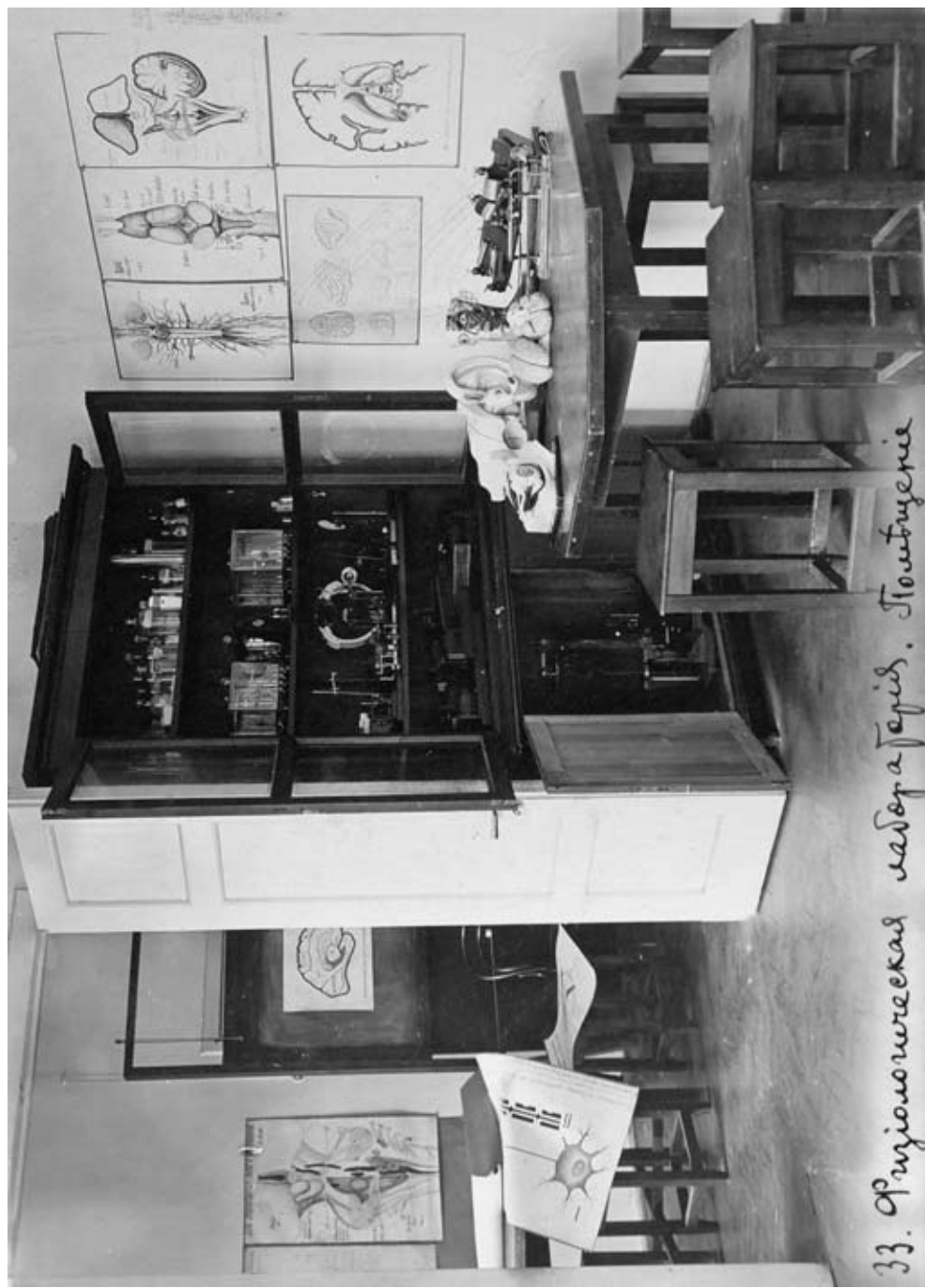

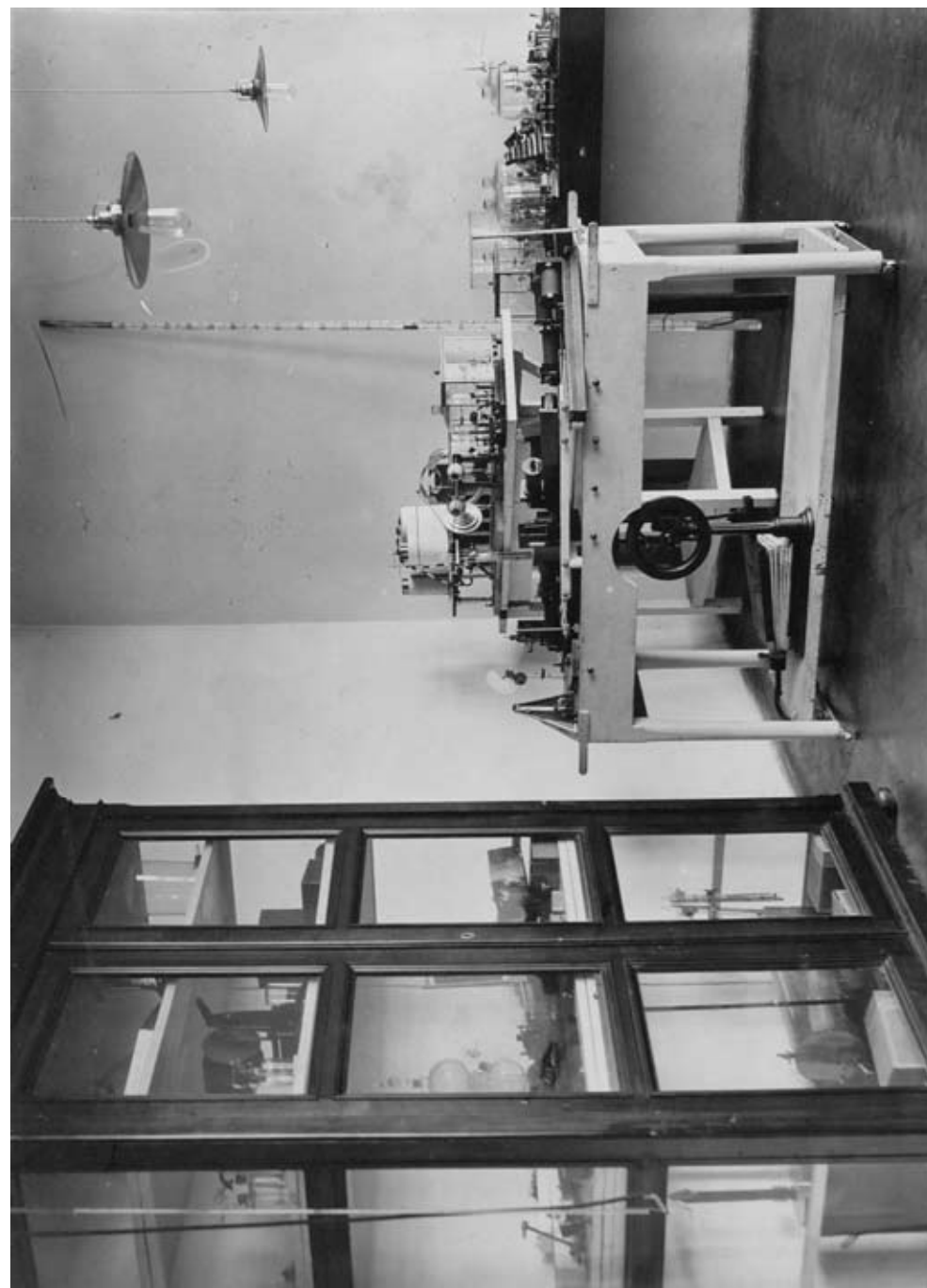
25. Академический театр.

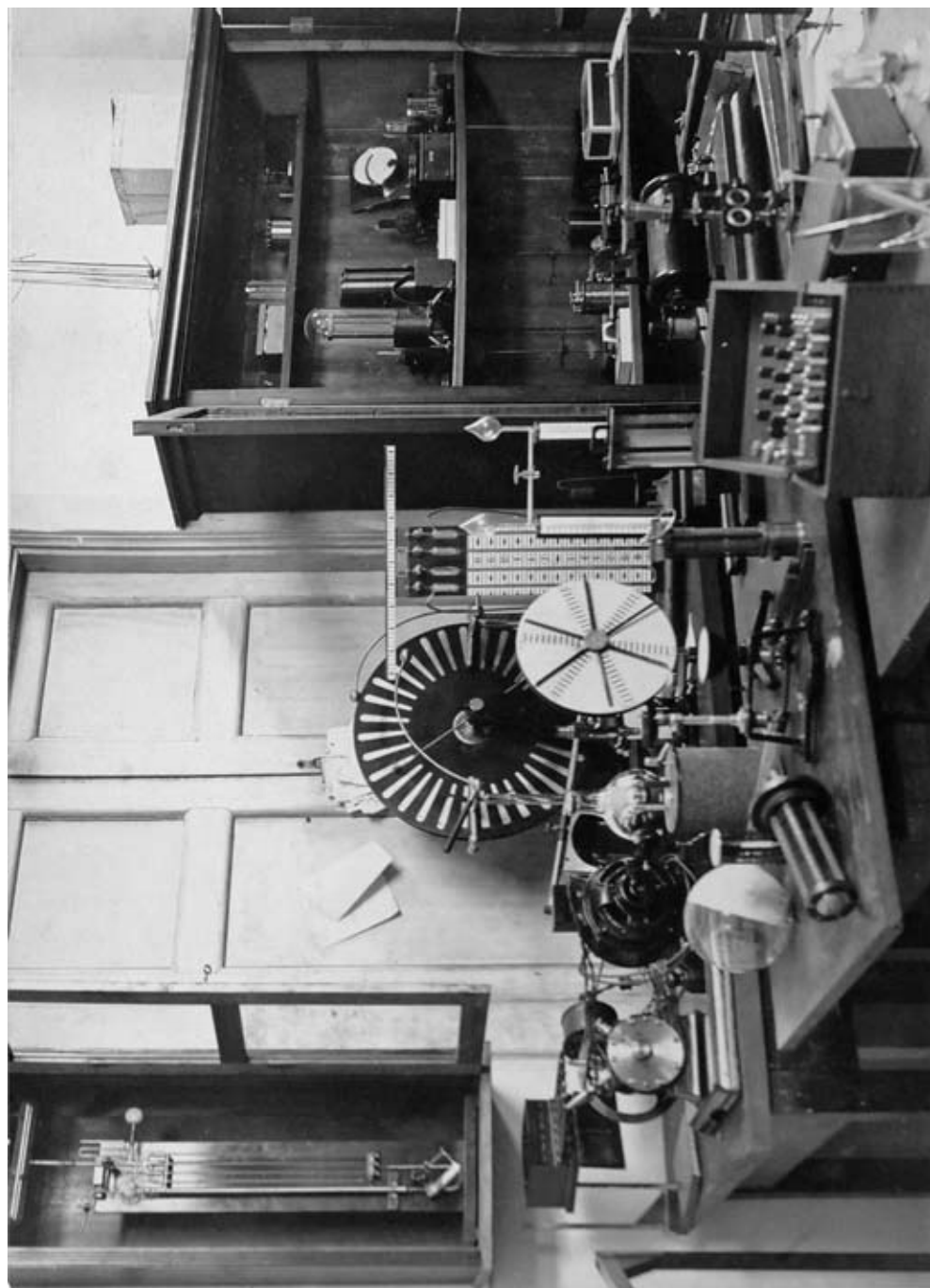

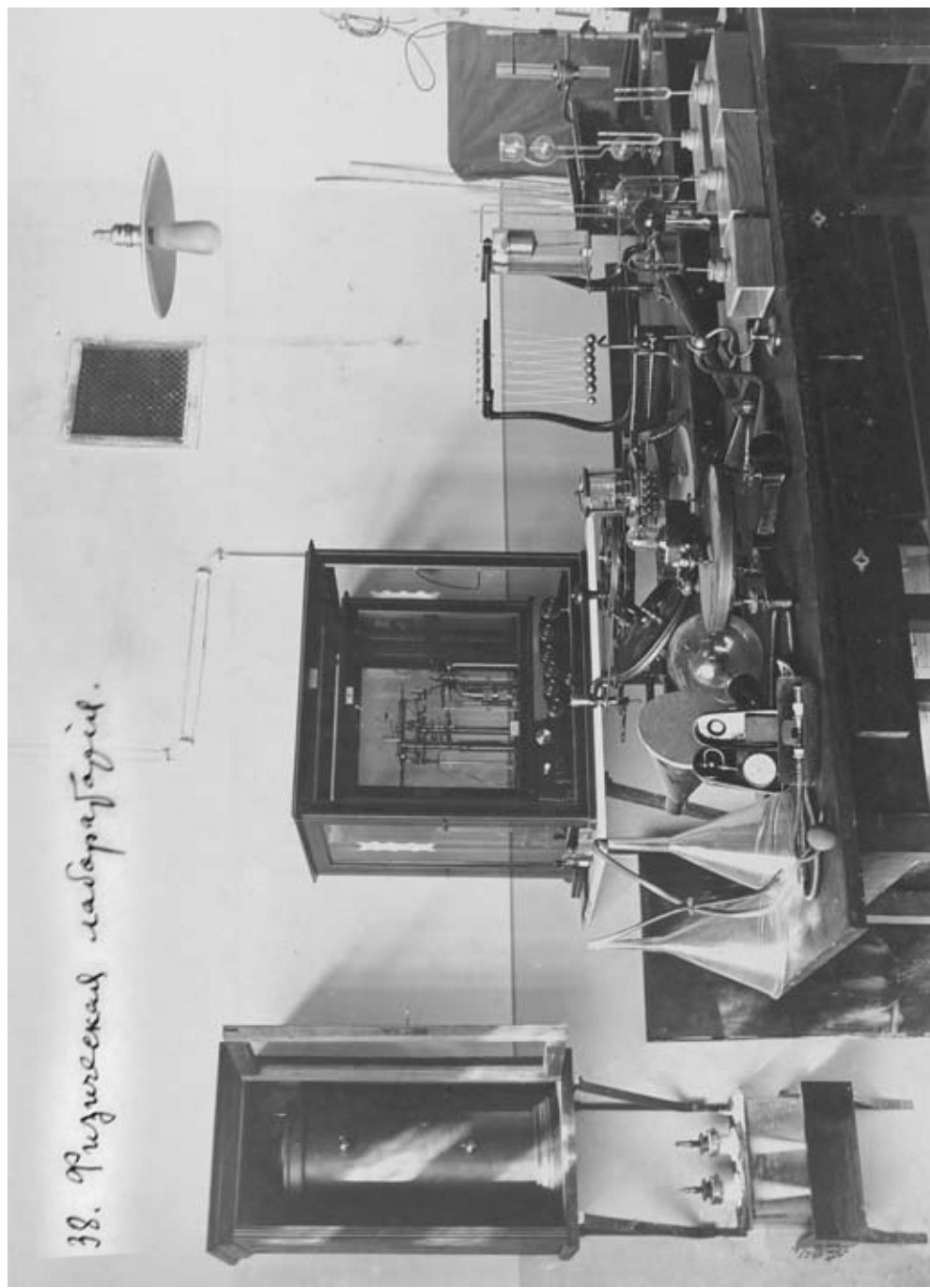

Справочная служба.

42. Служба переключателей

43. Строительная мастерская

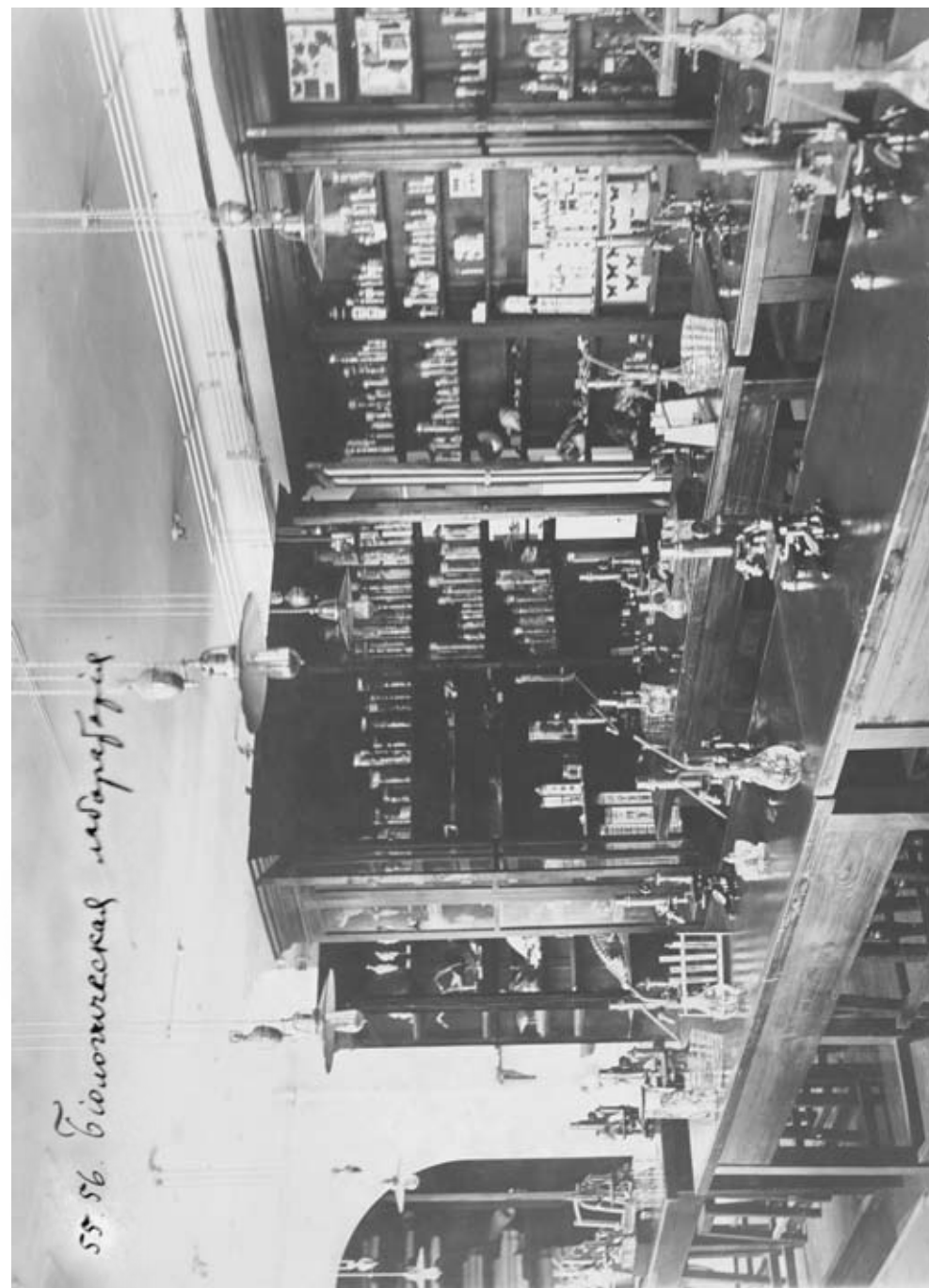

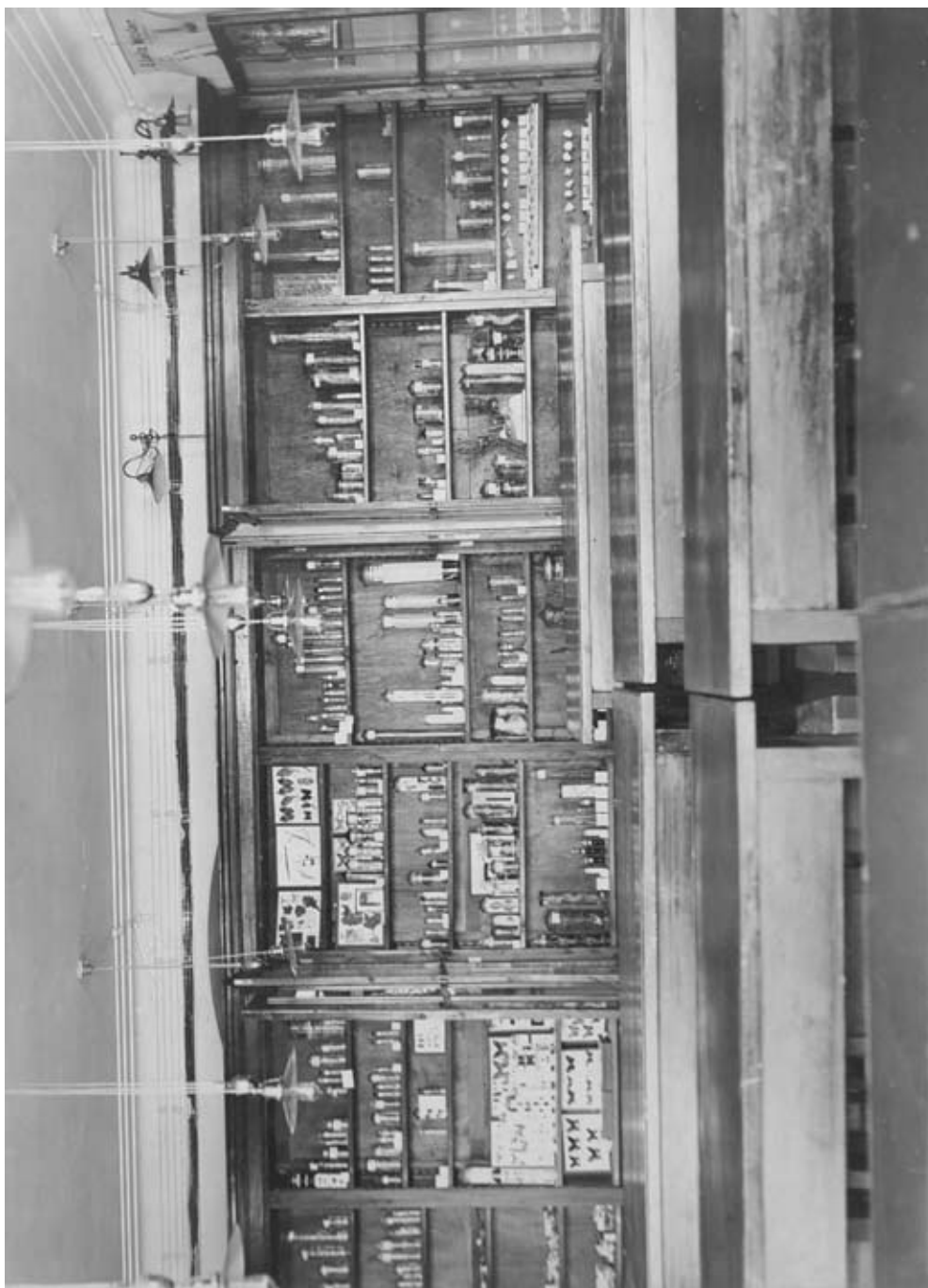

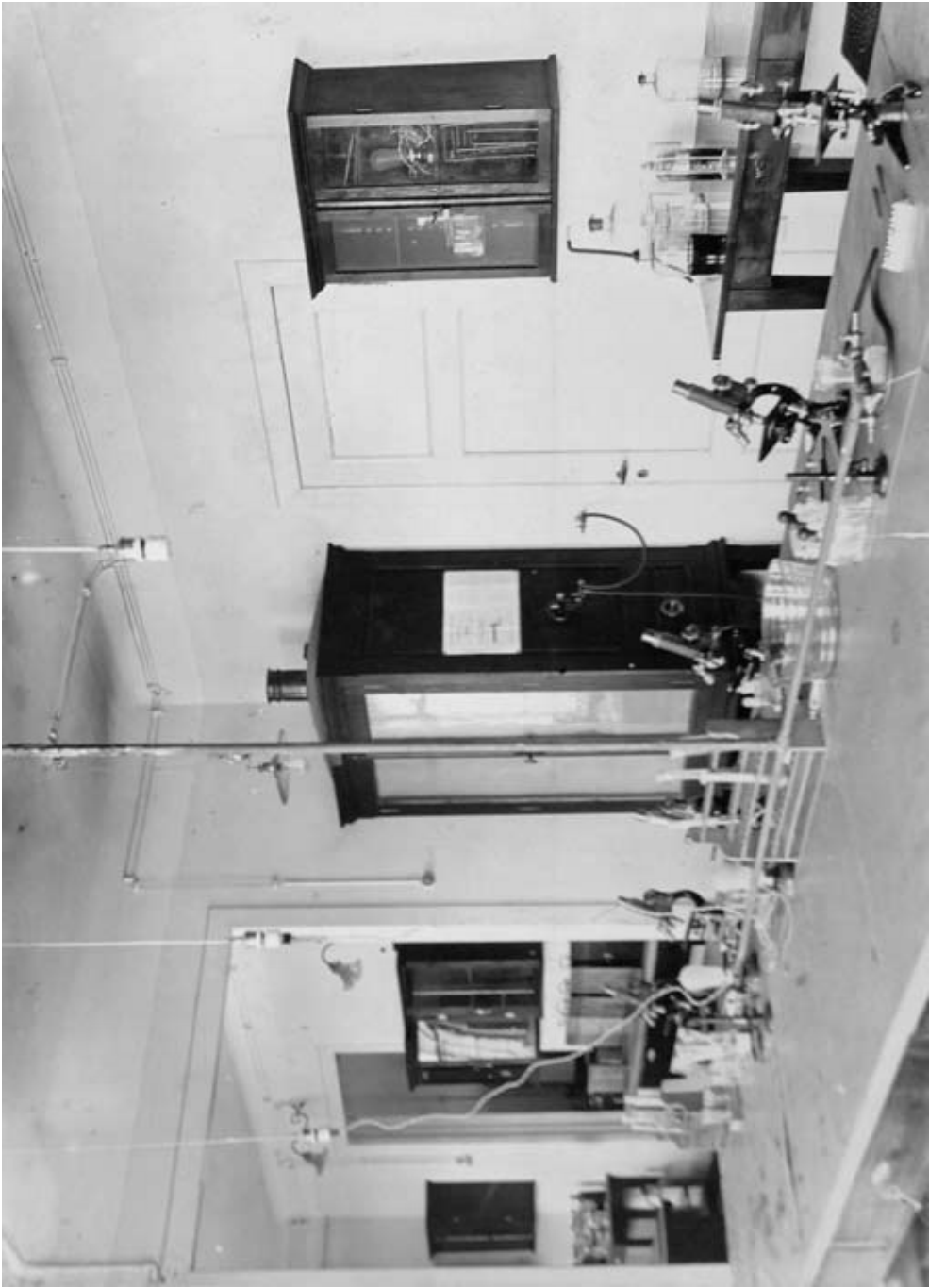

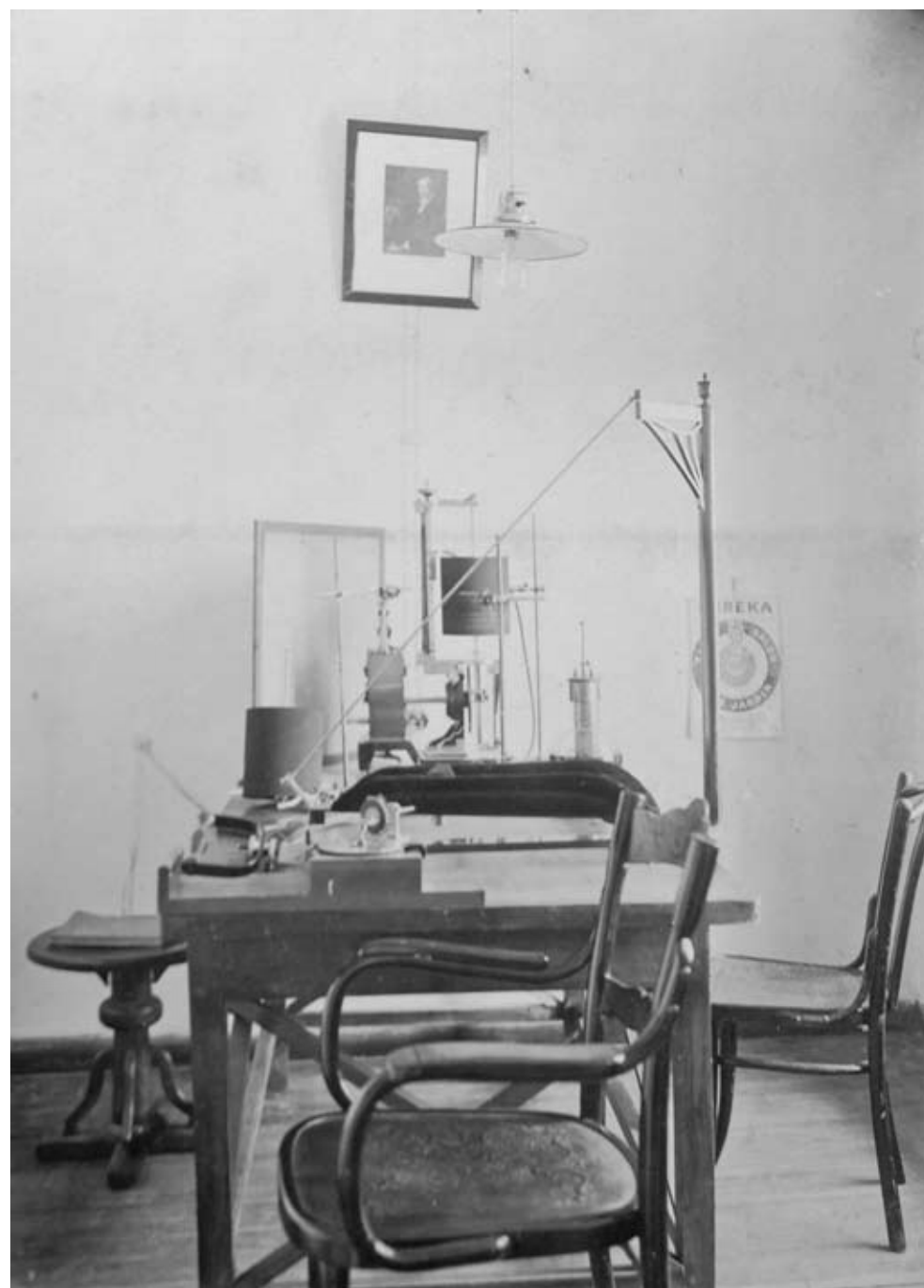

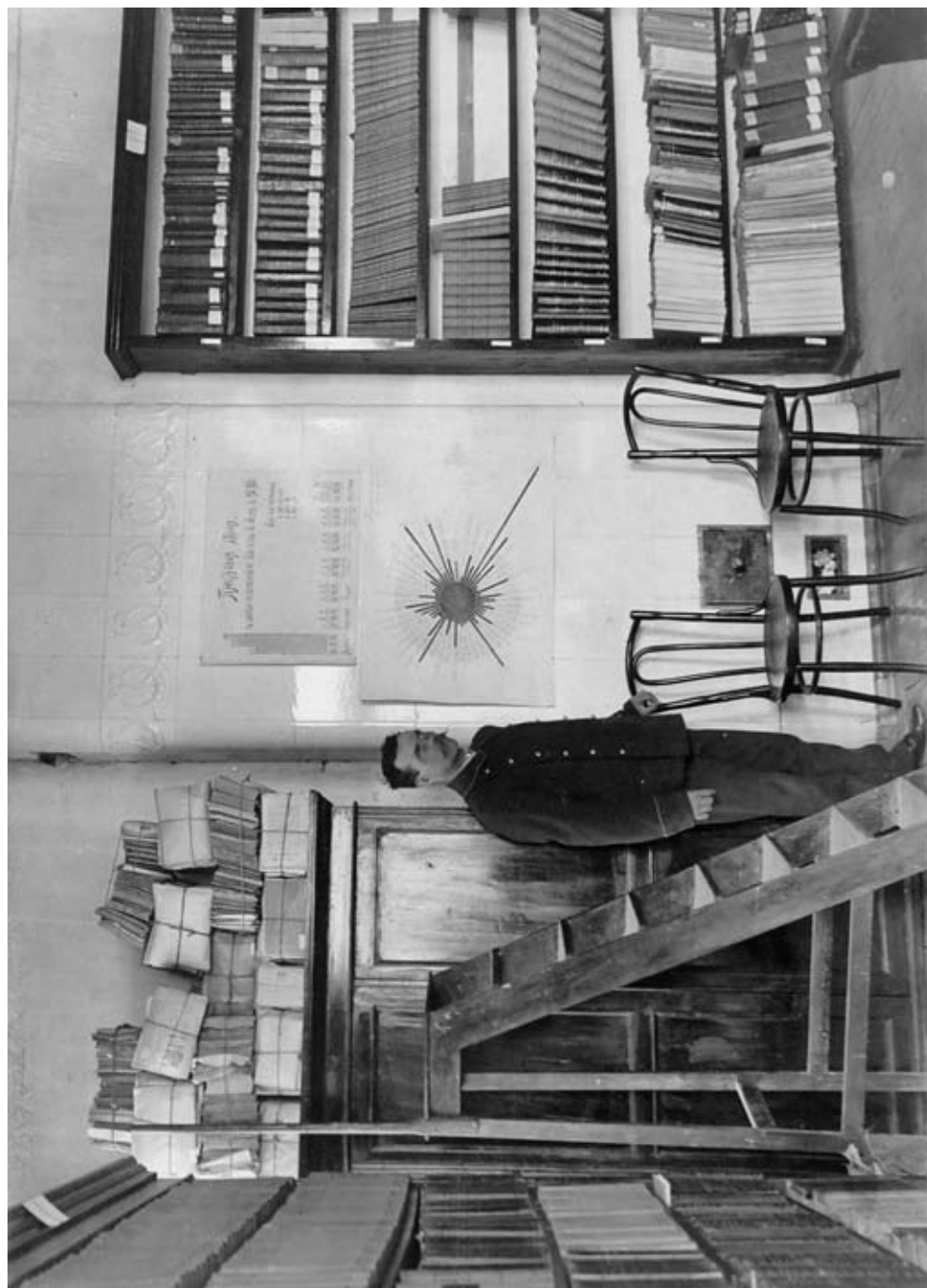

59 60. Taxferionwaxepal uawapafepjul.

Аудитории

Тыта аудитория?

Студенческие помещения

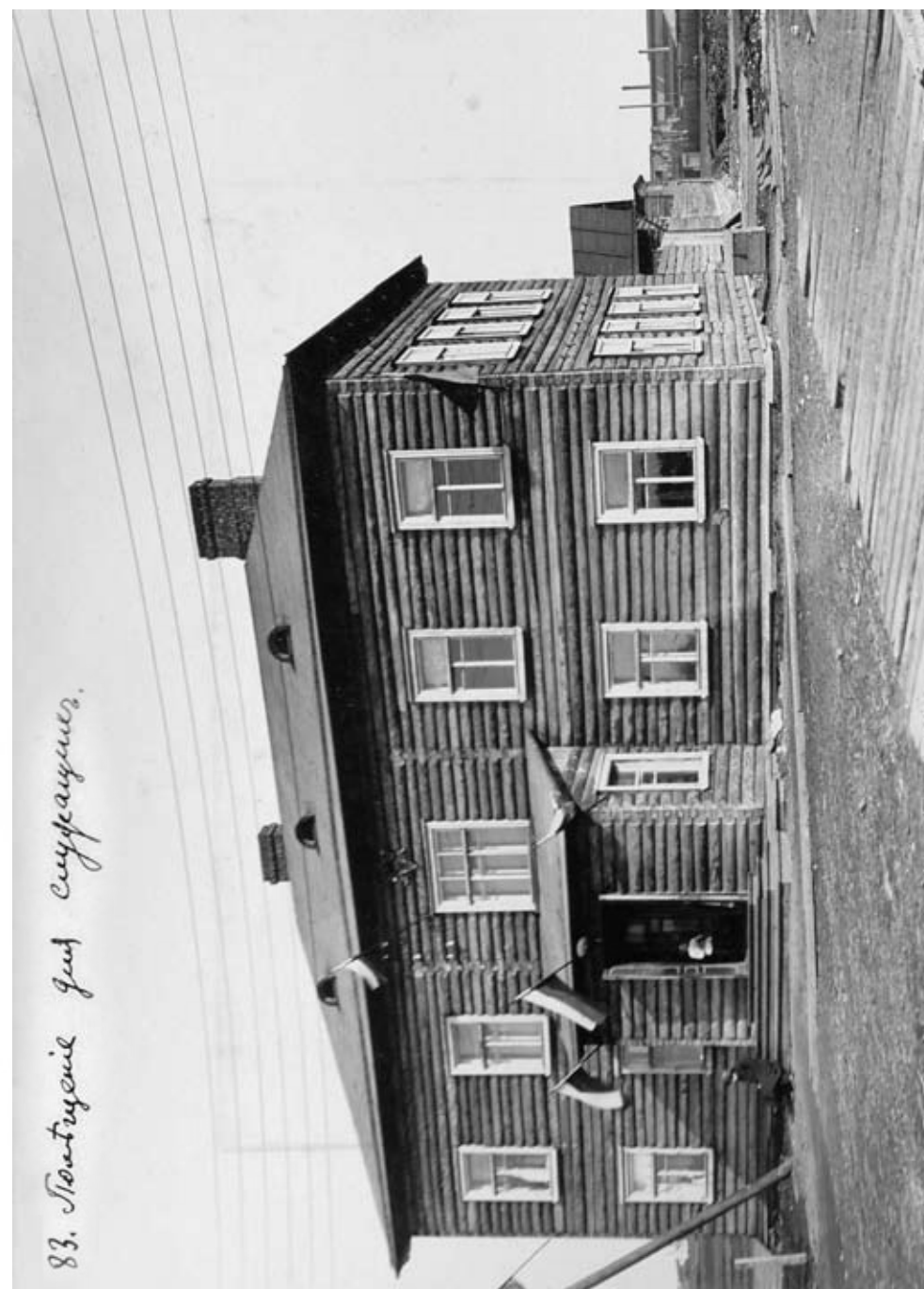
Студенческие помещения.

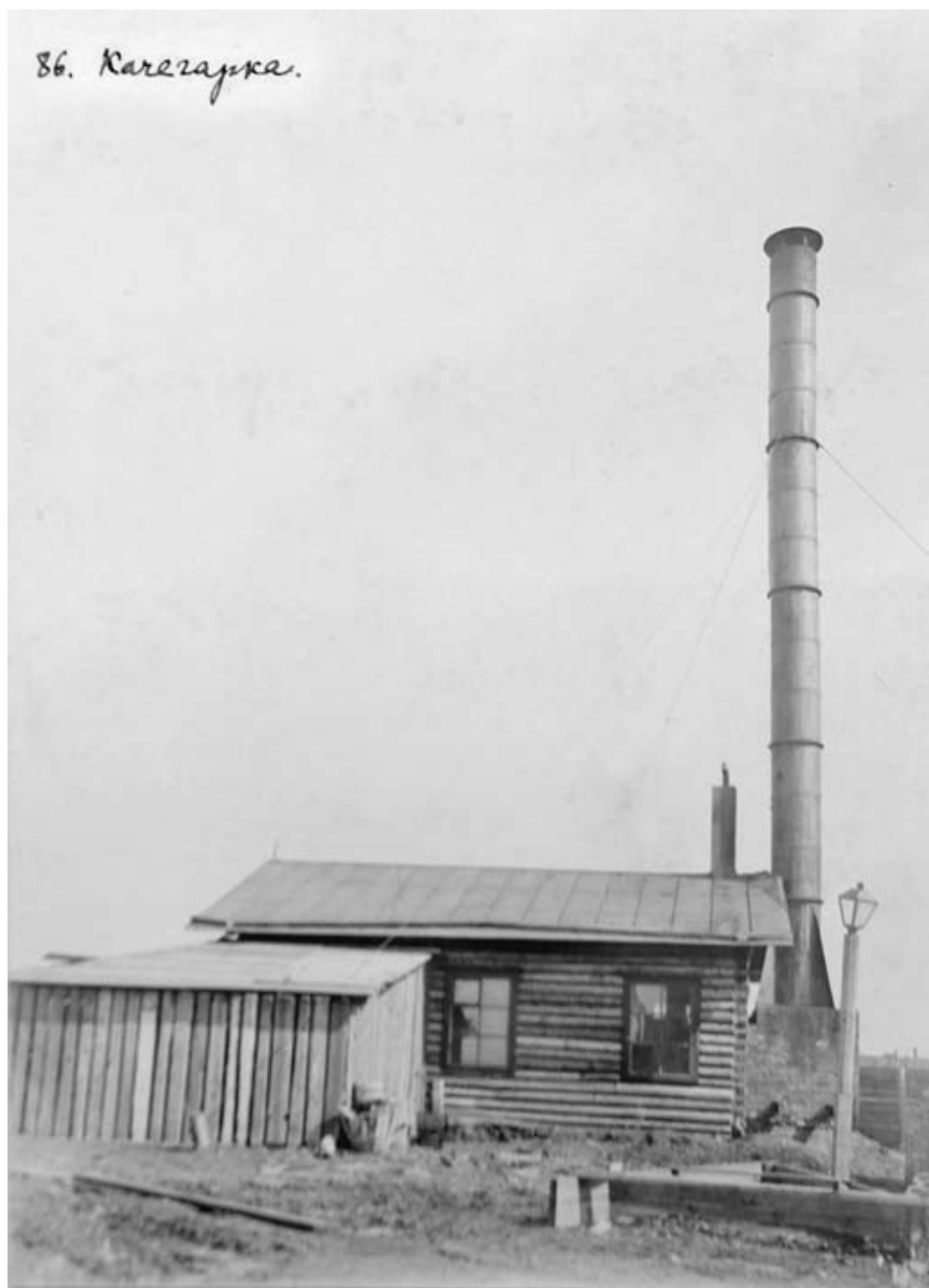

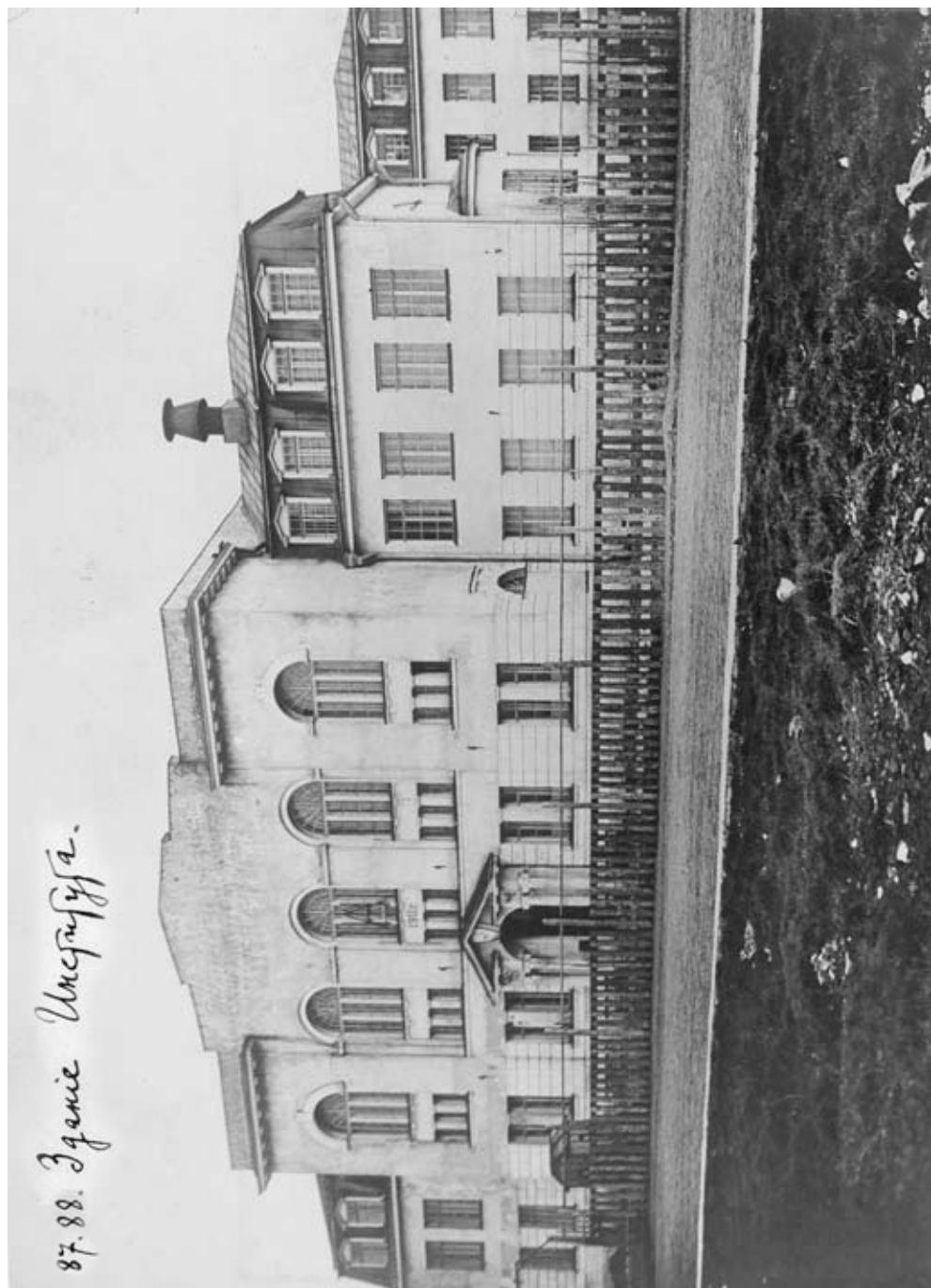

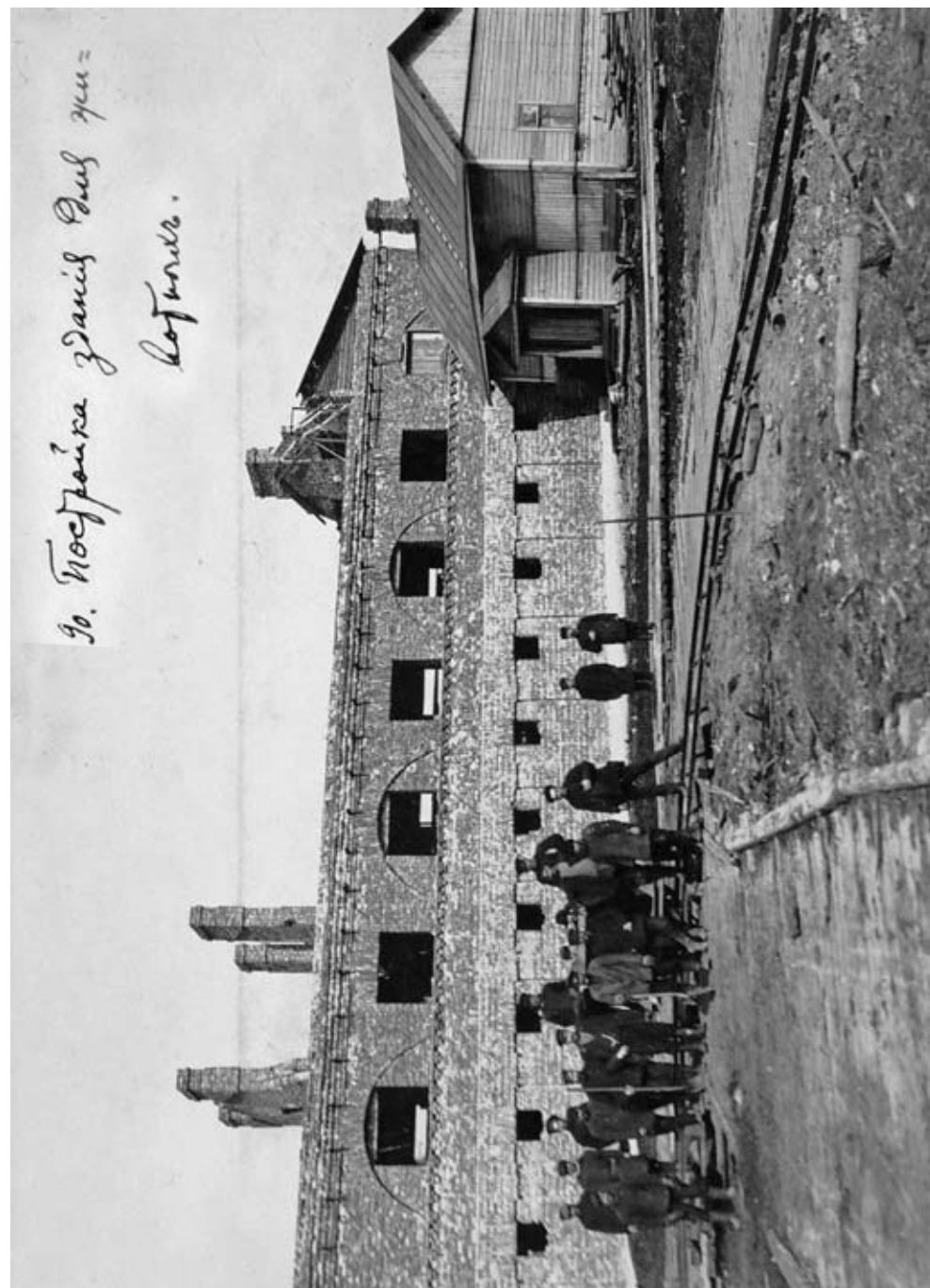
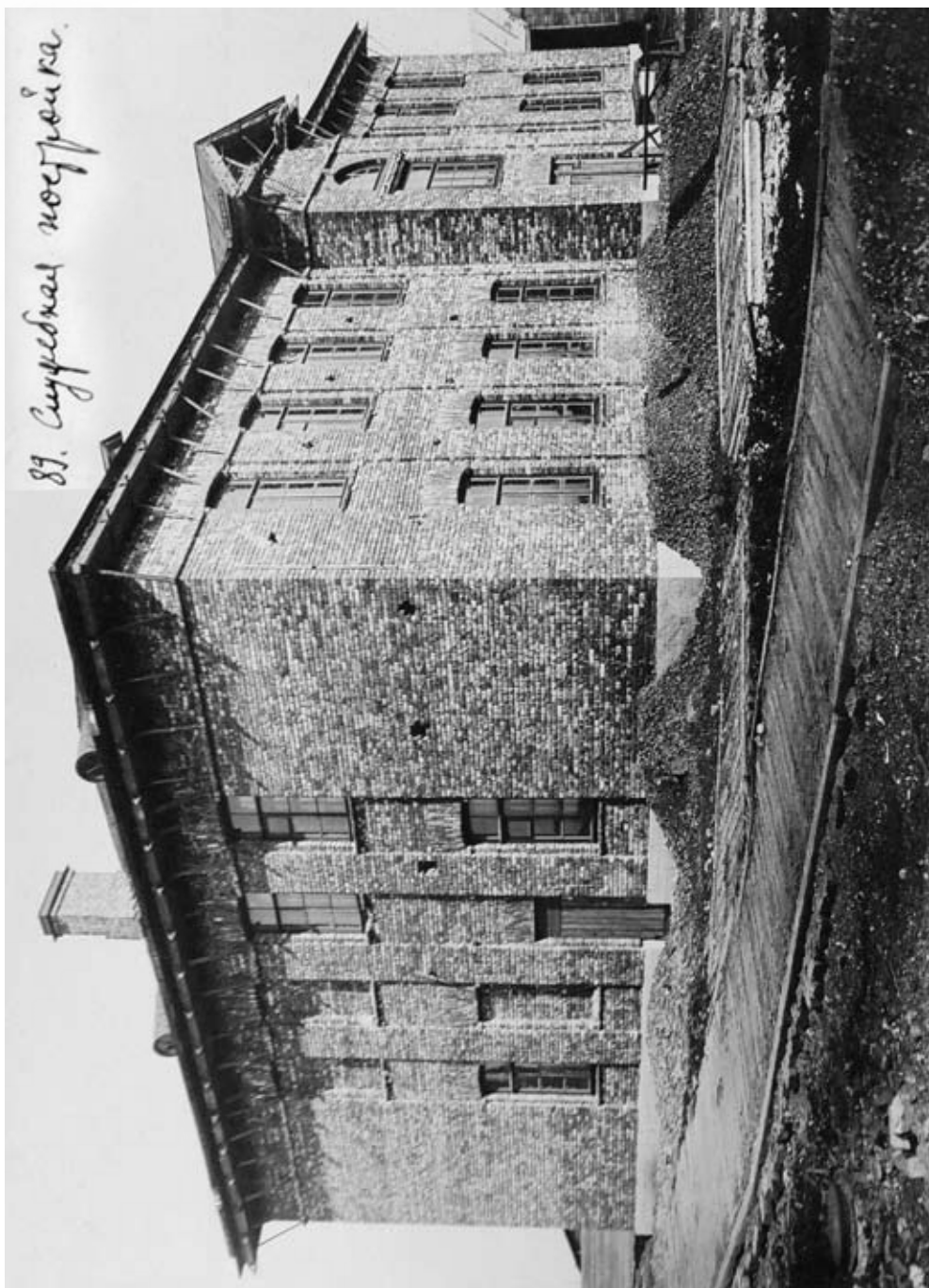

Климескій Противояснозобной
Инейбуго.

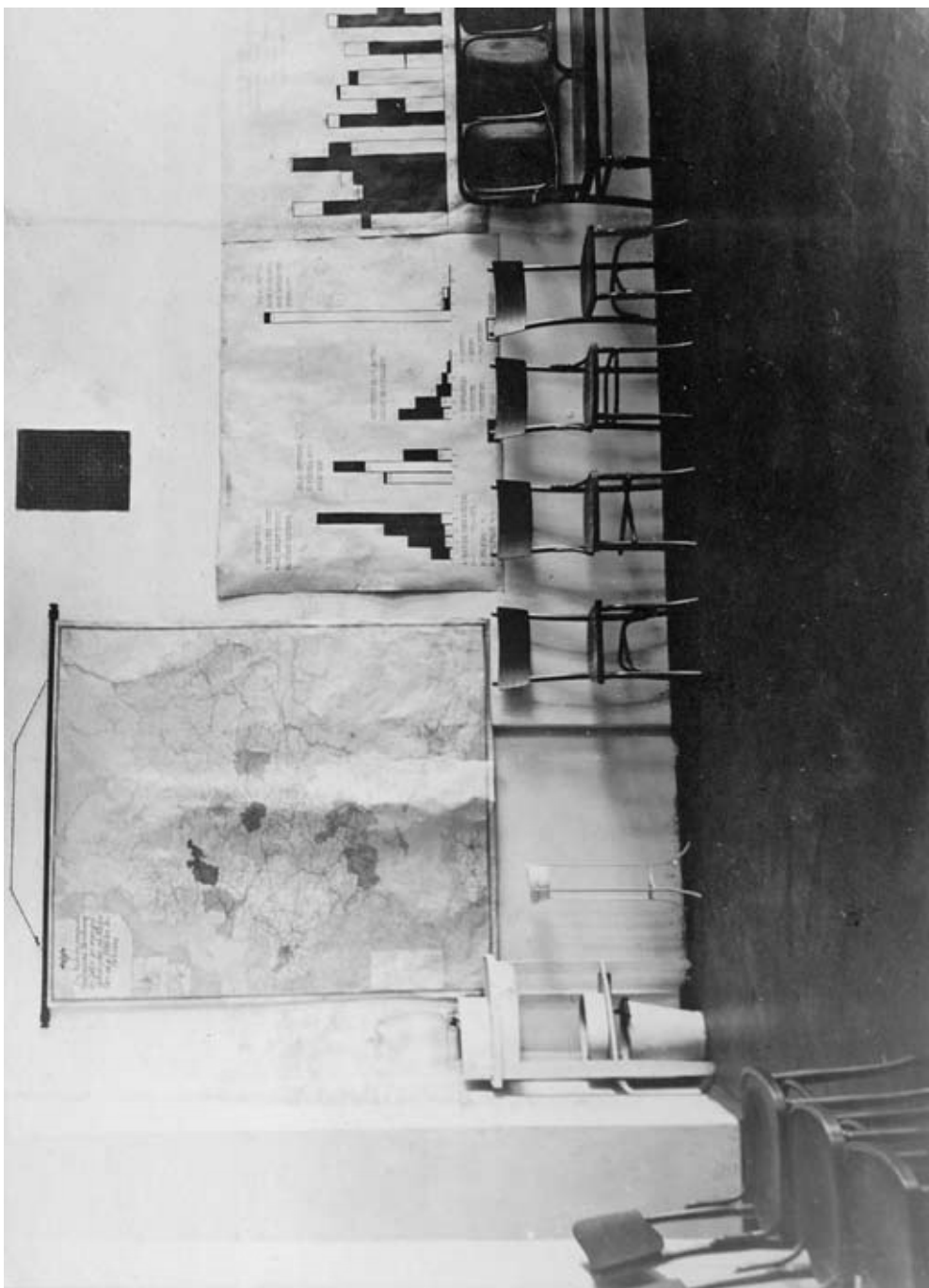

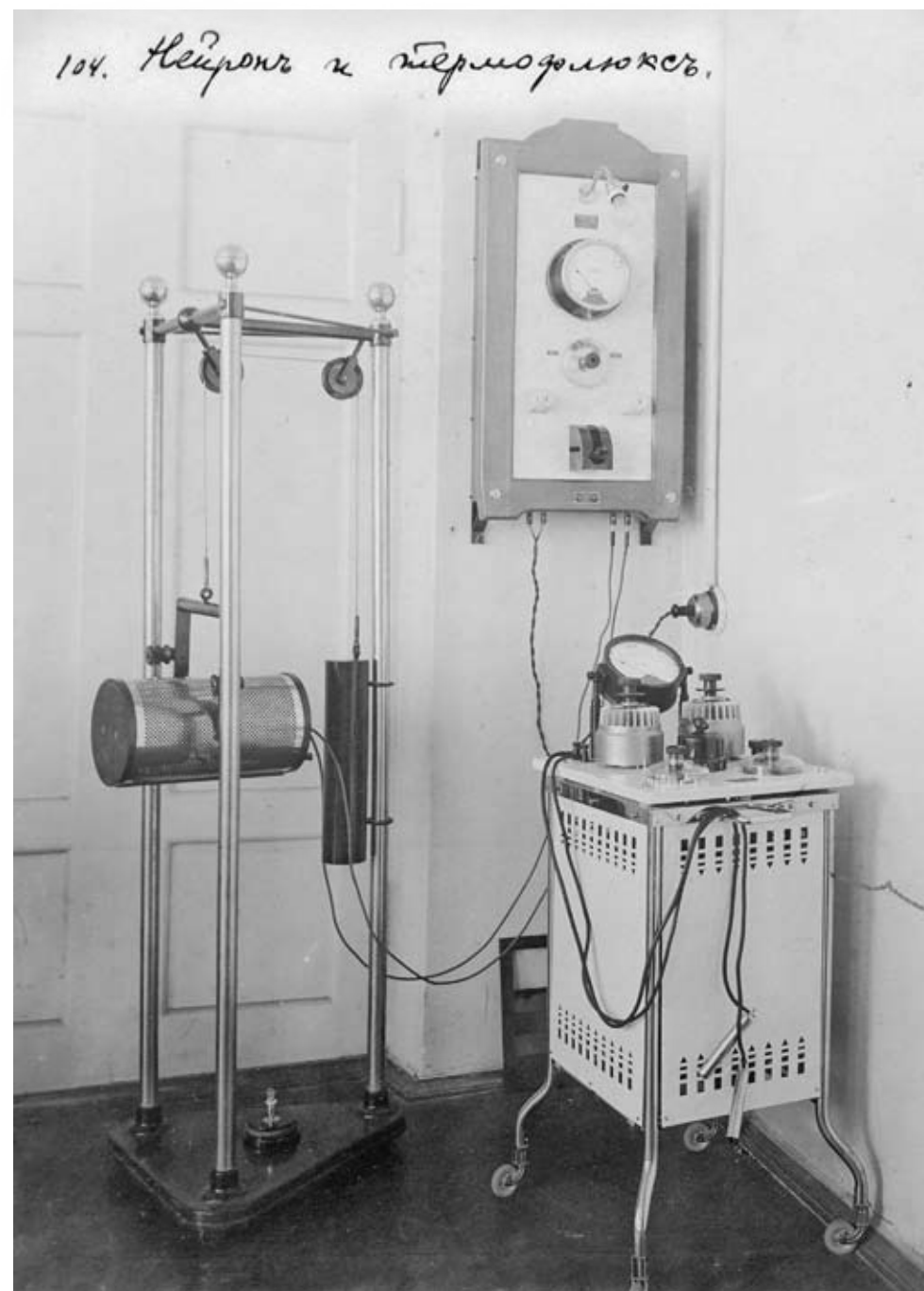
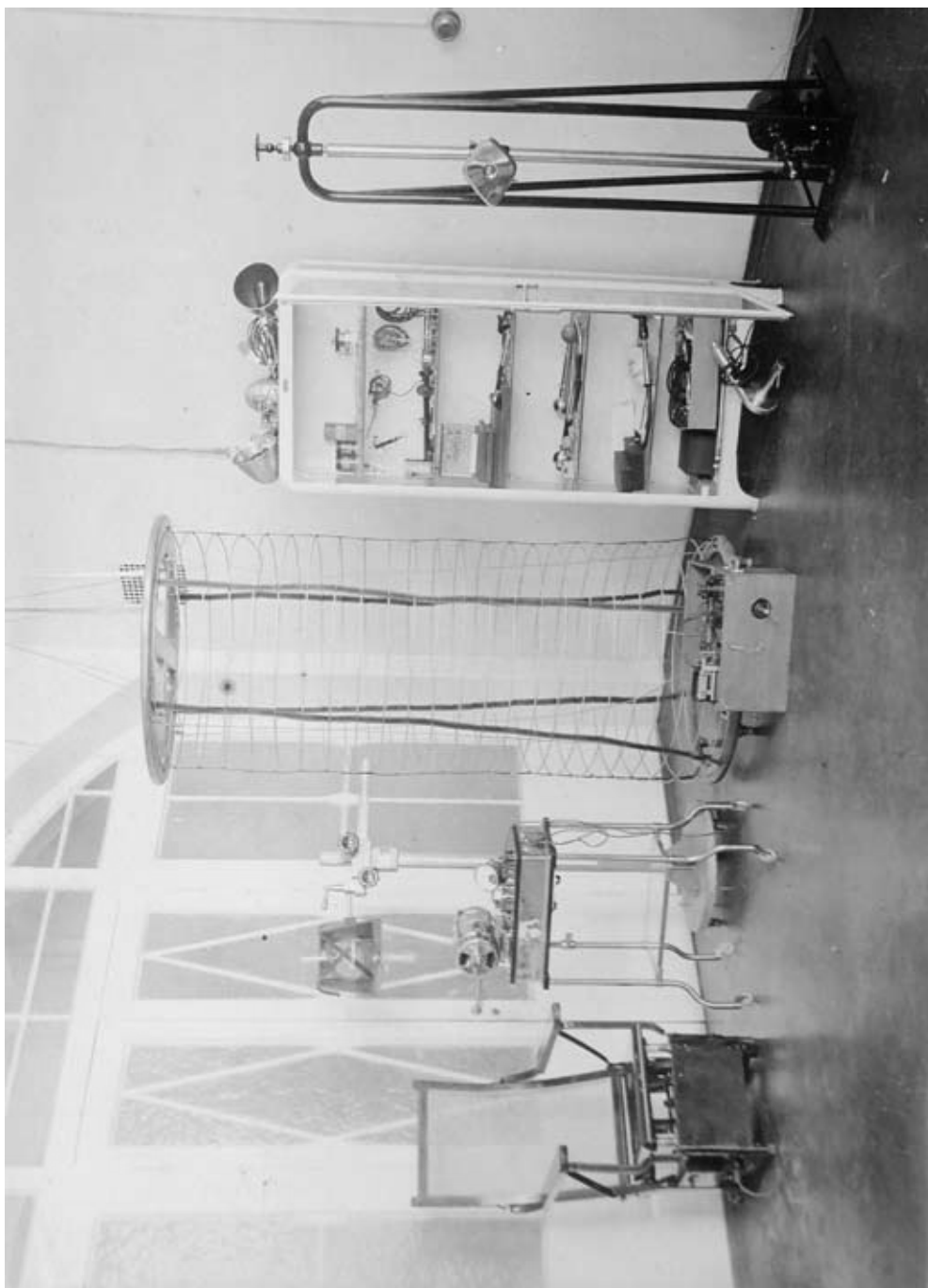

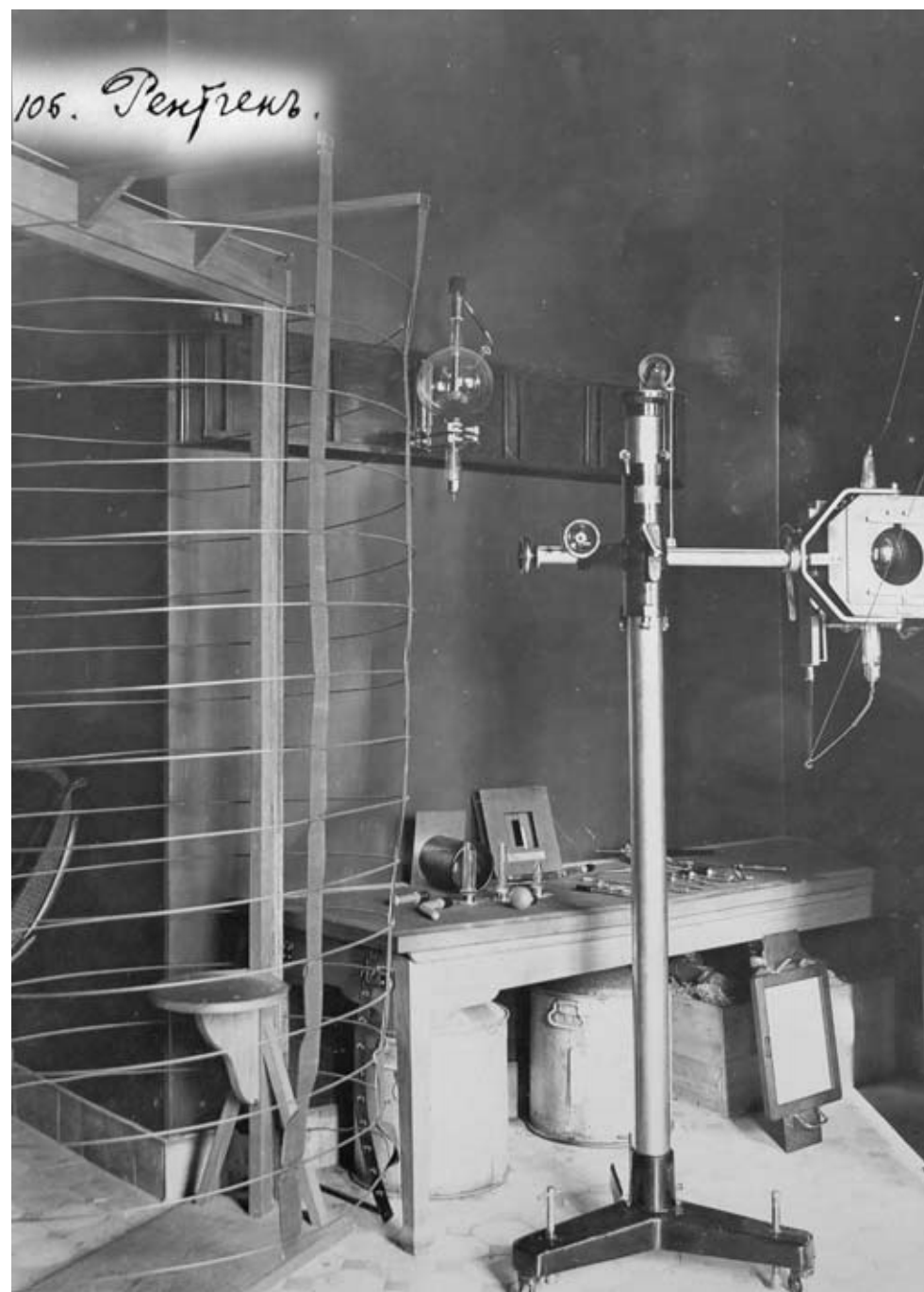
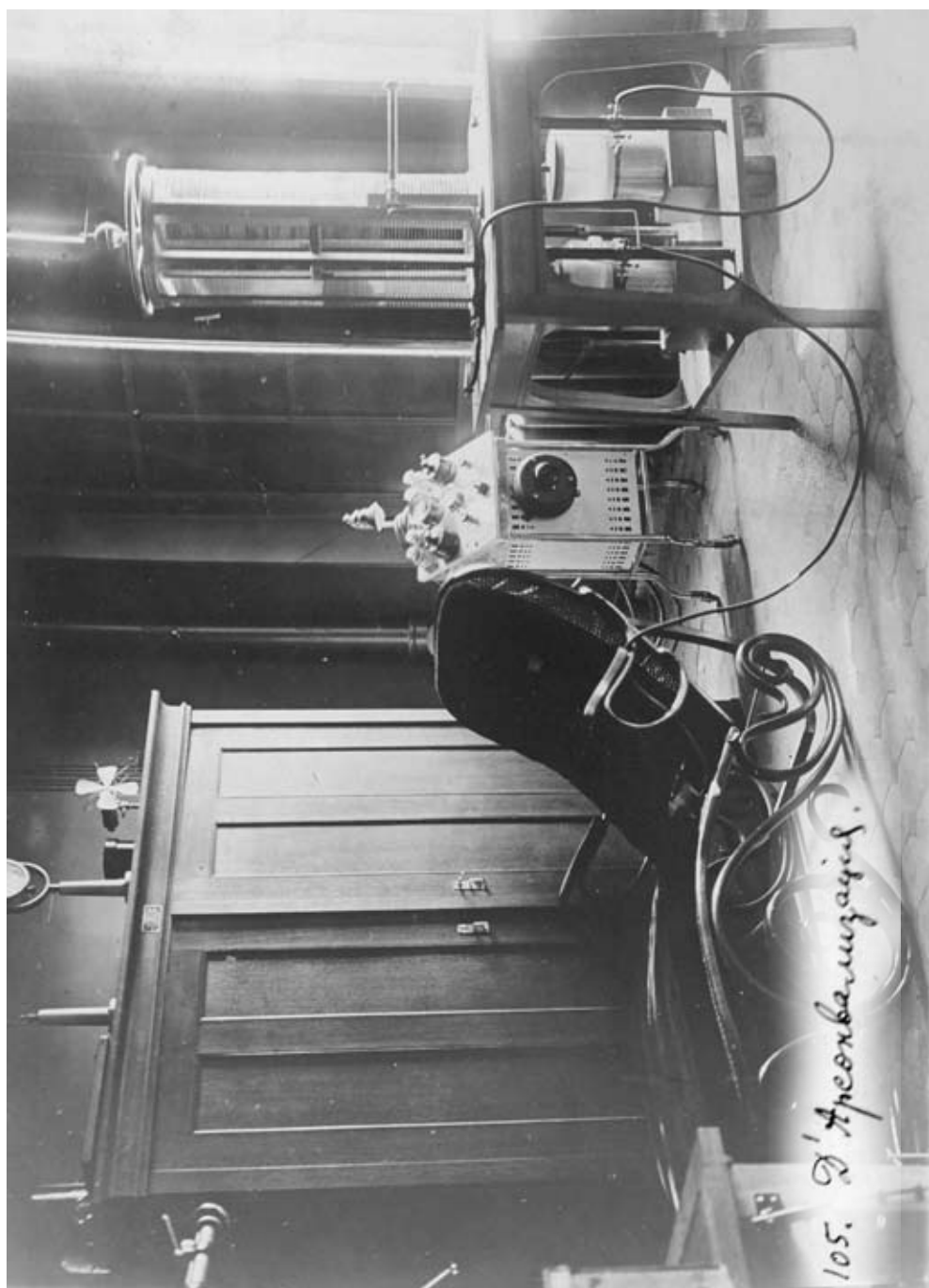

98. Kabinets bare audyografija.

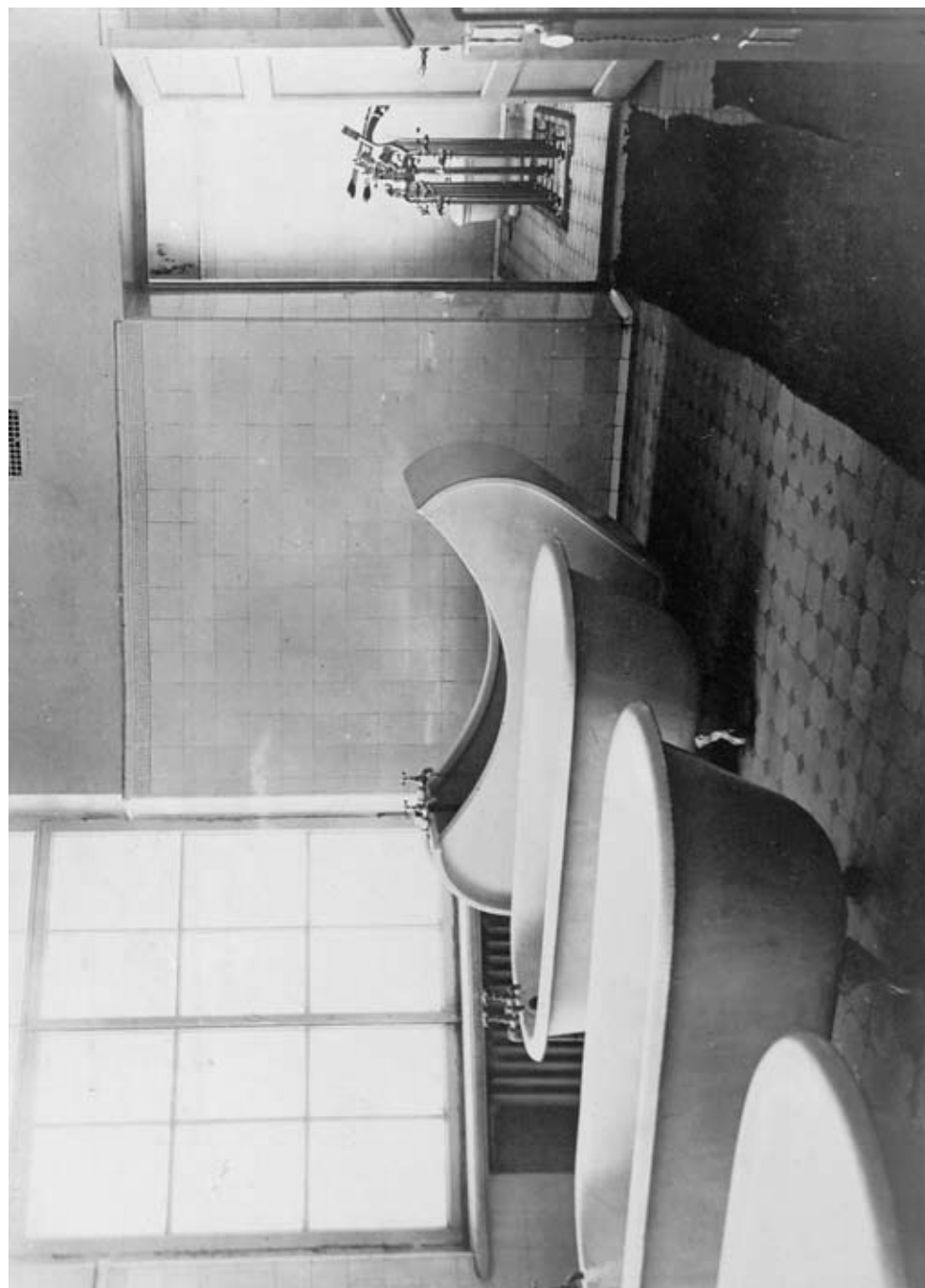
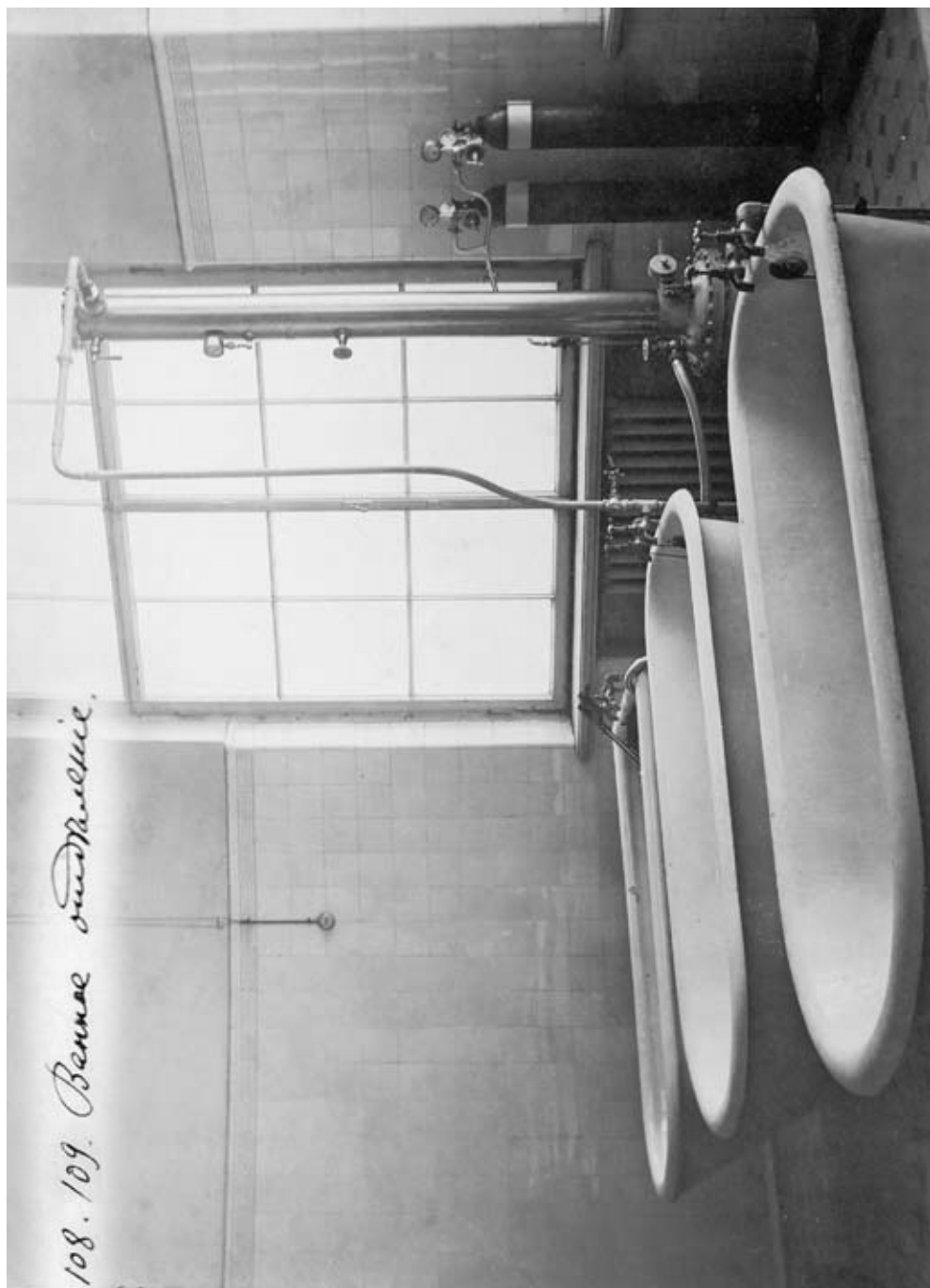

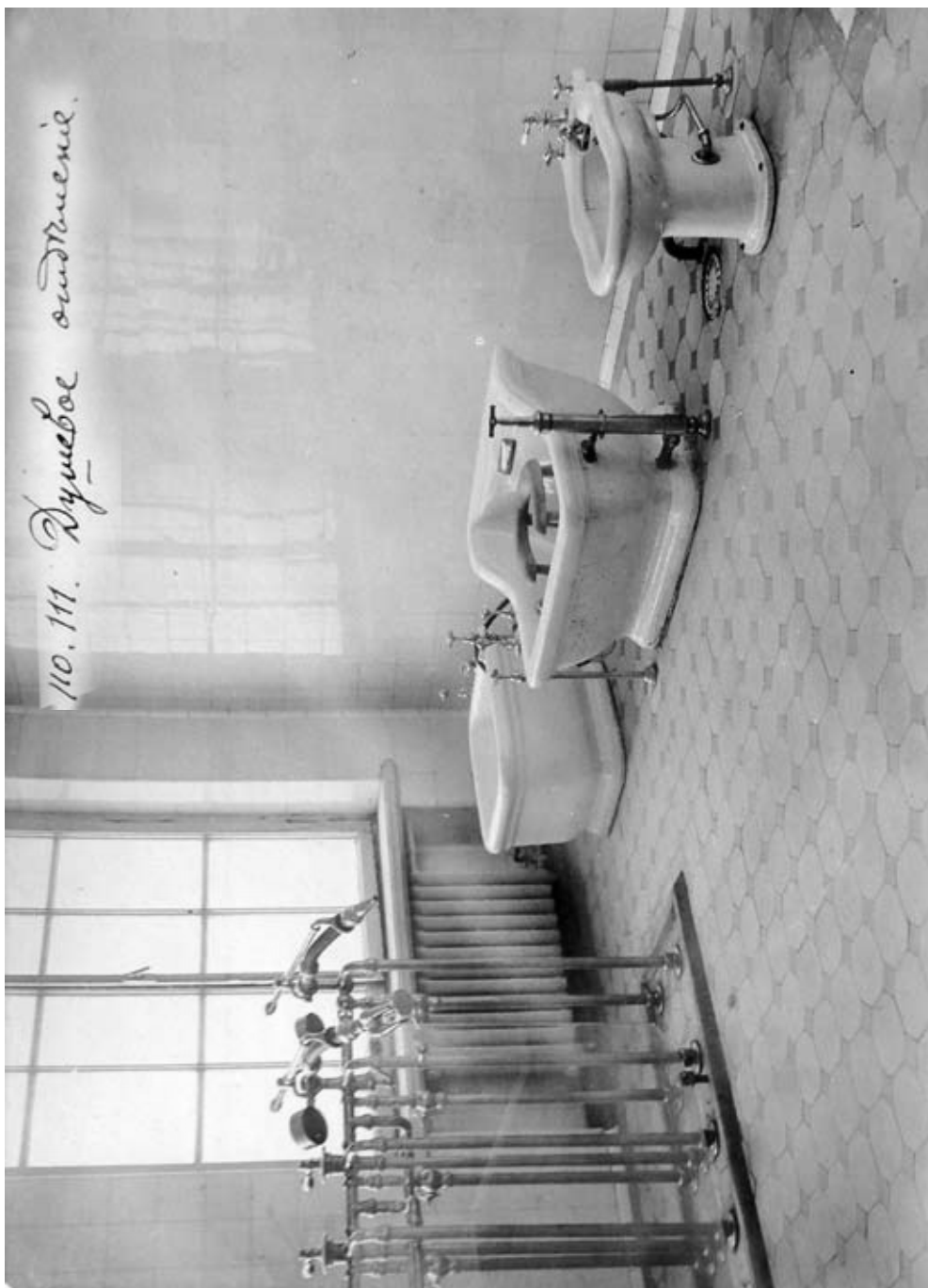

Водолечебница

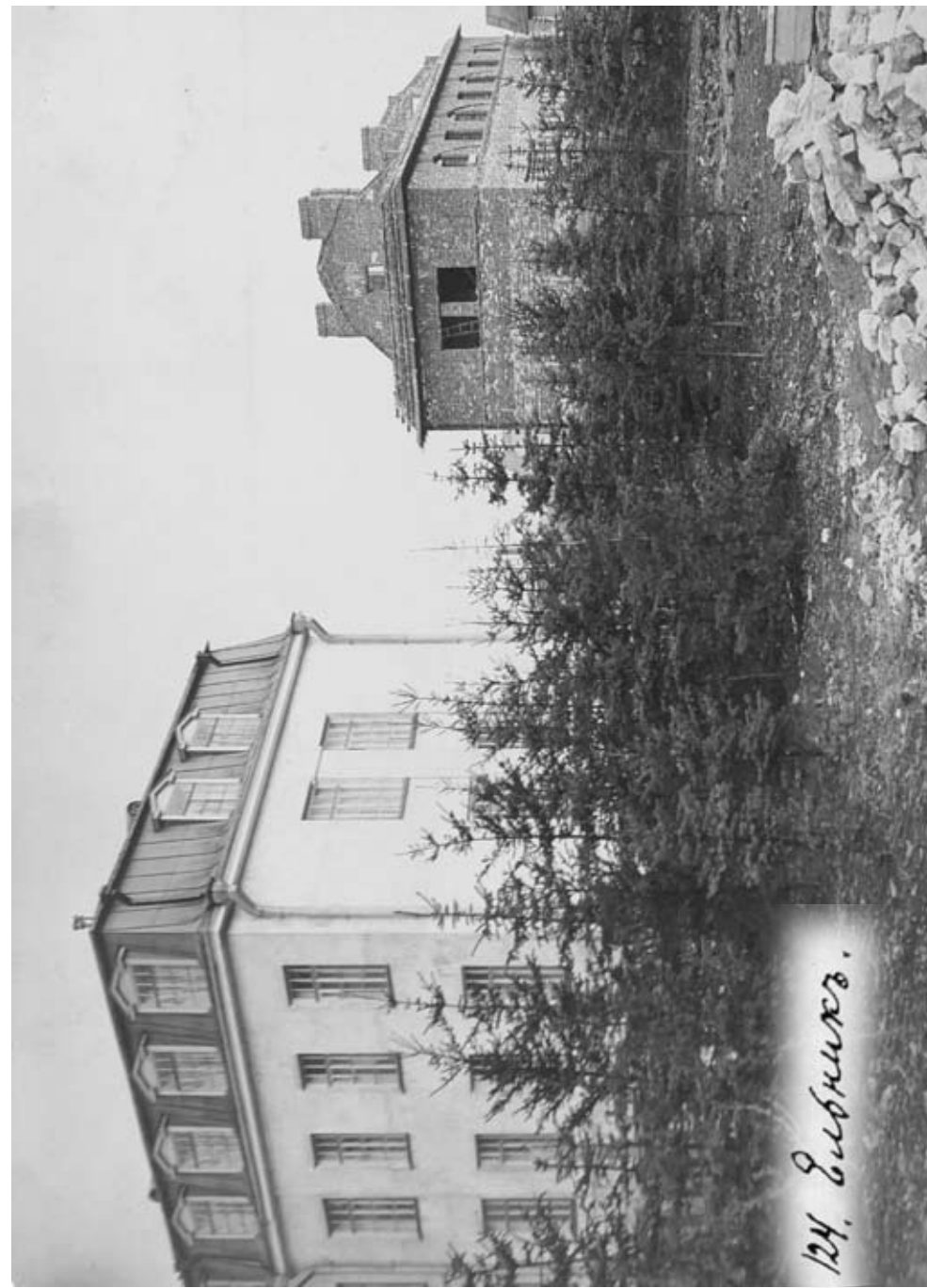

ПІТОМНИК

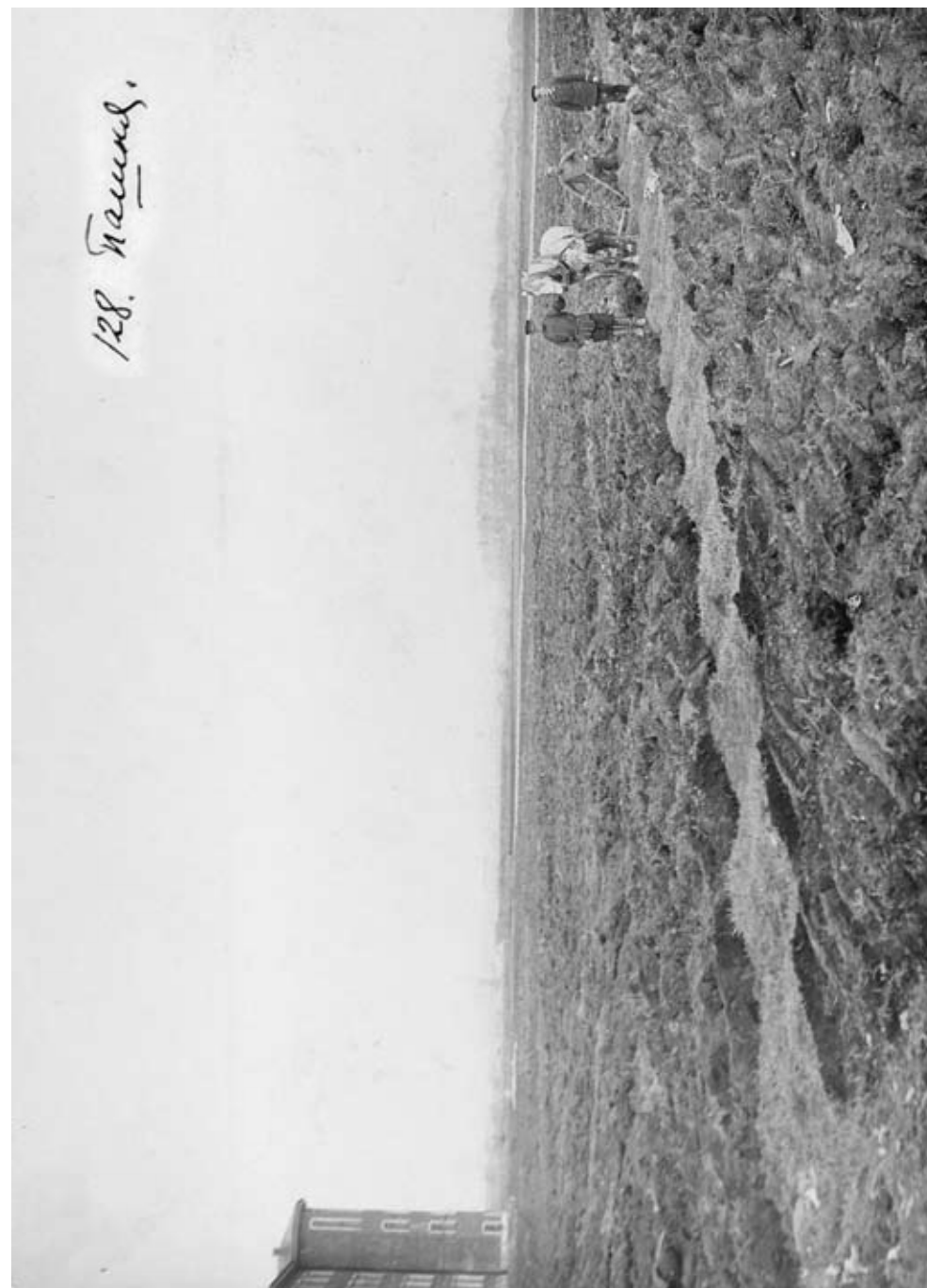

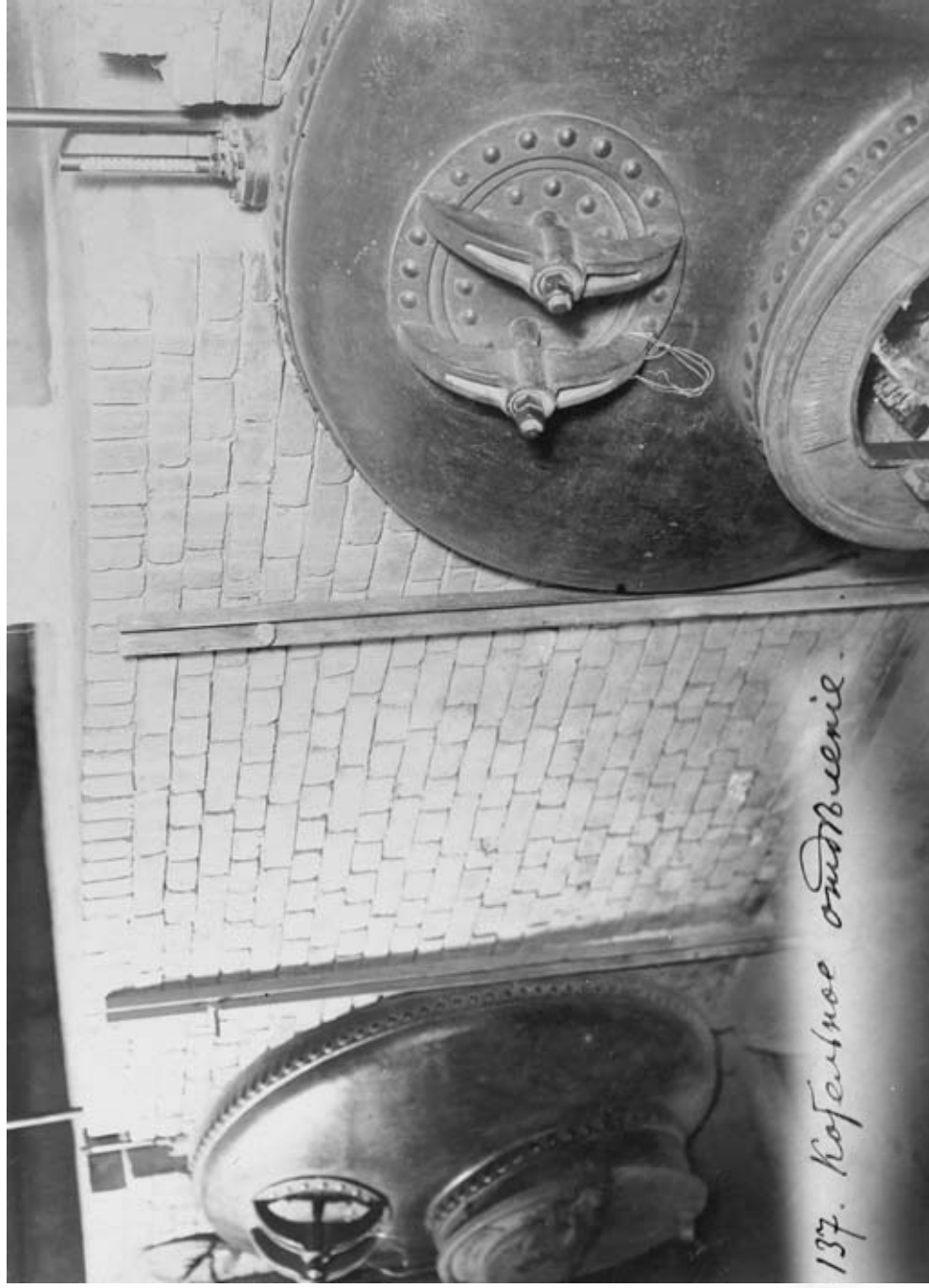

133. Корюнда Алексея

134. Скофунъ и явнѣ Скофъ.

Клиника нервных и душевных болезней ПНИ

Купчиха Кербас и думовик Ботвин? Н.-Н. У.

138. Обши́й буфет.

139. Приемная.

С. Петербургъ

Библиотека
Императорской
Академии наукъ
С. Петербурга

В.М. БЕХТЕРЕВ
ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

III том
Автобиографии.
Психо-Неврологический Институт.

Редактор-составитель:
д.м.н., профессор М.А. Акименко

Сдано в набор 06.12.2021. Подписано в печать _____.2022. Формат 70×100 1/16.
Бумага мелованная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,25. Тираж ____ экз.
Гарнитура Book Antiqua

Оригинал-макет подготовлен издательским отделом ООО «Прима Локо»,
191002, Санкт-Петербург, Владимирский пр., д. 17, лит. А, пом. 130-Н (29)
Тел./факс: +7 (931) 999-61-00
Дизайн, верстка: Альков А.С.

Отпечатано в типографии ____
Зак. № ____

ISBN ____